

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

Е. А. Самарская

**СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ
В НАЧАЛЕ ВЕКА**

Москва
1994

ББК 66.02
С 17

Ответственный редактор
доктор философских наук *К.Х. Делокаров*

Рецензенты:
доктор философских наук *Е.Л. Петренко*;
кандидат философских наук *М.А. Абрамов*

С 17 Самарская Е.А.
Социал-демократия в начале века.
- М., 1994. - 215 с.

В книге исследуется история теоретического и политического раскола социал-демократии, связанного, с одной стороны, с переходом многих социал-демократических партий Запада на позиции реформизма, и с появлением, с другой, новой формы революционного марксистского социализма-ленинизма. Хронологические рамки исследования - конец XIX - начало XX века, они совпадают с историей возникновения и распада Второго Интернационала. Автор развивает идею о том, что история социализма как в начале XX века, так и в конце его представляет различные попытки реализации философского проекта нового утверждения качественных ценностей путем преодоления рационализированного мира капитализма, проекта, который Маркс предложил практическому социалистическому движению, надолго определив, таким образом, его философскую парадигму.

ISBN 5-201-01844-0

© Е.А.Самарская, 1994
© ИФРАН, 1994

Предисловие

В интересе к истории социализма в ситуации его очевидного кризиса автор поддерживает убеждение, что независимо от того, взята ли она как история государственных образований, или политических движений, или как эволюция идей, она составляет неотъемлемый фрагмент общей истории девятнадцатого и особенно двадцатого веков. И постольку заслуживает пристального анализа, тем более что в советский период эти вопросы освещались крайне тенденциозно, тут было множество умолчаний, прямых запретов и проч. В полной мере это относится к социалистическим теориям, к соотношению различных идейных течений в социализме. Достаточно сказать, что на протяжении десятилетий в отечественной литературе господствовало мнение о тождестве классического марксизма и ленинизма, последний, несмотря на свои варварские упрощения, вообще выдавался за эталон социалистической идеи. Такая установка принесла немало вреда не только отечественному общественному сознанию, но и реальной истории страны советского периода. В предлагаемой работе ленинизм рассматривается как специфическая форма социализма, окончательно сформировавшаяся в период первой мировой войны и российских революций 1917 г. Одновременно и в значительной степени в борьбе с ленинизмом и тоже в противостоянии классическому марксизму формировалась тогда западная социал-демократия. Сопоставление на теоретическом уровне этих двух основных течений социалистической мысли XX века (а отчасти и некоторых других), со столь разной и в чем-то общей судьбой, автор считал своей основной задачей.

При ее решении неизбежно встал вопрос о самом общем философском смысле, какой несет в себе понятие социализма. Речь не идет об анализе собственно философских взглядов социалистов начала века, философия, как правило, не была в центре их внимания, Бауэр, Богданов, Сорель - вот некоторые исключения, Ленин занимался философией по политическим мотивам, то же - Каутский, когда ему случалось писать по философии. К тому же можно нередко зафиксировать расхождения между сознательно исповедуемой тем или иным социалистом философией и общими принципами, лежащими в основе его практической политической деятельности. Так, Ленин был в философии диалектическим материалистом, придерживался принципов марксистско-гегелевской диалектики. Но она ведь была ориентирована Марксом на выражение внутренних противоречий капитализма, борьбы труда и капитала. Между тем особенность социалистической стратегии Ленина состояла в привлечении на сторону социалистической революции сил, которые не имели отношения ко всей этой имманентной диалектике капитализма, были внешними для нее (российское крестьянство, национально-освободительные движения Востока). Налицо несовпадение философской теории у Ленина и его социалистической практики. То же можно сказать о Каутском. Его философские взгляды часто оценивают как экономический детерминизм, отмечают равнодушие Каутского к философской теории диалектики. Но в вопросах социалистической стратегии Каутский, когда он еще был ортодоксальным марксистом, вполне диалектичен, диалектикой пронизаны его предсказания неизбежной гибели капитализма, социалистического предназначения пролетариата и др. Следует также добавить, что философские, также как политические, экономические решения социалистов чрезвычайно различны, а между тем существует нечто, что их объединяет, оправдывает их претензии на социалистичность. Это самые общие принципы соци-

алистической мысли и социалистического действия, в рамках которых формировались разные течения социализма с присущими им экономическими, политическими, философскими решениями.

Тщетно было бы отыскать такие принципы чисто логическим путем, сравнивая, сопоставляя социалистические теории, коих великое множество. Решить проблему можно, по-видимому, лишь при историческом подходе к ней, а именно зафиксировав основную интенцию социализма в период его возникновения. Корни современного социализма уходят в европейский XIX век, когда в противостоянии капитализму складывались утопический социализм, марксизм, анархизм. Современная отечественная публицистика трактует социализм как царство унылого равенства, всеобщей унификации, как господство посредственности. Это естественная реакция на практику советского социализма, которая объясняет и aberrацию распространенного у нас в настоящее время восприятия капитализма и рыночных отношений в духе общества многоликого и многокрасочного. Между тем у истоков современного социализма находится самая резкая критика, вполне подобная той, какую наши нынешние демократы адресуют социализму, но с обратным знаком, а именно, критика равенства и унификации, которые несут обществу рынок и демократия, упреки в том, что демократия ведет к диктатуре посредственности и т.д. Исторически это вполне объяснимо: капитализм в XVIII, XIX веках шел на смену многообразному сословному обществу и потому поражал воображение современников своей тенденцией к социальной нивелировке.

В самом общем виде критика рынка в социалистической традиции (Прудон, Маркс, Сорель, Лукач и др.) сводится к указанию на то, что производство и потребление оказываются подчинены абстракциям (законам меновой стоимости, прибыли), которые кажутся ото-

рванными от качественных ценностей (от потребительской стоимости товаров, качественного разнообразия труда, стало быть, от реального потребления и реального труда). И между тем любой труд и его продукт вынуждены постоянно соотноситься с этими абстрактными нормами и получать от них право на существование. Производство и потребление в таком случае не связаны друг с другом непосредственно, а только через мир абстракций (меновая стоимость, прибыли). Это обстоятельство сильно поражает людей, которые сравнивают рыночное хозяйство с натуральным. Сорель выразил это чувство следующим образом: "Все растворяется от прикосновения к рынку, всеобщность меновых сделок заставляет в конце концов видеть лишь атомы производства и обмена"¹. Он сравнивал в этом отношении рынок с парламентом: подобно тому как в последнем конкретные мнения исчезают в "безличной общей воле", так различные товары идентифицируются соответственно абстрактной меновой стоимости.

Демократические абстракции критиковали и Маркс, и Прудон, и Сорель, и Ленин. Маркс уже в 1843 г. в статье "К еврейскому вопросу" критиковал демократию (обозначая ее термином "политическое государство") за то, что она, по его мнению, олицетворяла сферу абстрактных "всеобщих интересов", отчужденных от действительной, "земной" жизни и потому "иллюзорных". Провозглашенные буржуазными конституциями "права человека" тоже казались ему абстрактными, несоответствующими реальным отношениям людей в буржуазном обществе. При всем том Маркс, может быть, первый из социалистов обратил внимание на позитивное значение, которое демократия может иметь для социализма, хотя его оценка демократии чересчур прагматична.

¹ Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства. М., 1908. С.18.

Прудон, Сорель критиковали парламент как царство абстракции, безликости. О.Бауэр считал представительную демократию системой политического "атомизма", в которой каждый конкретный человек сведен к усредненному статусу избирателя. Но хочется заметить, что подобные оценки демократии преувеличены. Конечно, все избиратели в демократической системе равны друг другу и этим как бы усреднены, и парламент ориентирован на выражение "общей воли" и т.д. Но все же "общая воля" - не только абстракция, она представляет и определенное качество - общую волю в такой-то период времени, в определенной исторической ситуации. Она имеет свою динамику, т.к. определяющее ее большинство подвижно и изменчиво, решения парламента вырабатываются не только посредством аналитических процедур, но содержат и момент творческого синтеза, достигнутого посредством компромисса мнений групп, вошедших в парламентское большинство. Многие понимают "общую волю" наподобие Каутского, который видел в ней арифметически исчисляемую и статичную волю монолитного большинства. Но Бернштейн, например, отмечал динамику "общей воли", что он связывал с динамикой демократического большинства.

Преувеличения социалистов в этом вопросе продиктованы их стремлением дать в социализме антитезу демократии, противопоставив его как цивилизацию "качества" демократическим и рыночным абстракциям. Разными путями, если сопоставлять марксистов и анархистов, социалисты стремятся к одной цели - взамен рыночного хозяйства утвердить качественное производство, взамен демократических абстракций - непосредственную волю людей. Возражения, что реальный социализм не был миром "качественных" ценностей, а царством экономических и политических абстракций, не меняют дела. Во-первых, речь идет о философии социализма, а не о его практике. Во-вторых, хотя и чудовищным образом, но реальный социализм подтвердил ин-

тенцию к качеству, содержащуюся в его философском проекте, продемонстрировал приоритет "качества" перед "абстракцией", например, непосредственной воли перед обезличенной "общей волей", но эта непосредственная воля расшифровывается как воля диктатора, приоритет "качества" обернулся экономическим и политическим произволом. Место рациональности (в формах рынка и демократии) заняла рационализация иррационального, т.е. высшей воли диктатора.

Но будем держаться уровня теории и постараемся увидеть, в чем проявилась на этом уровне интенция социализма к качеству. Во многих социалистических теориях поначалу бросается в глаза совсем противоположная интенция - к равенству гораздо более глубокому, чем то, которое устанавливают рынок и демократия. В марксистской традиции такой ход мысли выражен в противопоставлении "действительного", "подлинного" равенства лишь формальному буржуазному равенству. Однако всякое равенство формально, как это прекрасно объяснил Маркс в "Критике Готской программы", так как состоит в применении одинаковой меры к неравным по существу людям. Тут безразлично, идет ли речь об уравнивании товаров на рынке посредством сведения их ценности к меновой стоимости, или о равенстве людей, поставленных в одинаковую ситуацию продавцов своей рабочей силы государству - монополисту. Это доказала советская система, в которой была создана удушающая атмосфера политического, экономического, идеологического формализма, господства стандартов, с которыми человек должен был соотноситься в реальной жизни. Так что выражение "действительное равенство" (в противовес формальному) или включает в себе вопиющую несообразность, или содержит указание на нечто иное, чем равенство. Действительно, наряду с перспективой установления равенства более полного, чем то, которое реализуется в условиях рынка и демократии, социалистическая идея скрывает еще одну, не всегда от-

четливо выражаемую ее адептами. Ее ясно сформулировал Маркс в той же "Критике Готской программы", когда заявил, что поскольку люди неравны, то подлинное равенство может состоять лишь в отсутствии всякой равной меры в отношении к ним и в применении неравной меры. Это яркий протест против формализующего действия равенства, защита права индивидов на различие. Тот же пафос защиты качества обнаруживают социалисты, когда они настаивают на приоритете потребительной стоимости в отношении меновой, когда выступают на стороне "качественного" производства против унифицирующего влияния рынка и т.д. Идея "качественности" производства характерна особенно для анархистов, эта тема развернута будет ниже в параграфе о Сореле. Наконец, в политической сфере позиция приоритета качества, непосредственной воли политических субъектов выражена в отрицании представительной демократии и в защите прямой, каковая является феноменом далеко не однозначным, вопреки мнению наших современных ее критиков, ставящих знак равенства между нею и охлократией. В результате получается, что крупные блоки социалистических верований коренятся в позиции качества.

Но каков же в таком случае смысл заявлений социалистов о стремлении к равенству более глубокому и полному, чем то, которое обеспечивало классическое буржуазное общество? Лишь отчасти социалисты обычно озабочены поиском такого равенства, наряду же с этим и гораздо сильнее у них выражено стремление установить протекторат общества в отношении к труду. Социализм XIX и первой половины XX веков - это позиция пристрастия, исключительных прав труда (и главным образом физического труда), что предполагается формулами освобождения труда от эксплуатации. Порой это стремление к исключительности придавало социализму особый оттенок аристократизма (например, у Сореля). В некоторых социалистических теориях ис-

ключительные притязания труда возводятся в закон для всего общества, в других они постепенно умеряются и находят законное место в ряду притязаний разных социальных групп. Первое было характерно для ленинизма, по второму пути шла в XX веке западная социал-демократия. Но интенция к качеству, присутствующая в социалистической идее, создает возможность ее модификаций, отличных от реализовавшейся в XIX, XX веках ориентировки социализма на права труда.

Качество - вот, пожалуй, самый общий принцип, заключенный в социалистической идее, его так или иначе развивали социалисты разных направлений, его последствия видны в их экономических, политических, философских системах. Но качество это особого рода, оно не тождественно непосредственной данности, оно ставит себя выше и этой данности, и формального единства, равенства, абстрактно-всеобщего, оно хочет быть синтезом конкретного и общего, реституцией качества на уровне всеобщего, "конкретной абстракцией", если воспользоваться выражением Маркса. Этот внутренне присущий социалистическому действию философский принцип перерастает в развернутые философские системы социалистов, которые в большинстве своем в XIX, XX веках тяготели к диалектике марксистско-гегелевского типа со свойственными ей претензиями диалектического разума стать выше рассудочности, с ее миром "конкретных абстракций". Но не только, были и другие попытки выразить философски социалистический идеал качества, воплощенного во всеобщем, например, используя бергсоновское понятие интуиции, как это сделал Сорель. Во всех случаях философские решения социалистов содержали отказ от принципов рационализма, что находилось в прямом соответствии с социалистическим неприятием таких рационализированных форм общественного бытия, каковы рынок и демократия.

Внерационалистическая направленность марксистско-гегелевской диалектики представляется автору бесспорной: в частности, потому что в ней знание подчинено целеполаганию, истина предстает как единство знания и воли, она, стало быть, тенденциозна, обусловлена целью, волей, желанием. Это хорошо понимал Бернштейн, когда доказывал, что марксистская диалектика, как она применялась социалистами в области исторических явлений, была ничем иным, как методом подчинения знания заранее поставленной цели (доказательству гибели капитализма). Многие комментаторы считают Люксембург непревзойденным диалектиком, наследницей не буквы, но духа марксизма. Как диалектик и ортодокс она выступила в 90-ые годы прошлого века против Бернштейна, его идеи жизнениности капитализма. Доказательствам его, основанным на фактах, она противопоставила взгляд на капитализм как целое. Но в данном случае целостный подход был равен ценностному подходу: взять капитализм как целое было равносильно тому, чтобы взять его завершившим свое развитие, законченным явлением и потому обреченным уступить место социализму. Точно так же диалектичен (и тенденциозен) ленинский анализ капитализма: Ленин рассматривал его как целостное явление, пронизанное непримиримыми антагонизмами и имеющее одну перспективу - погибнуть. Сказанное не противоречит тому, что говорилось выше о несовпадении ленинской политической практики и исповедуемой им теорией диалектики: там речь шла о новациях Ленина в области социалистической стратегии, теперь - о его теории империализма, которая построена в соответствии с принципами диалектики.

Характерно, что отказ социалистов в той или иной форме от негативизма в отношении рынка и демократии, как правило, сказывался в философской области в попытках отойти от марксистско-гегелевской диалектики, принять так или иначе принципы рационалисти-

ческой философии, отстоять, например, права научного знания, освободив его от социалистического телеологизма. Бернштейн обосновывал отличие социальных наук от социальных "доктрин": "Социальные и политические доктрины отличаются от соответствующих наук тем, что они замыкаются именно там, где последние остаются открытыми. Они находятся под властью определенных целей, при которых дело идет не о познании, а о воле"². Также и Гильфердинг в "Предисловии" к "Финансовому капиталу" пытался провести различие между научным в марксизме и социалистической практикой, которая не может не быть тенденциозной, зависимой от провозглашенной цели.

Теперь, когда обрисована основная концептуальная схема исследования, нужно еще сказать несколько слов о его теме, о предполагаемых ею событиях и персоналиях. Темой, что уже отмечалось, является становление во взаимном противостоянии ленинизма и западной социал-демократии в конце прошлого - начале нынешнего веков. Взяты и некоторые другие течения (например, анархо-синдикализм), но постольку, поскольку это помогает оттенить единство и различие социалистических проектов. Эти теоретические феномены складывались на фоне таких исторических событий, как материально-производственная и организационно-финансовая перестройка капитализма начала века, развитие государственного регулирования, первая мировая война, раскол социал-демократического движения, которое было представлено организационно во Втором Интернационале (1889-1914). Известно, что на первых этапах существования Интернационала в нем господствовала особая форма марксизма, претендовавшая на ортодоксальность. Духовное влияние марксизма было тогда так сильно, что даже социалисты за пределами Второго Интернаци-

² Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? Б.м., б.г. С.24-25.

онала, вроде синдикалиста Сореля, постоянно соотносились с марксизмом, восхищались им, спорили с ним. Начало раскола было положено в конце 90-х годов Э.Бернштейном, когда он заявил, что традиционные марксистские решения не соответствуют более историческим реалиям конца века, что марксизм нуждается в коренном пересмотре. Тогда против Бернштейна и других ревизионистов выступила сильная группа ортодоксов (Бebel, Каутский, Плеханов, Люксембург), но несмотря на это, ревизионизм пустил прочные корни в среде социалистов. Начало XX века ознаменовалось усилением экономического и политического экспансионизма капиталистических держав, ростом милитаризма, колониализма, но также развитием революционно-освободительных движений на Востоке (в России, Китае, Индии и т.д.). Все эти события отражались на борьбе социалистических группировок, в 1914 г. с началом первой мировой войны Интернационал распался, по разные стороны фронта оказались немецкие, австрийские социал-демократы и социалисты стран Антанты. Но и внутри национальных социалистических партий тоже оформились разные группировки, разделенные в первую очередь разным отношением к войне и перспективам революции в связи с войной. Из всех этих расколов выкристаллизовался в конце концов один большой раскол, который позже был закреплен организационно в противостоянии Социалистического Интернационала и Коминтерна. Идеологические основы первого были заложены ревизионистами эпохи Второго Интернационала, тогда как идеологию Коминтерна составил ленинизм.

Раскол в социал-демократии был глубоким, и организационным, и политическим, и мировоззренческим. Существует довольно большая западная и не очень большая отечественная литература по данному вопросу. Отечественная литература появилась, собственно, с начала 60-х годов, когда была отброшена простенькая

схема сталинских времен, согласно которой весь Второй Интернационал характеризовался как царство оппортунизма и ревизионизма, враждебное марксизму-ленинизму. Эта схема перекрывала путь всякому изучению вопроса. Появившаяся литература была тенденциозна, она следовала во всем ленинским оценкам истории Второго Интернационала, но последние давали все же какую-то возможность содержательного анализа, дифференциации, например, политических течений в Интернационале (реформистского, революционного, центристского), изучения фактического материала³. Ограниченность этой литературной традиции в том, что она была, во-первых, чрезмерно политизирована, во-вторых, жестко замкнута на идентификацию ленинизма и других революционных течений с марксистской ортодоксией и противопоставление их ревизионизму как отступничеству от марксизма. Этим как бы закрывался вопрос о новациях самого революционного социализма во Втором Интернационале, который ничуть не меньше ревизионизма отходил от ортодоксии, особенно если взять ленинизм.

В западной историографии Второго Интернационала 70-80-х гг. XX века существовали два направления: либерально-социалистическое и левосоциалистическое. Последнее, представленное, например, Л.Колетти, М.Леви, О.Негтом, очень любопытно, вместо одной линии раскола эти авторы выделяют две линии: во-первых, между западным революционным социализмом (Р.Люксембург, О.Бауэр, А.Паннекук) и реформистской социал-демократией, и во-вторых, между упомянутым социализмом и ленинизмом, коммунизмом. Этим предполагается как будто еще и третья линия

³ См. работы Кривогуза М., Евзерова Р.Я., Яжборовской И.С., Брайовича С.М., Клямкина И.М., Петренко Е.Л., коллективные монографии: История Второго Интернационала. М., 1966; Марксистская философия в международном рабочем движении конца XIX - начала XX вв. М., 1984.

раскола - между реформизмом и ленинизмом, но в трактовке их соотношения акцент делается на их сходстве, на том, что они представляют просто разные варианты отступления от ортодоксального революционного марксизма, от марксовой диалектики, гуманизма, разные варианты превращения марксизма в объективистскую идеологию с присущим ей отношением к пролетариату как объекту политических манипуляций (социал-демократов или коммунистов). При всей оригинальности такого подхода он исторически не слишком аутентичен, люксембургизм или теории Бауэра, Паннекука питали в начале века лишь очень маленькие группки социалистов. Подлинный раскол, отразивший для социализма дух времени, проходил все же между реформистским социализмом и революционным, доминирующую форму которого представлял тогда ленинизм.

У авторов либерально-социалистического направления центром интеллектуальной и политической жизни во Втором Интернационале оказывается реформистское течение, единственно его представителям (Бернштейн, Жорес, Вандервельд) приписывается заслуга творческого развития социалистической идеи, тогда как революционный марксизм характеризуется как безнадежный догматизм. Ленинизм при этом нередко изображается как форма азиатского социализма, несовместимого с духовными традициями Запада. В таком суждении есть доля истины, хотя верно и то, что ленинизм - это идеология марксистского происхождения, он имеет корни и на Западе. Что же касается догматизма, то вряд ли такую оценку можно адресовать полностью взглядам Ленина, т.к. ленинизм как специфическая форма социализма включает и разрыв с марксистской ортодоксией. Ленин внес в марксизм существенные изменения. Так навеянный гегелевской диалектикой идеал "преодоления" капитализма, о котором мечтал Маркс, был реализован Лениным как простое отрицание капитализма, от него

предполагалось сохранить лишь материальные элементы производства, достижения технического прогресса. Ленин до неузнаваемости изменил марксову модель "самоуправления производителей", дополнив ее идеей об авангардной партии, чем заложил основу идеологического советского государства.

Авторская позиция по рассматриваемому вопросу отличается от перечисленных точек зрения. Она заключается в том, что ленинизм и социал-демократический ревизионизм составляли разные формы отхода от марксистской ортодоксии и послужили идейным фундаментом двух самостоятельных форм социализма, господствовавших в социалистическом движении двадцатого века. Впрочем, с течением времени они значительно менялись, что относится особенно к социал-демократическим теориям.

В книге анализируются крупные теоретические и практические расхождения, которые существовали между названными направлениями социализма в начале века. Одно из них относится к демократии. Тогда в результате изменившихся исторических условий рушился тот синтез социализма и демократии, который установил Маркс и в котором демократия представляла как средство, условие для социалистических преобразований. Социалисты делились на тех, кто искал форму более глубокого синтеза между социализмом и демократией, и тех, кто либо удовлетворялся марксовым синтезом, либо еще сильнее ограничивал роль демократии. В числе первых наиболее яркая фигура - Бернштейн, для него демократия не просто средство, но и цель, она почти сливается с социализмом, вернее, это социализм через демократию. В ряду других доминировал Ленин, это в полной мере социализм против демократии.

Другое крупное расхождение между социалистами начала века относилось к области экономики, касалось вопросов рынка и капиталистического хозяйства. Речь шла о том, идти ли к социализму через расцвет капита-

листической экономики и рынка или можно базировать социализм на крахе капиталистической экономики и даже (Ленин 1917 г.) на докапиталистических экономических структурах. То или иное отношение к рынку и демократии определяло формы социалистической политики и мысли.

Автор надеется, что предлагаемая работа представит некоторый интерес для философов политики, для историков и для тех, кто равнодушен к перспективам социалистической идеи.

Глава 1. Социал-демократия и проблемы экономической рациональности

1. От решительного отрицания рыночной экономики к признанию ее перспектив (Каутский, Бернштейн, Гильфердинг о капиталистическом хозяйстве)

В конце XIX века последователи Маркса и Энгельса в Западной Европе, желавшие быть верными революционному делу марксизма (Лафарг, Каутский, Люксембург и др.), создали особый вариант ортодоксального марксизма. Вопрос о действительном соотношении этой ортодоксии и философских, экономических, политических взглядов самих Маркса и Энгельса достаточно сложен и имеет обширную литературу¹. Но нас в данном случае интересует один аспект марксистского мировоззрения, по которому, как кажется, существует бесспорное тождество между идеями классиков марксизма и их ортодоксальных последователей, а именно вопрос о месте капитализма в истории. Те и другие решали его в смысле неизбежности наступления капитализма и такой же неизбежности его последующей гибели. Причем вопрос этот рассматривался прежде всего как экономический, в своих историко-экономических экскурсах ортодоксы

¹ См., например: История марксизма. М., 1981. Т.2; Histoire du marxisme contemporain. P., 1975-1977; Kolakowski L. Main Currents of Marxism: Its Rise, Growth and Dissolution. The Golden Age. Oxford, 1978; Марксистская философия в международном рабочем движении конца XIX - начала XX в. М., 1984.

обычно прослеживали путь от мелкого натурального хозяйства к победе рыночных отношений и в конечном счете капиталистического производства, затем следовал вывод о неизбежной гибели капитализма и победе общественного хозяйства как новой формы единства живого труда и средств производства, явившейся взамен старых форм, разрушенных капитализмом (натурального хозяйства, ремесленного производства). История в их представлении должна была совершить, говоря гегелевским языком, круг отрицания отрицания, причем второе отрицание (капитализма социализмом) было лишь прогнозом, но воспринималось ортодоксами почти как совершившийся факт. Характерным образом такого ортодоксального мышления может служить "Комментарий" 1891 г. К.Каутского к Эрфуртской программе СДПГ.

Причиной абсолютной убежденности социалистов в том, что круг отрицания отрицания свершится и капитализм будет сметен социализмом, были их наблюдения над некоторыми тенденциями экономического развития. В конце XIX века в экономике происходили важные процессы: изменялась природа и роль кредитных учреждений, которые все активнее вмешивались в финансирование и организацию производства, возникали акционерные общества, утверждались частные монополии и структуры государственного капитализма. Строго говоря, эти процессы свидетельствовали о качественном скачке в развитии капитализма, о глубоких изменениях технологическо-производственного, организационного порядка и в отношении собственности, об адаптации капитализма к условиям крупного машинного производства. Ортодоксы же, в их числе Каутский, воспринимали указанные процессы однозначно - как симптомы изживания капитализмом самого себя, перехода его к той стадии развития, за которой могла следовать лишь социалистическая организация производства. Особенно воодушевляли ортодоксов такие явления, как укрупне-

ние производства, концентрация собственности, вытеснение собственника из производственного процесса.

Эти моменты они отмечали, например, в деятельности кредитных учреждений и акционерных обществ. Если смотреть непредвзято, то в этой деятельности присутствовал и момент деконцентрации собственности, на это ортодоксам указывал Бернштейн, ссылаясь в доказательство на то, что акционирование предприятий позволяет и рабочим становиться собственниками. Ортодоксы с порога отметили такой поворот мысли, с их точки зрения, сберегательные кассы, банки, акционерные общества служат лишь тому, чтобы мелкие капиталы были представлены в распоряжение крупного, их назначение - содействовать концентрации капиталов. Одновременно акционерные общества были в их глазах примером того, что времена собственника-предпринимателя прошли, собственник становится коллективным, часто анонимным, и вытесняется из процесса производства, руководство которым переходит в руки наемных служащих.

Большие надежды социалисты связывали с усилением экономических функций государства. Тогда кончались времена манчестерства, европейские государства активно вмешивались в экономику (своей колониальной и таможенной политикой, организацией банковского дела, государственных монополий и др.). Во всем этом ортодоксы также видели симптомы грядущего перехода капиталистических предприятий в "безличную собственность", полного устранения фигуры капиталиста из производства. Каутский писал: "Функции класса капиталистов все более переходят к наемным служащим, громадному же большинству капиталистов остается только одна задача - пожирать то, что производят другие; капиталист сделался столь же излишним, как и феодал столет назад", более того, "класс капиталистов в настоящее

время уже является препятствием для дальнейшего развития"².

Что касается фактической стороны дела (концентрации производства и собственности, вытеснения собственника из производственного процесса), то констатации ортодоксов были бесспорны, впрочем, их видели и немарксистские теоретики. Сейчас, однако, удивляет, почему указанные факты рассматривались ими как изживание капитализма. Тут, по-видимому, сыграло свою роль то обстоятельство, что марксисты вслед за своим учителем никогда не обращали должного внимания на организационно-управленческие функции капитала, на управленческий труд вообще. Той приоритетной формой труда, к которой они обращали все свои помыслы, был физический труд рабочего. Они отождествили управленческую деятельность с деятельностью непосредственного организатора производства, совершенно упуская из виду, что на управление производством при капитализме работает вся система финансового обращения, сложнейший механизм кругооборота капиталов, институт прибыли наконец. Невнимание ко всей этой грандиозной управленческой системе определялось не столько невежеством в экономической области, сколько социалистической тенденциозностью ортодоксальных интерпретаторов капитализма.

Их взгляд на его перспективы получил образное выражение в представлении о том, что в итоге вся экономика капиталистических стран превратится в "одно единственное чудовищное предприятие". Каутский предсказывал: "...все средства производства данной нации или даже всего мирового хозяйства сделаются частной собственностью отдельной личности или акционерного общества, которые и будут распоряжаться ими по своему произволу; весь хозяйственный механизм превратится в одно-единственное предприятие, в котором все

² Каутский К. Эрфуртская программа. М., 1959. С.101.

служит, все принадлежит одному господину"³. Естественные законы капиталистического производства должны были, таким образом, привести к его собственному самоустранению. Кстати, в этом отождествлении экономического прогресса с движением централизации и концентрации производства коренятся истоки бытовавшего у нас долгое время представления о социализме как гигантском обобществленном производстве.

Большие сложности для ортодоксов представляло истолкование экономических процессов в сельском хозяйстве капиталистических стран. Каждому наблюдателю было тогда очевидно, что сельское хозяйство не дает той картины быстрой концентрации производства, какую представляла капиталистическая промышленность, преобладающим в деревне в конце XIX в. оставалось мелкое крестьянское хозяйство. Многие социалисты (в Германии Зомбарт, Давид, в России эсеры) на этом основании доказывали необходимость особого пути деревни к социализму, отличного от пути промышленности. Каутский в конце 90-х гг. прошлого века предпринял исследование этого вопроса и изложил на этот счет точку зрения ортодоксального марксизма в работе "Аграрный вопрос. Обзор тенденций современного сельского хозяйства в связи с аграрной политикой".

Поначалу он высказывается против упрощенного толкования марксистских идей, сведения их к схеме "вытеснения мелкого производства крупным". Он показывает разнообразие изменений в сельском хозяйстве под влиянием капитализма: разрушение натурального хозяйства, гибель общины, установление полной частной собственности на землю, применение наемного труда, исчезновение из деревни мелкого ремесла, развитие сельскохозяйственной специализации и др. Он признает, что концентрация производства в сельском хозяйстве затруднена по сравнению с промышленностью, в

³ Каутский К. Эрфуртская программа. С.84-85.

числе причин этого - и закон наследования, который ведет к дроблению земельной собственности, и насаждение мелких хозяйств в деревнях в целях обеспечения крупных хозяйств рабочей силой, и между прочим, Каутский пишет, что рациональное ведение хозяйства тоже ставит предел его территориальному расширению. Он делает такое заявление: "От капиталистического способа производства мы также мало можем ожидать конца крупного сельского хозяйства, как и конца мелкого"⁴.

Вслед за этим Каутский переходит к обоснованию идеи о неизбежности все же и для сельского хозяйства концентрации производства и собственности. Он указывает прежде всего на то, что собственность на землю заметно централизуется (ипотеки), что непосредственно обрабатывают землю большей частью арендаторы, тогда как собственники, как и в промышленности, отстраняются от участия в производстве. Что касается концентрации последнего, то не имя возможности опереться непосредственно на факты, Каутский выдвигает соображения о том, что крупные хозяйства имеют преимущества перед мелкими в смысле использования техники и достижений аграрной науки, в получении кредита и организации сбыта товаров, что промышленность экономически, организационно, технологически подчиняет себе сельское хозяйство, в результате он делает вывод, что если промышленность направляется к обобществлению, то к нему должно направиться и сельское хозяйство. Каутский считает неправыми тех, кто думает, что "дорога промышленности ведет к коллективизму, дорога сельского хозяйства ведет к индивидуализму"⁵. Если бы Каутского спросили, почему он так убежден в тождестве путей промышленности и сельского хозяйства, он бы ответил, что общество - это "организм" и все в нем должно происходить "по единому плану"⁶. Впрочем, так по-

⁴ Каутский К. Аграрный вопрос. Харьков, 1899. С.185.

⁵ Там же. С.347.

⁶ Там же.

ставить вопрос могли социалисты начала века, отстаивавшие мнение о специфике сельского хозяйства. Сегодня, по-видимому, вопрос должен бы быть поставлен более глобально: на чем основывается убеждение, что наблюдавшиеся в конце XIX в. процессы обобществления производства и собственности должны закончиться тотальным обобществлением и гибелью капитализма? На этот вопрос мы, вероятно, не получили бы ответа у Каутского, такое убеждение ортодоксов не имело характера теоретического вывода, оно было просто их верой.

На этой вере основывалась гигантская пропагандистская машина социалистов, она была основой неумолимых и часто жестоких приговоров относительно перспектив, будущности разных слоев населения, например, крестьянства. Марксистская литература уже того времени пестрит рассуждениями о бесперспективности мелкокрестьянских хозяйств, о реакционности социальных устремлений крестьянства, о том, что во имя прогресса (т.е. победы крупного обобществленного хозяйства в деревне) социал-демократы не должны поддерживать экономические требования крестьянства. Каутский, например, писал, что если средства, нужные для сельскохозяйственного прогресса, не будут пользоваться симпатиями крестьян, то этим будет доказана лишь "нецелесообразность современного мелкокрестьянского способа производства"⁷. У него есть и такое интересное признание: "Несмотря на все искренние желания социал-демократии в теории помочь крестьянам, на практике она постоянно видит себя вынужденной бороться самым решительным образом как раз против тех аграрных мер, которых упорнее всего добиваются крестьяне"⁸. Утопическое видение перспектив истории не раз вынуждало марксистов противодействовать естественным стремлениям, целям больших масс людей. Причем ор-

⁷ Каутский К. Аграрный вопрос (Аграрная программа). СПб., 1905. С.106.

⁸ Там же. С.87.

тодоксы 90-х гг. прошлого века далеко еще не представляли, к каким жестокостям в отношении реальных людей могут привести их утопии, сами они, в общем, были благородными людьми, горели идеалами. Но они не отвергали возможности применения насилия для осуществления своих идеалов, в этом их вина. Впрочем, Каутский позже радикально пересмотрел свои взгляды и отверг насилие, высказавшись за демократию.

На протяжении всей истории марксизма его представители многократно указывали на отличие своей системы социализма от утопического, общим местом стали у них рассуждения о том, что утописты изобретали проекты социалистического общества из головы, тогда как марксизм строго научен и потому он не дает детального описания будущего общества, а ограничивается лишь указанием на ведущие к нему тенденции экономического и социального развития. Увы, как оказалось, ограничение исторического прогноза тенденциями не спасает от утопизма, марксизм стал очередной, хотя и великой, социалистической утопией. Утопическими были пророчества насчет развития капитализма в сторону тотально-обобществленного производства, предсказания всемирного краха капитализма.

Ортодоксы конца прошлого века рассуждали о временных и хронических кризисах капитализма с горячностью и верой неопитов, видя в них бесспорное свидетельство экономического бессилия капитализма. Каутский в те годы был склонен видеть причину периодических кризисов в "отсутствии планомерности"⁹. Картелирование производства не могло, по его мнению, предотвратить кризисов, от них может спасти-де только превращение всего производства в один картель, т.е. полная ликвидация частной собственности и планомерное ведение всего хозяйства, каковое достижимо лишь при социализме.

⁹ Каутский К. Эрфуртская программа. С.88.

Кроме того, Каутский уверял, что капитализм вступил в полосу хронического кризиса перепроизводства. Аргументировал он это тем, что по мере экспансии капиталистического производства сокращаются некапиталистические регионы, следовательно, сокращаются рынки сбыта капиталистической продукции и капитализм теряет возможность дальнейшего расширения. Эту мысль позже развернула в концепцию всемирного краха капитализма Р.Люксембург в своем "Накоплении капитала". Каутский уже в начале 90-х гг. прошлого века считал, что периоды экономического процветания капитализма будут становиться все короче, а кризисы - все длиннее, ему казалось, что "капиталистическое общество начинает задыхаться в своем собственном изобилии; оно становится все менее способным выдерживать полное развитие производительных сил, которые оно само создало. Чтобы оно не расплозлось по всем швам, все больше производительных сил должно оставаться без употребления, все больше продуктов расточаться бесполезно"¹⁰. Далее он добавляет, что частная собственность из двигателя общественного развития стала причиной "застоя", что "ее гибель несомненна"¹¹. Подобно тому, как мы в настоящее время ждем чудес от частной собственности, так социалисты в конце прошлого века ждали чудес от общественной собственности. Кризисы, безработица, - все, казалось, твердило о неэффективности частной собственности и сулило всеобщее благоденствие в случае ее уничтожения. Утопическая вера в скорый крах капитализма крепла и обретала множество сторонников.

Самым худшим в ортодоксальных марксистских теориях было то, что в них отрицание частной собственности доходило до полного отрицания рыночных отношений. Каутский, например, критиковал за непоследо-

¹⁰ Каутский К. Эрфуртская программа. С.100.

¹¹ Там же. С.102.

вательность социалистические проекты, в которых коллективизация собственности (кооперирование) предполагалась при сохранении рынка. Чтобы окончательно уничтожить частную собственность, надо уничтожить рынок, "следовательно, - писал Каутский, - кто серьезно думает поставить общественную собственность на средства производства на место капиталистической, тот должен идти дальше либералов и анархистов - к уничтожению товарного производства"¹². Социализм, с этой точки зрения, должен был представлять общество, в котором производство ориентировано не на продажу, а непосредственно на потребление.

Любопытно, что уже такие давние эскизы социалистического общества несли в зародыше черты, которые его характеризовали как статичное общество. Каутский ставил социализм в один ряд с такими традиционными сообществами, как первобытная община, деревенская община, домашняя артель. Отличия его от них должны были составить завоевания капиталистической цивилизации, достигнутый в ней уровень разделения труда, производства и потребления. Что касается производственных возможностей самого социализма, то хотя и предполагалось, что социализм даст невероятный скачок в производстве, но оставалось неясно, за счет чего это произойдет (разве что за счет планомерности и ликвидации безработицы). Притом же наряду с этим Каутский высказывал и предположение, довольно резонное, что при социализме, где производство будет ориентировано на собственное потребление, международная торговля, не говоря уже о внутренней, начнет угасать. Динамике потребления также предстояло снизиться. Сейчас, рассуждал Каутский, борьба рабочих за улучшение своего материального положения имеет характер процесса, которому нет конца. Если же будет уничтожена частная собственность и эксплуатация рабочих, то ис-

¹² Каутский К. Эрфуртская программа. С.112.

чезнет источник их вечного недовольства, "... само собой явится и ограи чение притязаний рабочих до степени соответствия их имеющимся в наличии средствам удовлетворения их потребностей"¹³.

Разногласия среди социал-демократов по вопросам экономического обоснования социализма оставались скрытыми до того момента, как Э.Бернштейн выступил в 1896 г. с серией статей, направленных против утопий и догм ортодоксальных учеников Маркса и Энгельса и самих классиков. Это был смелый вызов марксизму, речь шла о пересмотре его философии, политической экономии, теории социализма. Бернштейну понадобилось для его выступления тем более мужества, что он сам был марксистом, дружил с Энгельсом и пользовался его доверием, был редактором теоретического ежемесячника немецкой социал-демократии, так что все перипетии немецкого социализма были в полной мере и его жизнью.

Бернштейн вскрыл изначальную тенденциозность главного труда Маркса, "Капитала", на котором основывалась вера социалистов того времени в правоту их дела, хотя бы они сами его не читали и не понимали, как это было, по некоторым свидетельствам, с Лафаргом и Гедом. Тенденциозность Бернштейн обнаружил уже в исходном пункте марксова анализа - в его теории трудовой стоимости. Многим памятли слова Ленина в отрывке "К вопросу о диалектике" о том, что Маркс в "Капитале", начав свое исследование с такой "клеточки" буржуазного общества, какой является товар, развернул затем из нее систему всех противоречий капиталистического производства. Точка зрения Бернштейна была радикально иной: Маркс в исходном пункте анализа уже абстрагировался не только от потребительной стоимости и конкретного труда, но и от самого механизма капиталистического производства, от рынка, фактически он анали-

¹³ Каутский К. Эрфуртская программа. С.219-220.

зировал не товар как таковой, а продукт труда производителей, вступивших по его воле в меновые отношения друг к другу. Трудовая стоимость Маркса - это "умственная абстракция", она никогда не применяется в реальных меновых отношениях в условиях капитализма (цены товаров реально определяются издержками производства плюс прибыль), как не применялась она при обмене в докапиталистических обществах. Соответственно и прибавочная стоимость тоже является "умственной абстракцией" и гипотетической формулой. Таким образом, уже в начале марксова экономического анализа Бернштейн разглядел позитивизм Маркса в отношении рынка.

Бернштейн нанес удар по многим догмам, из которых состояло экономическое обоснование социализма в марксизме. Используя статистические данные, он доказывал, что наряду с концентрацией производства происходит в капиталистических странах, хотя и меньшими темпами, рост мелких и средних предприятий, что крупная промышленность его даже стимулирует, обеспечивая мелкие производства дешевым сырьем и полуфабрикатами. Бернштейн отверг идею, что параллельно с ростом производства происходит концентрация собственности. Главным его аргументом тут были акционерные общества. Он писал: "Форма акционерного товарищества в значительной степени противодействует тенденции централизации имущества посредством централизации производства. Она допускает весьма обширное дробление концентрировавшегося капитала..."¹⁴. Бернштейн настаивал на том, что происшедшие в капитализме конца прошлого века изменения (создание мирового рынка, картелирование промышленности, развитие кредита) делают невозможными периодические промышленные кризисы или во всяком случае могут

¹⁴ Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901. С.98.

смягчить их протекание. Что же касается общего кризиса капитализма, наступление которого предсказывал и Энгельс, и ортодоксы, то его пока не предвидится. Люксембург связывала наступление такого кризиса с исчерпанием возможностей мирового рынка. Но это такая далекая перспектива, что рассуждение на эту тему является отвлеченным теоретизированием. Вероятнее всего, что Маркс, говоря в последней главе первого тома "Капитала" о перспективе обострения противоречий капитализма и его гибели, на деле обрисовал лишь одну из "тенденций" его развития, которая, впрочем, может быть приостановлена и перекрыта соответствующими законодательными мерами. Бернштейн ставил вопрос, можно ли приурочивать надежды на победу социализма к "всеобщему кризису" капитализма и отвечал на него отрицательно.

Занятый опровержением догм и утопий ортодоксального марксизма, Бернштейн обратил внимание на изначальный дуализм мышления Маркса. А именно, желая быть строгим ученым, исследователем экономических фактов, он между тем подчинил свое исследование заранее намеченному результату, в "Капитале" он хотел, пишет Бернштейн, "доказать еще до написания книги выработанный тезис"¹⁵ относительно обреченности капитализма. Смешением научности и тенденциозности Маркс не отличался от других теоретиков социализма - Прудона, Сен-Симона, Лассаля, у которых тоже, кстати, нередки апелляции к авторитету науки. Энгельс доказывал ("Развитие социализма от утопии к науке"), что марксизм превратил социализм в науку. Бернштейн с этим не согласен. Энгельс объяснял научность марксистского социализма тем, что Маркс разработал материалистическое понимание истории и теорию прибавочно^н стоимости. Бернштейн, как уже говорилось,

¹⁵ Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. С.340.

отметил социалистическую тенденциозность теории стоимости Маркса, а также писал об ограниченности материалистического понимания истории. Кстати сказать, будучи философской теорией, материализм в истории никак не может быть приравнен к науке в силу просто запредельного для науки характера философии.

Дуализм научности и социалистической предвзятости имел в марксизме разные проявления. Бернштейн хорошо видел эти диссонансы, резкие переходы в марксистской мысли, например, от тезиса о доминантности экономического фактора в истории к вере в чудодейственную роль политики, диктатуры пролетариата, в создание с ее помощью необходимого для социализма уровня экономического развития. Он справедливо увидел в заимствованной у Гегеля диалектике методологическую основу резких диссонансов в марксизме. Маркс и Энгельс считали, что диалектика у Гегеля стояла на голове, была методом "саморазвития понятия", а они поставили ее на ноги, истолковав материалистически. Бернштейн же был уверен, что гегелевскую диалектику не так легко поставить на ноги, она и у Маркса осталась той, какой была у Гегеля, т.е. методом "саморазвития понятия" путем борьбы его внутренних противоречий. И эта-то имманентная диалектика понятия увлекала Маркса на путь "произвольных конструкций", ничем в реальности не обоснованных предсказаний и пророчеств.

Например, когда Маркс в 1847 г. заявил, что грядущая буржуазно-демократическая революция в Германии может перерасти в пролетарскую, то такой вывод ничем реально не был обоснован. Буржуазное развитие Германии еще только начиналось, экономика находилась еще на низком уровне, пролетариат был слаб и неорганизован и т.д. Поистине кроме диалектики противоречий (буржуазия - тезис, пролетариат - антитезис) ничто больше не питало вывода о близости пролетарской революции в Германии.

Неверно, однако, видеть в Бернштейне только разоблачителя марксовских догм и предвзятостей. Как подлинно глубокий ум, он понял их неизбежность для социализма. Сравнивая неразбериху социалистических теорий с успехами практического социалистического движения, Бернштейн пришел к выводу, что социализм - это прежде всего выражение практического "интереса", в тот период - цель классовой борьбы рабочих, обращенная в будущее. И постольку социализм обязательно содержит элемент утопии, "тенденции", или, как еще пишет Бернштейн, "частицу научно недоказуемого"¹⁶. Социализм не тождествен науке, в определенных пунктах он закрыт для движения мысли, тогда как наука "беспристрастна" и всегда открыта для новых исследований. Но социализм может и должен использовать данные социальной науки, сочетать "волю" к социализму с научным познанием, и это он сделает тем успешнее, чем более будет критичен к самому себе. Путь социализма, как его видел Бернштейн, это путь постоянного преодоления собственных догм, выправления своей тенденциозности в соответствии с фактами и наукой. Бернштейн тогда и не предполагал, как трудно, почти невероятно заставить социалистов смотреть в лицо фактам, особенно когда они оказываются у власти.

Бернштейн по существу разрушил ортодоксальное экономическое обоснование социализма. Сам он в социализме видел прежде всего нравственный и правовой идеал, именно это означал тысячекратно обруганный марксистами девиз "Назад к Канту". Ортодоксы гордились тем, что марксизм не прибегал к нравственным аргументам, в этом они видели залог его научности. Бернштейн считал узостью и "самообманом" отрицание роли идеала в общественном процессе, в "Очерках из истории и теории социализма" он писал, возражая ортодоксам: "Но зачем выводить социализм из экономичес-

¹⁶ Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? С.16-17.

кого принуждения? Зачем уменьшать значение предусмотрительности людей, их правового сознания, воли?.. Все это я считаю лишним и ненужным. Уже теперь общество делает многое не потому, что это абсолютно необходимо, но потому, что это лучше. И в социалистическом движении правовое сознание, стремление к справедливым отношениям является, по меньшей мере, столь же деятельным фактором, как и материальная нужда¹⁷.

Содержание социалистического идеала, по Бернштейну, заключается в ценностях демократии и либерализма, социализм должен развить эти ценности далее того предела, которое им ставит буржуазное общество. Тем самым Бернштейн совершил переворот в социалистическом сознании. Демократия, в которой ортодоксы видели в лучшем случае политическую надстройку и средство политического воспитания рабочих, у Бернштейна становилась рычагом социалистического преобразования всего общества. Бернштейн один из первых пробивал дорогу демократическому социализму, в этом отношении он имел предшественником разве что Лассаля. Демократия, по его убеждению, имеет все необходимое, чтобы привести в конечном итоге к ликвидации классового господства, а может быть, и самих классов, к уничтожению как политического, так и экономического неравенства, к торжеству свободы личности. Поэтому он писал: "Демократия есть средство и в то же время цель. Она есть средство проведения социализма и она есть форма существования социализма"¹⁸.

Каутский от имени ортодоксов ответил Бернштейну первоначально в статьях, появившихся в 1899 г. в "Neue Zeit" и в "Vorwärts", позже он оформил их в книгу под названием "К критике теории и практики марксизма."

17 Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма. СПб., 1902. С.282-283.

18 Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. С.244.

Антибернштейн". Он остался глух к важнейшим пунктам критики марксизма Бернштейном, особенно к философской стороне этой критики, иногда складывается впечатление, что он ее, может быть, и не совсем понял.

Диалектика в его глазах - это просто метод, и она никак не может быть повинна в опрометчивых предсказаниях Маркса о перерастании ожидавшейся революции в Германии в пролетарскую. Каутский согласен признать ошибку в прогнозе Маркса, но ее причину он видит в неверной оценке фактов, в преувеличении силы и размаха предполагавшейся революции, а никак не в методе исследования Маркса. Каутский не видит той первоначальной социалистической нагрузки, которую нес у Маркса этот метод, в силу чего диалектика у него должна была и могла служить лишь для обоснования социализма, ничего другого она априори не могла доказать. Этот, по словам Энгельса, не останавливающийся ни перед чем революционный метод в своих конкретных исторических формах, взять ли гегелевскую диалектику или марксистскую, был на деле весьма консервативным, служил для оправдания изначально заданной системы ценностей. Причина тут, может быть, та, что эти формы диалектики имели специфический телеологический характер, в них предполагалась сразу некая высшая цель, которая и определяла все последующее движение рассуждения. Каутский, как и многие марксисты того времени, этого не учитывал, увлеченный благородством и новизной самой цели.

Соответственно он не видел ничего драматического в дуалистическом характере марксизма, сочетавшем в себе научность и социалистическую тенденциозность. Напротив, это обстоятельство, по его мнению, было источником великого в марксизме. Он писал о Марксе и Энгельсе: "Этот "дуализм", сочетание научности с революционностью, экономического материализма с практическим идеализмом, служил не только для них, но и для их последователей источником всего лучшего, со-

зданного ими в области интеллектуального..."¹⁹. Можно, конечно, согласиться с Каутским, что подчас открытая политическая направленность анализа может привести к более глубокому видению вещей, чем то, на какое способен беспристрастный наблюдатель, но она же чревата и односторонностью. Никто лучше марксистов не разоблачал пороки капитализма, но это лишь подтолкнуло их к неверному выводу о его неизбежном крахе.

И главное, Каутский отверг предложенную Бернштейном переориентацию социализма с экономической аргументации на идеологическую (моральную и правовую). В этот период Каутский строго придерживался взгляда, что историей движет в первую очередь экономическая необходимость, духовные же факторы он считал производными от экономики, "продуктом" предшествующих способов производства.

Что касается конкретных экономических аргументов Бернштейна, на основании которых он показывал несоответствие развития капитализма марксистским схемам, то Каутский со многими из них соглашался, но проводил мысль, что хотя реальное развитие оказалось сложнее, чем это предвидели Маркс с Энгельсом, но общее его направление они указали правильно. Например, он признавал, что концентрация производства идет медленнее, чем предполагалось, что, кроме того, постоянно возникают новые средние и мелкие производства, особенно в деревне, но утверждал, что это не может поколебать общего вывода марксизма о тенденции в экономике к обобществлению производства и собственности, к освобождению капиталистов от их экономических функций и т.п.

Особенно много внимания в своем ответе Бернштейну Каутский уделил вопросу о кризисах. Он обвинил Бернштейна, что тот приписал якобы классикам

¹⁹ Каутский К. К критике теории и практики марксизма. Антибернштейн. М.:Пг., 1923. С.74.

марксизма идею об автоматическом экономическом крахе капитализма, которой у них не было. Получалось, что Бернштейн боролся против своего собственного вымысла, а не против подлинной идеи Маркса и Энгельса. Но на самом деле Каутский слегка подменил предмет спора. Бернштейн критиковал марксизм за идею о неизбежности экономического краха капитализма, тогда как Каутский вводит усложняющий момент в виде классовой борьбы и ведет речь об автоматизме (или неавтоматизме) такого краха. Поэтому его рассуждения о том, что экономические кризисы это не направление, а форма эволюции капитализма, что экономический крах последнего - это отдаленная перспектива, которая вернее всего и не может стать реальностью, ибо до этого капитализм будет уничтожен в результате классовой борьбы пролетариата, бьют мимо цели. По существу же вопроса Каутский подтвердил свое прежнее мнение в существовании экономических границ капиталистического развития, каковые определяются ограниченностью мирового рынка, полным обобществлением производства и т.п.

Ответ Люксембург Бернштейну (серия статей "Социальная реформа или революция", 1898 г.) гораздо более резкий, чем ответ Каутского, она подчеркивает непримиримость революционного марксизма и взглядов Бернштейна, открыто защищает теорию "всеобщего экономического краха" капитализма как главное содержание марксистского экономического обоснования социализма. Но если Бернштейн в опровержении марксистских догм опирался на факты, то Люксембург пренебрегает фактами, им она противопоставляет оценку капитализма в целом. Причем логика целого постоянно оказывается принципиально иной, чем логика фактов. Бернштейн доказывал, что кредит может смягчать и предупреждать экономические кризисы, Люксембург же утверждала, что если кредит рассматривать в контексте целого, т.е. развивающегося капитализма, то обнару-

жится, что он, способствуя расширению масштабов производства и ускорению кругооборота капитала, только подготавливает более крупномасштабные кризисы в будущем. И так по каждому вопросу, взятому Бернштейном (кредит, картели, реформы и др.), она противопоставляет логику фактов и логику целого.

Динамика целого определяется, по ее мнению и в соответствии с Марксом, борьбой изначально заложенных в капитализме противоречий: "Все противоречия современного общества представляют собой простой результат капиталистического способа производства. Если мы предположим, что этот способ производства будет развиваться дальше в том же направлении, как и теперь, то вместе с ним неразрывно должны развиваться и все связанные с ним последствия, т.е. противоречия должны становиться более резкими, обостряться, а не притупляться"²⁰. Руководствуясь этой логикой обострения противоречий, она нередко отрицала очевидные факты, считала, например, вслед за Энгельсом, что в перспективе неизбежно картели будут распадаться, что их существование - временный эпизод капиталистической экономики. Ее рассуждения абстрактны и как таковые неуязвимы для критики с позиций фактов, это род особого революционного догматизма. Нередко она рассуждает по принципу: этого не может быть, т.к. этого не должно быть с точки зрения победы социализма (нельзя отрицать краха капитализма, ибо тогда "социализм перестает быть объективной необходимостью"²¹).

И между тем многие интерпретаторы видят в ней теоретика, обладавшего диалектическим мышлением. Первый, может быть, Лукач отдал ей в этом плане должное. Он считал, что она восстановила диалектический дух марксизма, утраченный многими учениками Маркса. В целом это мнение справедливо, и оно не противо-

²⁰ Люксембург Р. Социальная реформа или революция. М., 1959. С.46.

²¹ Там же. С.18.

речит сказанному выше относительно догматизма ее мышления, ибо марксистская диалектика - это метод предвзятости, социалистической тенденциозности.

Бернштейн увидел противоречие между научностью и тенденциозностью в марксовом экономическом и социальном анализе. Каутский отрицал это противоречие, Люксембург объявила, что тенденциозность марксизма является залогом его научности. Именно то обстоятельство, что марксизм рассматривает капитализм как историческое явление, сопоставляя его не только с прошлым, но и с будущим, является - де основой его глубокого проникновения в сущность капитализма. Само это будущее, т.е. социализм, представлялось ей своего рода данностью, необходимость его наступления была для нее очевидна.

Выше говорилось, что для Люксембург логика фактов была противоположна логике целого, т.е. капитализма, взятого как историческое явление. В самой этой мысли нет ничего предосудительного, и в природе, и в обществе нередки такие ситуации, когда свойства целого оказываются иными, чем у его части. Но вся беда в том, что то целое, которое имела в виду Люксембург (капитализм как переходная ступень от докапиталистического прошлого к социалистическому будущему) было выделено совершенно произвольно и тенденциозно. Одним из критериев выделения было сопоставление капитализма с будущим, которое произвольно отождествлялось с социализмом. Вообще смотреть на настоящее с точки зрения будущего можно лишь очень гипотетически, но Люксембург, как и многие ортодоксы, в этом не колебалась, будущее (социализм) лежало перед ними как на ладони, таково было великое заблуждение марксизма. Люксембург с упоением доказывала, что марксизм и политическая экономия глубоко научна, ибо Маркс посмотрел на капитализм с точки зрения будущего, социализма. "Секрет марксовой теории стоимости, его анализа денег, его теории капитала, его учения о

прибыли, а следовательно, и всей его экономической системы - это преходящая природа капиталистического хозяйства, его крушение, следовательно, - и это другая сторона - социалистическая конечная цель. Именно и только потому, что Маркс рассматривал капиталистическое хозяйство с самого начала как социалист, т.е. с исторической точки зрения, ему удалось расшифровать его иероглифы; а благодаря тому, что он сделал социалистическую точку зрения исходной точкой научного анализа буржуазного общества, он, наоборот, получил возможность научно обосновать социализм"²². Она не замечает тавтологизма этого заявления: сделал социализм исходным пунктом анализа и потому научно доказал социализм. Впрочем, в этой тавтологии марксистская мысль вращалась потом долгие годы.

Вторым после Бернштейна социалистом, нанесшим сильный удар по экономическим идеям ортодоксов, был Р.Гильфердинг. В своей работе "Финансовый капитал", изданной в 1910 г., он по существу доказал нереальность ожиданий экономического краха капитализма, в какой бы форме они не представляли - простой ли веры в скорую экономическую катастрофу или усложненных теоретических построений относительно нарастания экономических трудностей капитализма по мере обострения противоречий между развивающимися производительными силами и капиталистическими отношениями собственности. В конце книги Гильфердинг говорит о том, что катастрофа возможна, но "дело идет о политической и социальной, а не экономической катастрофе, представление о последней вообще нельзя признать рациональным представлением"²³. При этом Гильфердинг, в отличие от Бернштейна, не хотел ревизовать марксизм, в "Финансовом капитале" он выступал как марксист, убежденный в научности марксизма, в

²² Люксембург Р. Социальная реформа или революция. С.57-58.

²³ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М., 1959. С.473.

том числе марксистской политической экономии. Марксистскую теорию следует, по его мнению, отличать от практического социалистического движения, последнее тенденциозно, тогда как первая свободна от тенденциозности.

Несмотря на такую благонамеренность, Гильфердинг не избежал критики со стороны приверженцев идеи экономического краха капитализма, например, Ленина. Последний видел отступление от марксизма уже в самой ориентированности Гильфердинга на анализ товарно-денежного обращения, тогда как для Ленина главным феноменом капиталистической экономики было всегда производство. Это понятно, ведь цель социалистов тогда состояла в том, чтобы вырвать материальное производство из пут капиталистических отношений собственности и товарно-денежного обращения. Ленин критиковал Гильфердинга также за то, что он в трактовке бумажных денег совершил отступление от теории трудовой стоимости Маркса (он определял стоимость бумажных денег количеством приходящейся на денежную единицу товарной массы). Среди упреков Ленина был и тот, что Гильфердинг не показал "паразитизма" финансового капитала. В ленинской критике явственно проступает более заостренная, чем у Гильфердинга, социалистическая тенденциозность, хотя таковая есть и у Гильфердинга, несмотря на все его желание быть беспристрастным исследователем капитализма.

Гильфердинг сделал предметом своего анализа новейшие экономические явления в капитализме на рубеже веков - сращивание банкового и промышленного капиталов, образование акционерных обществ, концентрацию производства и собственности, ограничение конкуренции в результате развития монополистических тенденций в экономике. Это те же процессы, о которых писал Ленин в своем "Империализме, как высшей стадии капитализма". Ленин использовал анализ Гильфер-

динга, но результаты их анализов были разными: Ленин подчеркивал экономический и социально-политический катастрофизм развития новейшего капитализма, который он обозначал термином "империализм", Гильфердинг доказывал нерациональный характер представлений об экономической катастрофе капитализма.

Из всех новых процессов на первое место по значимости он ставил сращивание банковского капитала с промышленным и распространение акционерной формы капитала. Это явления взаимосвязанные, банки выступали чаще всего учредителями акционерных обществ, производили эмиссию акций, кредитовали акционерные предприятия и сами нередко становились их совладельцами. Распространение акционерной формы капитала означало массовое превращение промышленного капитала в денежный, капитал как бы утрачивал свою качественную определенность, становился независимым от каких-либо вещественных элементов и одновременно делался чрезвычайно мобильным, приобретал возможность свободно устремляться в ту отрасль хозяйства, которая в данный момент являлась наиболее выгодной сферой приложения капитала.

При описании указанных процессов Гильфердинг не избежал некоторых традиционных для того времени социалистических ходов мысли. Например, у него присутствует, хотя он на этом не акцентирует, соображение о том, что поскольку капитал в акционерной форме утрачивает непосредственную связь с производством, то полезные функции капиталистов оказываются исчерпанными. Или он находит сходство финансового капитала с ростовщическим, подводя тем самым к идее о паразитизме финансового капитала. Он писал о последнем: "Гегельянец мог бы сказать здесь об отрицании отрицания: банковый капитал был отрицанием ростовщического капитала и в свою очередь отрицается финансовым капиталом. Последний представляет собой синтез ростовщического и банкового капитала и на бесконечно

более высокой ступени экономического развития присваивает себе плоды общественного развития"²⁴. Но гораздо сильнее у Гильфердинга выражены мысли о позитивных в экономическом плане сторонах финансового капитала, вообще рассмотренных им изменений в сфере капиталов.

Во-первых, акционерная форма хозяйствования и слияние банковского капитала с промышленным означали мобилизацию для производства всех денежных капиталов, принадлежащих не только капиталистам, но и другим слоям населения. Особенное значение это имело для сравнительно отсталых в капиталистическом отношении стран, к каковым Гильфердинг причислял Германию и США. В Германии XIX в. не было таких крупных индивидуальных капиталов, какие имелись в Англии, поэтому для нее жизненно важным было собирание средств всего населения с целью вложений его в промышленность, которое осуществляли банки, поэтому же, считает Гильфердинг, новые экономические организационные формы развились прежде всего в Германии и США, а не в Англии. Благодаря этому были преодолены узкие рамки, которые ставила экономическому прогрессу индивидуальная собственность, развитие экономики могло осуществляться беспрепятственно: "Акционерное общество превосходит индивидуальное предприятие в том отношении, что в первом часто экономические условия и потребности могут проложить себе дорогу даже вопреки условиям индивидуальной собственности, которые при известных обстоятельствах вступают в конфликт с технико-экономическими потребностями"²⁵.

Во-вторых, акционерная форма создает возможность свободного движения капиталов и беспрепятственного уравнивания нормы прибыли, что иначе было

²⁴ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. С.303.

²⁵ Там же. С.176.

бы сильно затруднено, т.к. капитал, связанный с огромными производственными мощностями, трудно передвинуть в другую отрасль производства. А без этого невозможна мобилизация капитала в те сферы хозяйства, которые в данный момент нужнее всего обществу. В целом Гильфердинг хорошо показывает, что превращения, испытанные капиталом в результате акционирования и слияния банковского капитала с промышленным, означали колоссальную метаморфозу, вследствие чего капитализм совершенно адаптировался к требованиям высокоиндустриального производства.

Такой результат предпринятого Гильфердингом анализа капитализма свидетельствует поистине о его теоретической объективности. И между тем в этом анализе есть линия, которую можно объяснить лишь социалистической тенденциозностью исследователя. Выше уже были кратко отмечены некоторые социалистические элементы в экономических рассуждениях Гильфердинга, но в данном случае речь не о них, а о том, как он представлял перспективы капитализма. Он был убежден, что капитализм спонтанно движется к ликвидации товарно-денежных отношений, рынка, конкуренции, к сознательно и тотально регулируемому обществу, и это несмотря на его отказ от идеи экономического краха капитализма.

К такому выводу его подталкивало развитие элементов сознательного регулирования в капиталистическом хозяйстве, связанное с явлениями концентрации в банковом деле и в промышленности, ограничением конкуренции, распространением монополистических принципов хозяйствования. В этой ситуации Гильфердинг высказывал предположения, что в перспективе один банк или группа банков могли бы взять под свой контроль весь совокупный денежный капитал и все общественное производство, так что вся капиталистическая экономика в конечном счете представила бы один "всеобщий картель". В тот период картелирование ак-

тивно внедрялось в экономику, картели несли с собой организующие начала, перемены были огромные, менялась даже общественная психология, все это производило сильное впечатление на современников. Если эпоха конкурентного капитализма характеризовалась расцветом индивидуализма и предприимчивости, то монополистический капитализм, казалось, вел к победе организованности, стабильности, к коллективным началам в экономике (Гильфердинг писал о "братстве монопольной прибыли").

В образе "всеобщего картеля" Гильфердинг, как и многие социалисты, мысленно доводил процесс картелирования до логического конца, до создания картеля в масштабе национального государства. Это означало бы перерождение конкурентного капитализма и рынка в общество без товарно-денежных отношений, общество, в котором производство и распределение продуктов осуществляется из одного центра. Гильфердинг не отождествлял такое спонтанно выросшее из капитализма общество с социализмом, оно, являясь классово-антагонистическим, должно было служить переходом к социализму, к обществу без антагонизмов. Он писал о "всеобщем картеле": "Здесь все капиталистическое производство сознательно регулировалось бы из одной инстанции, которая определяет размер производства во всех его сферах. Тогда установление цен становится чисто номинальным и фактически равноценно уже просто распределению всего продукта, с одной стороны, между картельными магнатами, а с другой - между остальными членами общества. Цена является тогда не результатом вещных отношений, которые устанавливаются между людьми, а лишь своего рода вспомогательным расчетным способом передачи вещей от одних лиц к другим. Деньги не играют никакой роли. Они могут совершенно исчезнуть, потому что дело сводится ведь к передаче вещей, а не к передаче стоимостей. Вместе с анархией производства исчезает вещная видимость, ис-

чезает товар в качестве овеществленной стоимости, исчезают, следовательно, деньги. Картель распределяет продукт. Вещественные элементы производства воспроизводятся и входят в новый процесс производства. Из нового продукта известная часть достается рабочему классу и интеллигентам, другая остается у картеля, который может употреблять его на что угодно. Это - сознательно регулируемое общество в антагонистической форме. Но этот антагонизм есть антагонизм распределения"²⁶. Это была утопия экономического и социального единообразия, полной гомогенности, пришедшей на смену гетерогенному рыночному обществу, которая, в общем, не основывалась на фактах и не диктовалась ничем, кроме социалистической тенденциозности исследователя, да может быть гегелевской диалектики отрицательности, согласно которой содержание (здесь материальное производство) в своем развитии сбрасывает с себя устаревшую форму (товарно-денежные отношения). Вопрос, конечно, состоял в том, были ли эти отношения устаревшей формой, без которой производство могло бы успешно развиваться, но Гильфердинг не задавался таким вопросом, как социалист он был заранее убежден в возможности процветания производства без товарно-денежных отношений.

Гильфердинг не идеализировал сознательно управляемого общества, правда, под ним он имел в виду прежде всего капиталистический "всеобщий картель". Тем не менее, через него он высветил и негативные черты будущего реального социализма. Пророческой оказалась идея антагонизма в регулируемом обществе именно в отношении социализма, поскольку капиталистическое тотально регулируемое общество так и не появилось. Далее Гильфердинг угадывал, что регулируемое общество будет находиться во власти случайности, субъективного произвола. Говоря, например, о перспективе

²⁶ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. С.312.

исчезновения рыночной конкуренции, он вдруг приравнивает этот факт к уничтожению единственного средства, при помощи которого может осуществляться объективный закон цен: "Цена перестает быть объективно определенной величиной. Она становится счетной величиной, устанавливаемой волей и сознанием человека. Место результата занимает предпосылка, место объективного - субъективное, место необходимого, не зависящего от воли и сознания заинтересованных лиц, произвольное и случайное. Кажется, как будто монополистическое объединение, являясь осуществлением учения Маркса о концентрации, является в то же время уничтожением его теории стоимости"²⁷. Это очень любопытное высказывание, социалисты обычно критиковали анархию рынка и превозносили организованное общество, у Гильфердинга же последнее оказывалось царством произвола. Впрочем, это мнение не такое уж редкое, если вспомнить, что многие социалисты, и Гильфердинг в том числе, считали ненужной для социализма науку политической экономии. Последняя существует, пока существует товарное хозяйство со своими законами, близкими законам природы. Уничтожение рынка равносильно уничтожению экономических законов, экономические отношения становятся результатом сознательного решения, воли, следовательно, и произвола.

Отказавшись от идеи экономического краха капитализма, Гильфердинг ждал от его политической катастрофы ускорения пролетарской революции. Он внимательно анализировал политические устремления финансового капитала и один из первых среди социалистов описал их суть и проявления. Суть состояла в том, что финансовый капитал стремился к союзу с государственной властью, требовал ее покровительства, был заинтересован в ее усилении. Гильфердинг писал: "... финансовый капитал становится носителем идеи усиления госу-

²⁷ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. С.304.

дарственной власти всеми средствами"²⁸. Это означало полный разрыв капитала с политикой экономического либерализма, его принципа независимости экономики от государства. Финансовый капитал нуждался в государственном покровительстве в деле завоевания внешних рынков сбыта, сфер приложения капитала. Поначалу речь шла об установлении покровительственной в отношении отечественного производства таможенной политики капиталистических держав, затем по мере того, как развивался вывоз капиталов в некапиталистические регионы мира, встал вопрос о закреплении в этих регионах преимуществ финансового капитала определенной национальности. Т.е. дело дошло до колониальных захватов, с чем было связано усиление милитаризма, агрессии, перерождения идеалов национальной свободы эпохи становления капитализма в идеологию национального превосходства, империализма, колониализма. В начале века мир представлял собой ошестившиеся военными штыками блоки государств, разделенных между собой противоречиями в разделе мирового рынка, сфер приложения капитала, колониальными интересами. Наиболее острыми были антагонизмы между Англией, Францией, другими колониальными державами и обделенной колониями Германией, в воздухе носилось предчувствие военной катастрофы, у социалистов росло убеждение, что война неизбежна, что она грозит ослаблением капиталистическим державам, а это в свою очередь повышает вероятность пролетарской революции: "Пролетариат пожнет плоды от ослабления государственной власти и военного столкновения"²⁹.

Эти прогнозы в целом оказались верны; в результате национальных потрясений, вызванных первой мировой войной, произошли социальные революции в России, Германии, Австрии, Венгрии. Гильфердинг ак-

²⁸ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. С.428.

²⁹ Там же. С.475.

тивно участвовал в революционных событиях в Германии, работал в созданной социал-демократическим правительством комиссии по социализации экономики. В это время высветились новые аспекты отношения Гильфердинга к экономическим перспективам социализма. При чтении "Финансового капитала" возникает не раз ощущение в убежденности Гильфердинга в том, что экономика капиталистических государств в целом готова для социалистических преобразований, что она достигла той стадии централизации, за которой может следовать социализм. Такой верой дышат последние страницы "Финансового капитала": "Выполняя функцию обобществления производства, финансовый капитал чрезвычайно облегчает преодоление капитализма. Раз финансовый капитал поставил под свой контроль важнейшие отрасли производства, то достаточно, чтобы общество через свой сознательный исполнительный орган, завоеванное пролетариатом государство, овладело финансовым капиталом; это немедленно передаст ему распоряжение важнейшими отраслями производства"³⁰.

После Ноябрьской 1918 г. революции левые в Германии предлагали немедленно начать строительство социализма. Правительство, состоящее из социал-демократов, придерживалось иной позиции: чтобы восстановить разрушенное войной хозяйство, снабжать население продовольствием, а промышленность сырьем из-за границы, нужно сохранить в прежней форме и на прежних основах систему хозяйства, деятельность банков и прочих кредитных учреждений. Гильфердинг поддерживал такую правительственную ориентацию, в этом духе он сделал доклад о социализации на первом съезде рабочих и солдатских советов Германии (декабрь 1918 г.), высказавшись за постепенность социализации, которая должна была поначалу коснуться лишь уже монополизированных производств (добыча угля, тяжелая про-

³⁰ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. С.475.

мышленность), в остальном, в том числе для банков, сохранялась прежняя система хозяйства. Бернштейн в своей работе о германской революции так излагает впечатления от доклада Гильфердинга: "Для социализации необходимо время, политическая революция совершается относительно легко, замена одной хозяйственной формы другой предполагает длительный процесс; революция здесь не может творить чудес"³¹. Таким образом, немецкие социалисты предполагали действовать в экономике очень осторожно, опасаясь усилить в стране и без того сильную послевоенную разруху. Разительный контраст этой тактики с экономической деятельностью большевиков после Октября, когда в России, стране с такой же, как и в Германии, послевоенной разрухой, да еще находившейся на гораздо более низком уровне капиталистического развития, последовала лавина национализаций. Разница тактик объясняется, по-видимому, тем, что у немецких социалистов была решимость уничтожить капиталистическое производство лишь там и тогда, где оно оказывается неэффективным, большевики же пренебрегали экономическими соображениями, ведомые только ненавистью к капитализму.

Выход в свет "Финансового капитала" Р.Гильфердинга основательно разрушил, как уже говорилось, старую ортодоксальную идею экономического краха капитализма. В этой ситуации интересно вернуться к Каутскому и посмотреть, не изменились ли его взгляды на экономические проблемы капитализма и перспективы социализма. В то время как Гильфердинг завершал работу над "Финансовым капиталом", Каутский в 1909 г. издал "Путь к власти". Основываясь главным образом на соображениях о политической нестабильности в мире, вызванной империалистической политикой капиталистических держав, Каутский в этой

³¹ Бернштейн Э. Германская революция. История ее возникновения и ее первого периода. Берлин, Дрезден, 1922. С.158.

работе предсказывает наступление новой эры революций на Западе и на Востоке. Относительно Запада речь шла о социалистической революции, Каутский уверен, что объективные и субъективные условия для нее надели и надвигающаяся революция не будет "преждевременной"³². Об экономической подготовленности социализма у Каутского специально в этой работе речь не идет, но ясно, что с этой стороны он не видел препятствий для социалистической революции.

Через несколько лет положение изменилось. Одна из работ Каутского под названием "Империализм" написана в канун войны, когда Австрия предъявила ультиматум Сербии после убийства Франца-Фердинанда в Сараево. По сравнению с Гильфердингом Каутский в ней сильнее подчеркивает экономические противоречия новейшего капитализма, выдвигает, в частности, на первый план диспропорцию между развитием промышленного производства и сельского хозяйства. В тот период сельское хозяйство капиталистических стран заметно отставало от промышленности, Каутскому такое соотношение казалось непреодолимым для капитализма. Он и капиталистическую экспансию начала века объясняет из этой диспропорции, империализм он определяет как политику захвата промышленными державами слабо развитых сельскохозяйственных регионов мира: "Империализм есть продукт высокоразвитого капитализма. Его сущность заключается в том, что страна с высокоразвитым капитализмом стремится присоединить к себе большие сельскохозяйственные области, невзирая на то, кем эти области заселены"³³. Но тема противоречий капиталистической экономики теперь отнюдь не является ведущей в рассуждениях Каутского.

Напротив, доминирующей оказывается мысль о существовании у нее значительных перспектив. Важно в

³² Каутский К. Путь к власти. М., 1959. С.126.

³³ Каутский К. Империализм. Б.м., б.г. С.2.

этом отношении то, что Каутский резко отделяет экономику капитализма, включая процессы вывоза капитала, завоевания мирового рынка, от империалистической политики, хотя он и оговаривает, что указанные мировые процессы обусловили ее развитие. Империализм для него - это прежде всего политика колониализма, агрессии, милитаризма. И Каутский выдвигает задачу борьбы с ней, за установление демократических принципов в международных отношениях. Речь у него идет, таким образом, о том, чтобы новые экономические процессы капитализма развивались и далее, но уже в соединении не с империалистической, а с демократической политикой.

Каутский во время войны вел полемику как против правых социалистов, занимавшихся апологетикой империализма, так и против левых, которые выход видели в уничтожении капитализма и установлении социализма. Себя он относит к тем, кто "не верит в немедленное практическое осуществление социализма"³⁴. Перспектива социальной революции в связи с войной никак не входила в планы Каутского. Он в это время считал главной задачей социалистов добиться окончания войны и заключения демократического мира (мир без аннексий и разоружение - таковы были главные пункты программы мира, которую защищал Каутский).

Если сопоставить эти позиции Каутского с выраженными в "Пути к власти", то кажется, что он изменился радикально. Ленин считал, что Каутский "изменил" социалистическим убеждениям. На деле он только пытался в новых условиях следовать своему давнему принципу, согласно которому переход к социализму возможен только на основе демократии и демократическим путем.

³⁴ *Каутский К.* Национальное государство, империалистическое государство, союз государств. М., 1917. С.18.

Говоря точнее, определенная перемена в мировоззрении Каутского все же произошла, он отказался от веры в скорое наступление социализма. В конце работы "Национальное государство, империалистическое государство и союз государств" (1915 г.) Каутский писал: "Союз государств, а не государство национальностей или колониальная империя, является той формой больших империй, в которой нуждается капитализм для достижения своей последней высшей степени развития, когда пролетариат осуществит свою конечную цель"³⁵. Эти слова контрастируют и с тональностью работы "Путь к власти", и еще больше с его настроениями 90-х гг., когда он был уверен, что социал-демократия может "завтра же" взять власть. Эта перемена была продиктована обстоятельствами, той угрозой демократии, которую представлял империализм. Поэтому защита демократии, без которой он не мыслил социализма, стала для Каутского первостепенной задачей.

Что же касается старой ортодоксальной идеи об экономическом крахе капитализма, то она если и сохранялась Каутским, то была отодвинута на задний план. У Каутского постепенно складывалось мнение, что приспособляемость капитализма очень велика, что если крах и произойдет, то это такая отдаленная перспектива, которую социалистам не стоит принимать в расчет в повседневной политике. Соответственно Каутский пытается отойти от своего прежнего экономического детерминизма, при обосновании перспектив социалистической революции он теперь более озабочен не экономическими трудностями капитализма, а существованием политических, духовных условий для неё (конечно, при наличии достаточного экономического уровня, обеспечивающего возможность обобществления производства).

35 Каутский К. Национальное государство, империалистическое государство, союз государств. С.87.

В конце жизни в фундаментальной работе "Материалистическое понимание истории" (1927-1929) Каутский снова рассматривает вопрос об экономике в связи с соотношением капитализма и социализма. Он отвергает старую идею, истоки которой он видит у Маркса и Энгельса, о том, что гибель капитализма неминуема, т.к. он создает препятствия для роста производительных сил. Он разбирает все имевшие хождение среди социалистов аргументы в пользу этой идеи, начиная от теории промышленных кризисов капитализма Маркса и Энгельса и кончая доводами Люксембург, что капитализм гибнет вследствие истощения некапиталистической среды, создающей де рынок сбыта для капиталистического прибавочного продукта. Все эти аргументы кажутся ему теперь несостоятельными, включая и его собственную идею о постоянных диспропорциях между развитием промышленности и сельского хозяйства при капитализме. Последний, поскольку он пережил мировую войну и в результате только окреп, кажется ему теперь вполне и надолго жизнеспособным.

Главную экономическую задачу социализма он теперь видит не просто в обобществлении производства, а в том, чтобы наладить более эффективное по сравнению с капиталистическим производство. Отправной точкой социализма должна служить не кризисная экономическая ситуация, а процветающее капиталистическое хозяйство. В полном противоречии с Лениным, который именно разрушенную войной экономику России сделал ареной революции, Каутский утверждает, что война - неподходящее время для социалистической революции. При переходе к социализму главное - "создать такие формы жизни, которые превосходили бы существующие формы как с точки зрения трудящихся масс, так и с точки зрения длительного благосостояния всего общества и были бы поэтому благожелательно приняты

этими массами и удержаны"³⁶. Эти слова Каутского, как и общая его позиция по разбираемому вопросу, очень напоминают взгляды Бернштейна, высказанные им еще в конце 90-х гг. XIX века. Понадобилось около тридцати лет, чтобы Каутский максимально приблизился к Бернштейну.

Конечно, рецепты, которые предлагал Каутский для достижения социалистической экономикой большей эффективности по сравнению с капиталистической, почерпнуты им в ортодоксальном марксизме, людям начала века они могли казаться верными, но для современного взгляда они не только не убедительны, но представляются уже достаточно обанкротившимися. Среди них - централизованное регулирование производства и сбыта, употребление на пользу общества труда ранее безработных, экономическая сознательность рабочих, их моральная ответственность за результаты труда и др.³⁷. История социалистических стран достаточно показала, что если все указанные факторы брать как антитезу механизмам рыночного хозяйства (а Каутский брал их именно так), если ориентироваться единственно на них в отрыве от последних, то эффективной экономика не будет. Однако это стало очевидно лишь в конце века, и от этого результата должны, по-видимому, отправляться новые социалистические поиски.

Но уже в конце прошлого - начале нынешнего веков Бернштейн, Гильфердинг, Каутский преодолевали догмы ортодоксального социализма. Они создавали новую форму социализма, в котором главным элементом общественного преобразования во всех сферах, в том числе в экономике, становилась демократия. С этой демократической переориентацией социализма самым тесным образом связаны отказ от идеи экономического краха капитализма, осознание рациональных сторон капита-

³⁶ Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т.2. М.:Л., 1931. С.523.

³⁷ Там же.

листического хозяйства. Социализм искал для себя новых неортодоксальных ценностей и путей осуществления. Однако очерченная линия эволюции социалистической мысли, вехами которой были идеи Бернштейна, Гильфердинга, позднего Каутского, не была единственной в мировом социализме. Среди его представителей были гораздо более упрямые ортодоксы, чем, например, Каутский. Это Ленин, Люксембург, другие. В годы первой мировой войны расхождение между ними и социалистами-демократами, вышедшими из марксистской школы, приняло форму идейного и организационного разрыва.

2. Ленин как ортодокс: теория империализма

Перемены в капиталистической экономике, происходившие на рубеже веков, осмысливались социалистами по-разному. Если Бернштейн, Каутский, Гильфердинг постепенно приходили к выводу о значительных перспективах капитализма, то революционные марксисты (Ленин, Люксембург, Бухарин) по-прежнему придерживались ортодоксальной идеи о неизбежности краха капитализма в результате борьбы его внутренних противоречий. Ленин обобщил перемены в капиталистическом обществе в понятии империализма, разумея под этим высшую и последнюю стадию капитализма.

Ленинское видение отражало многие драматические коллизии того времени. Разразившаяся в 1914 г. мировая война поразила современников своими масштабами, бессмысленной массовой гибелью людей, откровенно агрессивными экспансионистскими целями правящих кругов воюющих капиталистических стран. Многими война воспринималась в тот период как "ужасный" конец капиталистической цивилизации, пророчески звучали слова о наступлении эпохи "варварства". В ряде вовлеченных в мировой катаклизм стран возникли револю-

ционные ситуации. Революционно настроенные социалисты считали, что настала пора действовать. Ленин в этот период последовательно развивал мысль о катастрофизме капиталистического развития на стадии империализма.

Корень этого катастрофизма Ленин увидел в экономике развитых капиталистических стран, которая, как уже говорилось, в начале века переживала своеобразный организационный кризис в силу перехода капитализма от стадии свободной конкуренции к эпохе монополистического регулирования. Наряду с расширением в этой связи плановых начал в капиталистической экономике, в ней распространились неконкурентные, порой просто насильственные методы решения экономических противоречий, и не только во внешнеэкономической сфере, но и внутри капиталистических стран. Ленин делал сильный акцент на этих моментах. Из сферы экономики, доказывал он, монополия распространяет свое влияние на всю общественную жизнь, она "пронизывает все стороны общественной жизни"³⁸, всюду вызывая кардинальные перемены. В деятельности буржуазного государства усиливаются антидемократические тенденции, монополии разными путями добиваются проведения государственной политики, соответствующей их интересам, подчиняют себе в той или иной форме государственный аппарат. Ленин считал утопией идею Каутского о возможности наступления при сохранении экономической базы монополистического капитализма, эры мирного демократического "ультраимпериализма". Он доказывал, что монополии порождают всюду, в политике в том числе, не мир и демократию, а насилие, агрессию, экспансионизм, что начинается нисходящая фаза капиталистического развития, решающая роль в борьбе за социальный прогресс переходит от буржуазии к пролетариату.

38 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.355.

Такие выводы были чрезвычайно преувеличенными и тенденциозными. Ленин, как и другие теоретики революционного марксизма, не хотел обратить достаточного внимания на позитивный заряд происходивших тогда преобразований в капиталистической экономике, на возможность длительного существования капитализма в его новых структурах. В работе по империализму Ленин оговаривал возможность экономического развития при капитализме³⁹, но гораздо более сильный акцент он сделал на характеристике империализма как "высшей" и "последней" стадии капитализма. Тенденциозность таких характеристик очевидна, дело в том, что Ленин, как и Маркс, не писал работы по политической экономии капитализма, но разрабатывал его радикальную критику с позиций социализма. Понятно в этой связи почему многие западные интерпретаторы отрицают научно-экономическое значение работы Ленина "Империализм, как высшая стадия капитализма" (1916), оценивают ее как исключительно популяризаторскую, с ярко выраженной практически-политической направленностью. Л.Бассо, в частности, писал, что Ленин не исследовал "глубоких корней" империализма, а дал лишь "описание феномена современного империализма", основываясь на работах Гобсона, Гильфердинга, Бухарина, что успех книги Ленина "больше обязан личности автора и практическим результатам его политической деятельности, чем содержанию труда" и т.п.⁴⁰

Бассо увидел в работе Ленина политику. Это так, но с еще большим основанием можно говорить о ее философском характере, она является поистине сплавом экономической, политической и философской критики капитализма. Ленин вдохновлялся марксистско-гегелевской диалектикой, на ее постулатах основывались его

³⁹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.422.

⁴⁰ Basso L. La théorie de l'imperialisme chez Lenine//Histoire du marxisme contemporain. P., 1978. Vol.4. P.137-142.

рассуждения о противоречиях капитализма, их неизбежном обострении, крахе капитализма как целого и т.д. Конечно, он ввел в свою работу материал об экономических превращениях капитализма начала века, но он его обработал соответствующим образом, превратив экономический анализ в обоснование заранее им предполагавшегося вывода о крахе капитализма.

В соответствии с социально-философскими принципами классического марксизма Ленин рассматривал экономику монополистического капитализма как основное в феномене империализма, как определяющую в конечном счете причину его социально-политических и идеологических проявлений. Кстати сказать, он был не одинок в подобном толковании империализма, оно встречалось и у крайне правых, и у крайне левых представителей социализма того времени. Если первые прибегали к нему, чтобы показать бессмысленность противодействия империализму, то вторые пользовались им, доказывая, что нет другого выхода в борьбе с империализмом, кроме социалистической революции.

Однако такой "экономический" подход к империализму далеко не бесспорен. Каутский не раз выступал с критикой такого подхода. Сам он отводил гораздо меньшую роль экономическим переменам в становлении империализма. По его мнению, как уже отмечалось, империализм является вероятным, но не безусловным следствием некоторых экономических процессов новейшего капитализма; по своему содержанию он не может быть отождествлен с последним, ибо является не экономическим, а политическим феноменом. Каутский подчеркивал, что империализм - это только один из видов политики, возможных на экономическом базисе высокоразвитого капитализма, что он, таким образом, неизбежен, что ему можно противостоять, оставаясь на почве капитализма и опираясь на социальные слои, в нем не заинтересованные (такowymi Каутский считал рабочих, крестьян, интеллигенцию, некоторые слои ка-

питалистов). Не один Ленин склонен был оценивать позицию Каутского как "предательство" интересов революции, и такие оценки могли казаться правдоподобными в ситуации первой мировой войны, всеобщего милитаристского психоза и взрыва колониальной экспансии. Только после второй мировой войны начала разрушаться мировая колониальная система, и тогда на Западе заговорили о правоте Каутского.

Для утверждения тезиса о необязательности совпадения экономических интересов высокоразвитого капитализма и политики империализма Каутский использовал аргументы, которые можно сгруппировать следующим образом: 1) подборка фактов о доимпериалистическом (под империализмом в данном случае имеется в виду капиталистический империализм) и даже докапиталистическом характере некоторых крупных проявлений экспансионизма в конце XIX - начале XX вв. (Каутский, например, подчеркивал, что основные завоевания Англии были сделаны до наступления эпохи империализма, что экспансионизм Австро-Венгрии или России имел во многом докапиталистическую природу) и т.п.⁴¹; 2) указание на роль неэкономических (политических, социально-психологических) факторов в формировании и осуществлении империалистической политики; 3) попытки подтвердить на исторических фактах невыгодность империализма для капиталистической экономики.

⁴¹ Аналогично Каутскому, русский социал-демократ П.Маслов в серии статей об империализме, опубликованных в журнале "Дело" за 1916 г., доказывал, что империализм есть вид политики, применявшейся и до капитализма, и на разных ступенях развития последнего (соответственно этим ступеням Маслов различал "торговый империализм", "промышленный", "финансовый"), что, таким образом, империализм не может быть характеризован как определенная стадия капитализма и т.п. Из современных авторов, например, Л.Бассо настаивал на том, что империализм "рождается и развивается вместе с капитализмом" (*Histoire du marxisme contemporain*. Vol.4. P.142-143).

Подобные же аргументы нередко встречались до самого последнего времени у западных критиков ленинской концепции империализма. Имея в виду ленинскую идею об укорененности империализма в экономике монополистического капитализма, они характеризовали ленинизм как "экономизм", "экономический детерминизм", "схематизм"; писали в противовес Ленину об исторически разных типах империализма, о социальной разнородности феномена империализма конца XIX - начала XX вв., об определяющей роли внеэкономических факторов в расцвете империализма упомянутого периода, о том, что война 1914 года была обусловлена не экономическими, а политическими, военно-стратегическими причинами и т.п.⁴². В целом эти критики правы, хотя Ленин иногда отличал природу российского империализма ("военно-феодального") от империализма капиталистических держав, тем не менее он из этого не делал никаких серьезных выводов. Оценивая войну 1914 года, он возлагал главную ответственность на капиталистический империализм, хотя у истоков войны был антагонизм двух монархий - Австро-Венгрии и России - из-за Сербии и т.д. В характеристике капиталистического империализма Ленин придавал экономике определяющее значение, действительно не признавал автономность политических, национальных, социально-психологических детерминант капиталистического империализма. Но это было не столько недостатком его рационально-познавательной деятельности, сколько следствием его мировоззренческого выбора (социалистическая революция), необходимостью для него обосновать монизм феномена империализма, всеобъемлющий характер его противоречий и, отсюда,

⁴² См. по этим вопросам: *Kemp T. Theories of Imperialism. L., 1967;*
Kiernan V.G. Marxism and Imperialism. L., 1974.

естественно, неизбежность его тотального революционного ниспровержения.

Остановимся на некоторых пунктах того сплава верных констатаций и тенденциозных выводов, какой представляла собой ленинская теория империализма. В капиталистической экономике конца XIX - начала XX веков Ленин выделял факты усиленной концентрации производства. В теоретическом осмыслении явлений концентрации, в придании ей первостепенной важности Ленин следовал идеям "Капитала", традициям марксистского анализа эволюции капитализма. Известно, что, основываясь на том же, что и Ленин, или почти на том же эмпирическом фундаменте, Бернштейн расставил иные исторические акценты, подчеркивал существование тенденций, противоположных концентрации, и с этим связывал свои социально-политические расчеты. Бесспорно, что мелкое производство сохранялось в начале века, прочно сохраняется и даже растет до сих пор в цивилизованных странах, но все же на протяжении XX века, как уже можно сейчас сказать, концентрация составляла важную, хотя и не единственную, тенденцию экономического развития. Ошибка Ленина была в том, что он придал ей абсолютное значение, сделал тезис о концентрации производства отправным пунктом всех своих заключений о новой эволюции капитализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, и, кроме того, связал с ней исключительно перспективы хозяйствования.

Концентрацию он рассматривал в двух планах: как концентрацию производства и как концентрацию собственности. В первом плане она означала увеличение масштабов производства, наращивание производственных мощностей предприятий и всестороннюю перестройку организации производства. Второй план - концентрация собственности, капиталов. Исходная посылка Ленина в объяснении концентрации, унаследованная им от Маркса, состояла в том, что концентрация капиталов

находится во взаимосвязи с концентрацией производства и что обе они входят в конечном счете в число проявлений единой линии экономической эволюции капитализма от конкуренции к монополии.

В ленинском изложении процессы концентрации капиталов не ограничиваются одной промышленностью, необходимым дополнением их являются аналогичные процессы в банковском деле. В эту эпоху вообще коренным образом меняется роль банков в капиталистической экономике. Раньше, в эпоху свободной конкуренции, банки занимали подчиненное положение в капиталистическом хозяйстве, обслуживали платежные операции промышленного капитала, теперь, в условиях монополистического капитализма, банки начинают активно вмешиваться в промышленные дела, контролировать и направлять их. Принявшая массовый характер организация акционерных обществ имела в этой связи решающее значение: участвуя в них, банки становятся владельцами и совладельцами промышленных предприятий. Ленин следующим образом резюмирует новую роль банков: "По мере развития банковского дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки перерастают из скромной роли посредников в несильных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большую часть средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран"⁴³.

Все эти тенденции, действительно, были типичны для капиталистической экономики начала века, о них писали многие. То же можно сказать об образовании в то время на основе слияния банковского и промышленного капиталов особой формы финансового капитала. Это был капитал, лишенный качественной определенности, жесткой связи с той или иной отраслью экономики,

⁴³ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.326.

капитал, отличавшийся высокой мобильностью, легко переливающийся из одной сферы хозяйства в другую, его образование было показателем глубоких перемен в капиталистической экономике. В нем особенно бросалось в глаза резкое отделение собственности от производства, капитала - собственности от капитала - функции. Социалисты всегда охотно обращались к теме отделения, оно казалось им подтверждением их идеи о временном, преходящем характере капиталистической собственности, показателем ее обреченности. Но интересно то, что, например, Ленин и Гильфердинг по-разному интерпретировали отделение, выдвигали вперед разные его аспекты. Причем оба они опирались на Маркса, который уже рассматривал явление отделения, хотя Маркс мог наблюдать лишь сравнительно неразвитые его формы.

Маркс видел отделение, во-первых, в движении ссудного капитала, поскольку оно имеет видимость самодвижения, самовозрастания капитала, совершающегося независимо от сферы производства. В этом случае отделение выступает, с его точки зрения, как особо мистифицированная форма капиталистических отношений собственности, как воплощение мистических начал, заложенных вообще в движении денежного капитала⁴⁴. Во-вторых, Маркс писал об отделении в связи с акционерными обществами, отмечая другой его аспект - обобществление в определенной степени капитала и на этой основе освобождение производства от тесных границ индивидуального капитала: "Это - упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства"⁴⁵, "В акционерном деле уже существует противоположность старой

⁴⁴ Маркс писал о ссудном капитале, что это "фетишистская форма капитала", "иррациональная форма", "высшая степень искажения и овеществления производственных отношений" (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25, ч.1. С.432*).

⁴⁵ Там же. С.481.

форме, в которой общественные средства производства выступают как индивидуальная собственность; но само превращение в форму акции еще стеснено капиталистическими рамками; поэтому вместо того, чтобы преодолеть противоречие между характером богатства как богатства общественного и как богатства частного, оно лишь развивает это противоречие в новом виде"⁴⁶.

Финансовый капитал на новой, по сравнению с эпохой Маркса, ступени развития и в более заостренной и масштабной форме демонстрировал разные аспекты отделения собственности от производства. Но Ленин подчеркивал преимущественно одну сторону дела, то, что финансовый капитал - это собственность в чистом виде, лишенная непосредственной связи с производством и тем не менее приносящая своим хозяевам прибыль. Он не видел в этой собственности никакого полезного содержания, для него она - форма эксплуатации и грабежа тружеников. У Маркса подобная критика частной собственности облечена в изящную философскую форму рассуждений о "фетишистском", "иррациональном" характере капиталистической действительности, у Ленина она приняла форму прямых социальных обличений капитала, его "паразитизма" и просто мошенничества. В критическом ослеплении Ленин приравнивает финансовый капитал и его представителей к положению рантье, он превращает фигуру рантье в обобщенный образ всего финансового капитала, целых государств, поскольку они являются его обладателями. Он пишет: "Преобладание финансового капитала над всеми остальными формами капитала означает господствующее положение рантье и финансовой олигархии, означает выделение немногих государств, обладающих финансовой "мощью", из всех остальных"⁴⁷.

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 1. С.483.

⁴⁷ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.357.

Следует отметить, что социалист Гильфердинг никогда не писал о "паразитизме" финансового капитала. Ленин считал это одним из главных недостатков его анализа. На деле это было свидетельством более объективного, менее тенденциозного подхода Гильфердинга к анализу капиталистической экономики, хотя в других случаях и у него сказывался грех социалистической тенденциозности. Например, когда он представлял финансовый капитал как форму обобществления капитала, сбрасывающего оболочку индивидуальной собственности. Гильфердинг по достоинству оценил значение этого для развития производства, его плюсы - высвобождение производства из тесных рамок индивидуальной собственности, беспрепятственное осуществление на этой почве технического прогресса и т.п. Но он ошибочно допускал, как уже упоминалось, возможность в результате обобществления капиталов полного преобразования капитализма в общество с сознательно регулируемой экономикой, оттеснения частнособственнических отношений из сферы производства в сферу распределения.

Признав какие-то позитивные моменты финансового капитала, Гильфердинг сворачивал на проторенную социалистами дорогу, к доказательству ненужности капитала и вообще денег в экономике будущего. В отношении "всеобщего картеля" Ленин даже оказался более реалистом, он думал, что концентрация капиталов и производства в условиях капитализма не может выйти за рамки капиталистических отношений с присущей им анархией, конкуренцией и т.п. Возникновение монополий лишь видоизменяет экономические механизмы старого капитализма, но не уничтожает их. Поэтому Ленин определял империализм или монополистический капитализм как "смесь" "свободной конкуренции с монополией"⁴⁸. С этим специфическим характером монополистического капитализма Ленин связывал неизбеж-

⁴⁸ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.335.

ность чрезвычайного обострения противоречий капитализма.

Связанное с монополиями развитие до определенной степени плановых, регулирующих начал в капиталистической экономике породило уже в канун первой мировой войны немало экономических, политических, философских теорий с оптимистическими выводами насчет перспектив капитализма. Уже упоминался Бернштейн, который считал, что с помощью новых экономических механизмов (картелей, кредита, мирового рынка капиталов) можно смягчить или даже вовсе ликвидировать проявления экономических противоречий конкурентного капитализма, последствия анархии в производстве и обмене, обеспечить бескризисное развитие капиталистической экономики. При этом конкуренция и монополия рассматриваются как взаимодополняющие, гармонически сочетающиеся экономические принципы.

В этот же период появились первые теории "организованного капитализма" (Шульце-Геверниц и др.), распространялось мнение о том, что монополистический капитализм - это почти уже не капитализм, а какое-то новое общество. К этим взглядам близки выводы Гильфердинга в "Финансовом капитале" о всеобщем картеле.

Ленин в этот переломный для капитализма период упрямо держался старых марксистских убеждений. Он не допускал и мысли о том, что капиталистическое регулирование может как-то смягчить противоречия капитализма, что возникновение монополии означало колоссальную перестройку капитализма, могущую привести в конечном счете к приспособлению его к условиям высококоразвитого производства, к частичному разрешению противоречия, которое Маркс и Энгельс считали основным для капитализма, - между общественным характером производства и частнособственническими отношениями. Ленин, напротив, настаивал в своей книге по

империализму на чрезвычайном обострении этого противоречия. На том основании, что производство достигло чрезвычайной степени обобществления, а собственность, хотя и укрупнилась, но все же осталась частной. Поэтому он писал об эпохе монополистического капитализма, что "частнохозяйственные и частнособственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию"⁴⁹, т.е. непосредственно общественному производству. Ленин не верил, и, по-видимому, совершенно справедливо, что возможно полное уничтожение при капитализме частной собственности и конкуренции. Но если многие экономисты в то время и позже склонны были видеть в сохранении конкуренции своего рода противоядие против негативных сторон капиталистических монополий, то Ленин тенденциозно считал соединение монополии с конкуренцией источником новых экономических противоречий, показателем экономической дисгармонии. Он писал, что соединение этих двух экономических начал "дело безнадежное"⁵⁰, ибо они антагонистичны.

Нас отделяет от времени написания ленинской работы по империализму три четверти века. За это время экономика капиталистических стран продемонстрировала разнообразные формы соединения государственно-капиталистического регулирования и рынка. Союз этих двух экономических начал оказался, таким образом, гораздо прочнее, чем это виделось Ленину или, например, Н.И.Бухарину в работе "Мировое хозяйство и империализм". Как и Ленин, Бухарин не верил в исторические перспективы конкуренции. В отличие же от Ленина Бухарин предусматривал возможность, правда, как он пишет "абстрактную возможность"⁵¹, полной победы монополии над конкуренцией в рамках капиталистического хозяйства. Эта "абстрактная возможность", которая,

49 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.423.

50 Там же. С.342.

51 Бухарин Н. Мировое хозяйство и империализм. Пг., 1918. С.87.

может быть, по его словам, никогда не станет "реальной вероятностью" (хотя, впрочем, применительно к национальной экономике капиталистических государств начала века он говорил уже о "сильнейшей тенденции" "к превращению всего национального хозяйства в одно гигантское комбинированное предприятие под началом финансовых королей и капиталистического государства, хозяйства, которое монополизирует национальный рынок и является предпосылкой организованного производства в его высшей, некапиталистической форме"⁵²), раскрывает тем не менее вполне реально убеждение Бухарина в исторической обреченности конкуренции в паре "монополия - конкуренция", в принципиальной несовместимости этих двух начал. Между тем не только история капитализма в XX веке, но и крах экономики, основанной на социалистической монополии, заставляют по-иному взглянуть на исторические перспективы соединения регулирующих начал экономики с конкуренцией.

Ленин в подходе к экономическим противоречиям капитализма строго придерживался тезиса марксистской диалектики о том, что коль скоро противоречия есть, они должны обостряться и вести в конечном счете к гибели целого, т.е. капитализма. Но тут он оказывался перед вопросом о том, способны ли экономические противоречия сами по себе привести к крушению капитализма?

История этого вопроса в социал-демократии драматична. Как сказано в предыдущем разделе, в полемике с Бернштейном в конце XIX века марксисты-ортодоксы (Каутский, Люксембург) доказывали неизбежность крушения капитализма прежде всего в силу экономических причин. Накануне первой мировой войны и в ходе ее некоторые крупные теоретики-социалисты под влиянием экономических перемен отказались от идеи о

⁵² Бухарин Н. Мировое хозяйство и империализм. С.43-44.

неизбежности экономического крушения капитализма (Р.Гильфердинг, К.Каутский). Каково же решение Ленина? Нельзя сказать, чтобы он, подобно Люксембург (как она это сделала в "Накоплении капитала"), настаивал однозначно на перспективе экономического краха капитализма. Экономические противоречия, по Ленину, хотя и вызывают "загнивание" капитализма, но это все же только одна тенденция, которой противоречит другая - "быстрого роста капитализма", осуществляющегося через всевозможные противоречия и неравномерности⁵³. Люксембург выдвинула идею о существовании конкретной границы капитализма в виде исчерпания в мировом масштабе некапиталистического рынка. Ленин, читавший "Накопление капитала", критически отнесся к этой идее, одностороннему акценту на значении некапиталистических рынков для существования капитализма. Бухарин в работе 1925 г. "Империализм и накопление капитала" тоже критиковал Люксембург. Он доказывал, что ее идея относительно докапиталистических регионов как единственной сфере реализации капиталистической прибыли теоретически уязвима и практически вряд ли проверяема, ибо, как заметил Бухарин (и это верно до сих пор), исчерпание докапиталистической среды - дело неопределенного будущего. Если вернуться к Ленину, то он в работе по империализму связывал неизбежность гибели капитализма скорее с обострением совокупности социально-экономических и политических противоречий капитализма. И тем не менее с Люксембург у него общей была уверенность в экономической обреченности капитализма.

Период, обозначенный Лениным как империалистический, характеризовался чрезвычайной внешней экспансией капитализма, тогда обретали новое содержание издавна существовавшие формы международных экономических связей (торговля), появлялись новые, во-

⁵³ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.422-423.

влекались в общий экономический круговорот ранее изолированные регионы. Для Ленина обращение к этой теме давало возможность дополнить и так многочисленный (в его изображении) реестр капиталистических противоречий новыми, во многом более наглядными.

Сильнейшим фактором создания мировой капиталистической системы служил тогда вывоз капитала. Ленин рассматривал способность к вывозу как свойство именно монополистического капитала со всем комплексом присущих последнему экономических и социально-политических характеристик. Интересно сопоставить ленинское понимание международных экономических связей эпохи империализма с каутскианским.

Как и многие, Каутский отмечал изменения в сфере вывоза, писал, что в новое время к вывозу товаров добавился "вывоз средств производства, служащих капиталом за границей"⁵⁴. Можно оставить в стороне то обстоятельство, что Каутский в этом определении односторонне свел вывозимый капитал к производительному, не упомянув о займах. Любопытно другое: при анализе новых экономических международных связей он продолжал отстаивать принцип свободной конкуренции, он как бы двигался в круге экономических представлений эпохи конкурентного капитализма. Он считал, например, что успешное развитие международных экономических связей требует соизмеримого уровня развития и политической независимости всех участников. В этой связи он утверждал, что для Англии ее колониальные африканские владения просто убыточны, а экономически перспективны ее отношения с Канадой, Австралией, Южной Африкой, этими тремя "крупными аграрными колониями с европейской культурой", которые хотя и числились колониями, но образовывали с Англией, — по его словам, "демократический союз госу-

⁵⁴ Каутский К. Национальное государство, империалистическое государство, союз государств. С.27.

дарств"⁵⁵. Таким образом, экономическим идеалом Каутского для новейшего капитализма было построение мирового капиталистического хозяйства на началах равноправного партнерства. Сопровождавший капиталистическую экспансию начала века империализм, стремление господствовать над экономическими партнерами с помощью политической силы казались Каутскому привходящими обстоятельствами, тем, что должно быть преодолено в интересах свободной конкуренции и демократических отношений между государствами. В этой связи вспоминается, как кто-то из еврокоммунистов говорил, что Каутский кажется правым в наше время, а Ленин был прав для своего времени.

Ленин тоже признавал, что вывоз капитала предполагает определенную степень развития стран, в которые вывозится капитал: "Возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности и т.д."⁵⁶. Однако с ленинской точки зрения эти необходимые предварительные условия вывоза, во-первых, могут быть созданы (и чаще всего создаются) самим экспортируемым капиталом, во-вторых, они оказываются достаточными в той мере, в какой создают основу для системы неравноправных экономических связей между отсталыми регионами и империалистическими странами. Ленин главное внимание обращал на распространение и упрочение в мировой экономике монополистических начал и связанной с этим системы разных форм диктата, принуждения в экономике. К таковым он относил, например, то обстоятельство, что, предоставляя займы иностранным государствам, финансовый капитал не просто стремится к получению процента, а добывается от финансово зави-

⁵⁵ Каутский К. Национальное государство, империалистическое государство, союз государств. С.44-45.

⁵⁶ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.360.

симых государств разного рода выгодных сделок (по сбыту, получению концессий и т.п.). "Финансовый капитал, - писал в этой связи Ленин, - создал эпоху монополий. А монополии всюду несут с собой монополистические начала: использование "связей" для выгодной сделки становится на место конкуренции на открытом рынке. Самая обычная вещь: условием займа ставится расходование части его на покупку продуктов кредитующей страны, особенно на предметы вооружения, на суда и т.д."⁵⁷.

Ленин использовал в интересах социалистической критики и ту ожесточенную борьбу, которая в начале века разгорелась между крупными компаниями разной национальной принадлежности (например, электрическими) за сферы применения капитала, рынка сбыта, источники сырья. Если эту борьбу и считать проявлением конкуренции, то сущность последней сильно изменилась по сравнению с XIX в. Она велась не только экономическими методами, в борьбу монополий вовлекались государства, их военная сила становилась прямым фактором в пользу той или иной из конкурирующих сторон. Поистине начало века давало социалистам много аргументов против капитализма.

Отношение Ленина, Люксембург к политике империалистических центров в отсталых регионах было однозначным, они видели в ней хищническую эксплуатацию последних. Такие убеждения многим тогда казались бесспорными. Гораздо более объективный, чем Ленин, в оценке капиталистической экономики Р.Гильфердинг также считал, что только на первых порах вмешательство в экономику зависимых стран иностранного капитала приводит к некоторому ускорению промышленного прогресса, дальнейшее же развитие экономики тормозится из-за необходимости уплаты процентов за предоставленные кредиты и т.п. Гильфер-

⁵⁷ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.363.

динг пишет о зависимых странах: "Вследствие этого их экономическое, а вместе с тем и политическое, и финансовое развитие остановилось на первых ступенях. Экономические подданные иностранного капитала, в политическом отношении они также превратились в государства второго разряда, неспособные обойтись без покровительства крупных держав"⁵⁸.

Положение зависимых (колониальных, полуколониальных и прочих) стран в мировой капиталистической системе - это была та тема, которая, в конечном счете, привела Ленина к выходу за пределы марксистской ортодоксии. Конечно, вместе с темой особенностей положения России и особенной природы русской революции. Его отход от марксистской ортодоксии заключался прежде всего в отказе от понимания социалистической революции согласно модели марксистско-гегелевской диалектики, т.е. как "преодоления", "снятия" капиталистических противоречий в явлении высшего уровня (в социализме). Возразят, что именно в годы первой мировой войны Ленин усиленно занимался диалектикой, читал Аристотеля, Гегеля, вникал в смысл марксовской диалектики. Это так, на философском уровне, если взять его конспекты, комментарии, замечания, составляющие "Философские тетради", Ленин был диалектиком марксистско-гегелевского типа. Но в своей политической практике он от нее все более отходил, марксистско-гегелевское "снятие" капитализма он заменял простым его отрицанием с помощью сил, внешних для капитализма, например, с помощью антиимпериалистических освободительных движений в зависимых регионах мира.

В работе по империализму Ленин еще не делал таких выводов, но в политических текстах военного и послевоенного времени он прямо причислял эти движения к социалистическим силам. В "Докладе на II съезде

⁵⁸ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. С.426-427.

Коммунистических организаций Востока" Ленин говорил: "Таким образом, социалистическая революция не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, - нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма"⁵⁹.

Эти выводы Ленина отличали его от других теоретиков социализма того времени. Так, Каутский считал, что в перспективе страны с докапиталистическими социально-экономическими и политическими структурами повторят путь капиталистического Запада, а Люксембург - это они приобщатся к его катастрофической судьбе. Согласно Ленину, перспективы слаборазвитых стран нельзя мыслить однозначно. Если для них существует возможность войти в общее русло капиталистического развития, то возможен и принципиально иной путь, предполагающий активную антиимпериалистическую борьбу, сближение задач демократических и социалистических революций и т.п. Ленин, конечно, оговаривал, что сближение социализма и демократии не означает их отождествления. Но на деле, например, в России 1917 г. он вел к тому, чтобы социалистическая революция прагматически использовала демократические лозунги, а после этого задавила демократию. Ленинизм как особая форма социализма - это, по сути, теория удушения демократии социализмом.

3. Разрыв Ленина с марксистской ортодоксией: вопрос о материально-производственных предпосылках социализма

В апреле 1917 г. Ленин сделал шаг, который сразу вывел его за рамки марксистской ортодоксии. Объяв-

⁵⁹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.39. С.327.

ленный им тогда проект сделать российскую революцию непрерывной вплоть до ее перерастания в социалистическую был воспринят многими его современниками как "бредовый", Плеханов писал о "грезофарсах" Ленина. Конечно, идея непрерывной революции не была новостью в марксизме, его классики развивали ее еще во время европейской революции 1848 г. Но Ленин отбросил ее важный компонент - признание необходимости довести дело до революции в самых развитых капиталистических странах, он в "Апрельских тезисах" предлагал форсировать социалистическую революцию в России с опорой на ее внутренние силы. Если классики марксизма в деле победы социализма надеялись прежде всего на пролетариат передовых стран, то Ленин одной из главных сил революции сделал "русского крестьянина", его план был идти в России к социализму на плечах демократической революции. И этот план оказался верным, в частности, потому, что демократическое движение в России было чрезвычайно радикализировано, в нем, по выражению Г.В.Плеханова, царило "полуленинство", революционная демагогия и массовый антикапиталистический настрой. Сейчас нередко трактуют Октябрь как акт насилия большевиков над Россией, такие суждения неисторичны, не учитывают того обстоятельства, что Ленин сумел использовать революционную ситуацию в России и заставил демократические лозунги (о мире, земле) работать на социализм.

Новая ленинская установка коренным образом меняла социально-исторический смысл марксистской социалистической программы, ее содержание и предназначение. Марксистский социализм сформировался в условиях Запада как отрицание существующего (капитализма), он претендовал быть знаком будущего, хотя этот знак имел в чем-то сходство с докапиталистическим прошлым. В России, где капитализм был развит намного слабее, чем на Западе, назначение марксистской программы не могло не измениться. До сих пор

приходится слышать, что Ленин хотел вестернизировать Россию. Это вряд ли так, вернее, не совсем так; в социализме Ленина смешивались западнические и далеко не западнические ориентации. Классическим социалистом-западником в России был Плеханов, он считал, что Россия должна встать на путь развития капитализма, пройти, может быть, более ускоренно путь капиталистического Запада. В июне 1917 г. он писал в газете "Единство": "Мы страдаем не столько от капитализма, сколько от недостатка его развития. Нынешняя война, поставившая нас на край гибели главным образом благодаря страшной экономической отсталости нашей, доказала это самым убедительным образом. Поэтому устранение капиталистического способа производства никак не может стать у нас очередным историческим вопросом. Этому можно радоваться; этим можно огорчаться. Но кто не утопист, тот обязан руководствоваться этим в своей практической деятельности"⁶⁰.

У Ленина бывали периоды западничества: до 1905 года он активно отстаивал перспективы капиталистического развития России и боролся в этой связи с народниками, с их идеей ее особого исторического пути; нэп тоже может служить примером западнической ориентации Ленина. Но его идея осуществить в России социалистическую революцию, т.е. обойтись в ней без капитализма и в рамках посткапиталистического общества догнать и перегнать экономически капиталистические страны отнюдь не может считаться проектом вестернизации России. Скорее это попытка спасти Россию от вестернизации, и постольку ленинская программа социалистической революции объективно приобретала сходство со славянофильской идеей особого пути России (хотя, конечно, ленинизм нес в себе и отрицание российских традиций). Плеханов остро чувствовал отход Ленина от классического марксизма. В последней своей

⁶⁰ Плеханов Г.В. Год на Родине. Париж, 1921. Т.1. С.214-215.

статье в "Единстве" в январе 1918 г. он вспоминал давний разговор с В.Адлером, который сказал однажды, обращаясь к нему: "Ленин ваш сын", на это Плеханов ему отвечал: "Если сын, то очевидно незаконный"⁶¹. Замысел Ленина был превратить российскую отсталость в преимущество, в ускоренное продвижение к будущему; на деле его проект служил целям консервации российской отсталости с помощью социализма. Он обещал, с одной стороны, грандиозную ломку всех устоев российской жизни, с другой - нагромождение новых препятствий на пути России к капиталистическому прогрессу.

В руках Ленина социалистическая программа утратила, как уже отмечалось, связь с диалектическим движением "преодоления" капитализма в результате его собственной эволюции, она становилась средством простого отрицания капитализма. Это можно показать на многих вопросах - о демократии, национальных отношениях и, в частности, о материальных предпосылках социализма.

Прежде чем перейти к рассмотрению последнего вопроса, остановимся кратко на том, как Ленин изменил по сравнению с классическим марксизмом трактовку отношения социализма к национальной демократии. Это дает возможность яснее представить общую схему его политического мышления, эту логику подмены "преодоления" капитализма простым его отрицанием, что на практике не могло не вести к консервации социальной отсталости.

В классическом марксизме расцвет национальной демократии связывался с эпохой поднимающегося капитализма. Одновременно считалось, что по мере развития капиталистических обществ национальная демократия изживает себя, историческая инициатива переходит к социализму, который неизбежно выходит за узкие на-

⁶¹ Плеханов Г.В. Год на Родине. Париж, 1921. Т.2. С.268.

циональные рамки, ведомый идеей пролетарского интернационализма. В этой парадигме национальная демократия и социализм олицетворяют разные исторические периоды и принципы, социализм выступает как отрицание национальной демократии, развившееся из нее самой. Если взять высказывания Ленина по национальному вопросу, то многие из них, даже относящиеся к периоду первой мировой войны, выдержаны в этом духе. Говоря об истории национальных движений в Западной Европе, он связывал массовые национальные движения с периодом формирования капитализма в отдельных странах, утверждая далее, что в развитых капиталистических обществах происходит их угасание, а пролетарское движение оценивал как интернациональное и идущее на смену буржуазному национализму. Он писал в августе-октябре 1916 г.: "В западных странах национальное движение - давнее прошлое. "Отечество" в Англии, Франции, Германии и т.д. уже спело свою песню, сыграло свою историческую роль, т.е. прогрессивного, поднимающего к новой экономической и политической жизни новые массы людей, здесь национальное движение дать не может. Здесь на исторической очереди дня стоит не переход от феодализма или от патриархальной дикости к национальному прогрессу, к культурному и политически свободному отечеству, а переход от изжившего себя, капиталистически-перезрелого "отечества" к социализму"⁶².

Но мировая война опровергала во многом эти классические марксистские схемы по национальному вопросу, она продемонстрировала необычайную силу национального феномена и на Западе, где национализм давно институализировался в государство, и на Востоке, где разворачивались в борьбе за государственность молодые национальные движения. Было ясно, что социализм должен пересмотреть свое отношение к наци-

⁶² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.30. С.89.

ональному вопросу и, в частности, известный тезис "Коммунистического Манифеста" о том, что "рабочие не имеют отечества".

Э.Бернштейн задолго до войны оспорил приведенный тезис. По его мнению, если он и был справедлив в отношении обездоленных европейских рабочих 40-х гг. XIX века, то он неприменим к рабочим конца XIX - начала XX веков, так как в этот период условия их жизни улучшились и они получили политические права. Согласно Бернштейну, эти перемены означали, что рабочие стали равноправными членами буржуазных "отечеств". Он писал: "Рабочий, который является в государстве, в общине и пр. равноправным избирателем, а вследствие того и совладельцем общественного богатства нации, детей которого община воспитывает, здоровье которого охраняет, которого оберегает от несправедливостей, имеет и отечество, не переставая быть вместе с тем мировым гражданином..."⁶³. Соответственно таким выводам Бернштейн стремился к установлению глубокого единства между социализмом и демократией.

Ленин тоже высказывался как будто, особенно в период мировой войны, за союз социализма и национальной демократии, но этот союз в его трактовке означал подчинение демократии социализму. Поэтому ленинская тактика союза могла привести к успеху лишь в случае политически неразвитой национальной демократии. Тогда как, например, национально-освободительное движение начала века славянских народов Восточной Европы (поляков, чехов, сербов и др.) дало совсем иную расстановку сил, там национальная демократия отнюдь не ориентировалась на социализм, а в некоторых ситуациях действовала против него. Каутский, имея в виду освободительную борьбу славян, писал, что война 1914 года - "не чисто империалистическая", а и

⁶³ Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. С.281.

"национальная". Ленин доказывал, что "национальные моменты" в этой войне имеют "подчиненное" значение и не могут изменить ее империалистского характера. Тем самым он получал возможность утверждать, что единственным последовательным ответом на войну является социализм, а наилучшая перспектива национальной демократии - стать на его сторону. Однако ленинская оценка войны ("со всех сторон империалистическая") была натяжкой, исходный пункт войны - столкновение между Австро-Венгрией и Сербией с поддерживавшей ее Россией - не был порождением капиталистического империализма, столкнулись прежде всего две полуфеодалные монархии (Австро-Венгрия и Россия), бывшие обе многонациональными государствами, в которых наряду с привилегированными нациями было немало неполноправных народов. Славянские народы Австро-Венгрии имели своим противником не капиталистический империализм, а Габсбургскую монархию, тогда как страны Антанты оказали им поддержку. Об этом писал О.Бауэр в своей книге "Австрийская революция 1918 г.", он даже определял первую мировую войну как буржуазную революцию: "Победа западных держав над центральными державами была победой буржуазной демократии над военно-монархической олигархией, это была самая крупная, самая кровавая буржуазная революция на протяжении всей мировой истории"⁶⁴.

Ближайшие послевоенные события в восточноевропейском регионе тоже не вписываются в ленинскую схему. Бауэр пишет о том, что буржуазно-демократическая революция 1918 г. в Немецкой Австрии делала шаги к превращению в пролетарскую революцию, социал-демократы имели большинство в Учредительном собрании, входили в коалиционное правительство, которое начинало осуществлять социализацию производства, поощряло рабочее самоуправление и т.п. Но революция

⁶⁴ Бауэр О. Австрийская революция 1918 г. М.:Л., 1925. С.107.

потерпела поражение, ее противниками выступили и страны Антанты, и молодые восточноевропейские государства (чехов, южных славян), и крестьянство в самой Немецкой Австрии. Вопреки идее Ленина о союзе социализма и национальной демократии в эпоху империализма в разбираемой ситуации молодая национальная демократия действовала вместе с империализмом против социализма.

Однако для России (позже для азиатских, африканских стран) идея Ленина оказалась верной. Дело объясняется, по-видимому, слабостью, политической неразвитостью здесь демократических движений и, с другой стороны, хорошей организацией и целеустремленностью социалистических партий. В такой ситуации социалисты могли на волне демократических выступлений выдвигать и демократические, и социалистические лозунги, благодаря этому подчинять себе демократическое движение и переводить его на путь социализма. Ленин понял значение демократических лозунгов для социалистической партии еще в 1905 г., поэтому он всегда боролся с левыми в РСДРП и за ее пределами, которые хотели ограничиваться чисто социалистическими задачами и отбрасывали демократические лозунги вроде права наций на самоопределение. В период от февраля к октябрю Ленин активно высказывался за самоопределение Финляндии, Украины, Армении, Туркестана и других национальных регионов Российской империи. Однако это было с его стороны революционной демагогией, он никогда не забывал (и говорил об этом) что социалисты хотят лишь формально предоставить всем народам право на самоопределение, тогда как фактически вопрос должен решаться в каждом случае конкретно, исходя из интересов пролетарской революции. Это надо было понимать так, что реально отделения никто не получит. Так и произошло, исключение составляла Финляндия. Теоретические истоки советского империализма следует искать таким образом у Ленина в его своеобраз-

ном понимании союза демократии и социализма, которое на деле означало конец демократии. Вся история советского государства несла на себе печать изначального недуга - неразвитости демократических представлений, норм, традиций, которые не успели сложиться до начала социалистической революции и были ею окончательно задавлены.

Совершенно аналогичный ход мышления можно проследить в его решениях вопроса о материальных предпосылках социализма: сначала он повторяет тезисы классиков, затем под влиянием революционных событий в России и вообще на Востоке забывает их мысль, что социализм должен явиться наследником капиталистической цивилизации, и предлагает соорудить социализм из имеющихся под рукой средств, совершенно этим разрушая замысел классиков.

Известно, что Ленин изменил классическому марксизму, предложив создавать предпосылки социализма в сравнительно отсталой экономически стране - России - уже после завоевания пролетариатом власти. Для классического марксизма было характерно другое решение: предполагалось, что созревание материальных предпосылок социализма должно происходить в недрах капитализма путем постепенного обобществления производства и собственности. Так подходили к вопросу западные ортодоксы в конце прошлого века (Каутский, Люксембург), так всегда думал Плеханов. При этом в ходу оказывались два критерия зрелости материальных предпосылок социализма - негативный и позитивный. Согласно первому зрелость материальных предпосылок социализма приравнивалась к такому уровню производства, при котором капитализм терпит экономический крах, социализм должен был, таким образом, начинаться там, где заканчивал свое развитие капитализм. Позитивный критерий указывал на необходимость при переходе к социализму такого уровня производственного развития, который позволял

установление общественной собственности на средства производства. Для сельского хозяйства критерии были в конечном счете те же, но предполагалось возможным начать социалистическую революцию в обстановке преобладания мелкокрестьянских хозяйств с тем, чтобы после перевести их на рельсы крупного социалистического хозяйства.

После того как Бернштейн в конце 90-х гг. оспорил ортодоксальную идею об экономическом крахе капитализма, представления социал-демократов о материальной базе социализма начали меняться. Бернштейн, а потом и Каутский, Гельфердинг отвергают саму возможность краха капитализма, материальная база социализма приравнивается ими к такому уровню развития производительных сил, когда экономически более эффективной оказывается не капиталистическая, а социалистическая организация производства. Дело, таким образом, не сводится просто к возможности обобществить производство, упор на то, чтобы обобществленное производство могло сразу дать больший экономический эффект, чем существующая система. К тому же к требованиям экономической эффективности западные социалисты присоединяли требования гуманитарного, нравственного плана. Бернштейн доказывал, что социалистическая система производства не может быть просто введена одним революционным актом, ее развитие - результат длительного поиска более совершенных форм труда, способных обеспечить свободу и равенство индивидов на производстве. Главный путь к этому он видел в развитии промышленной демократии. Все это ориентировало на длительный процесс созревания материальной базы социализма в рамках капитализма, отодвигало вопрос о социализме в неопределенное будущее.

Ленин вплоть до 1917 г., до начала второй русской революции сохранял классические марксистские критерии (негативный и позитивный) зрелости материальных условий социализма. В "Предисловии" 1917 г. к ра-

боте "Империализм, как высшая стадия капитализма" он определил империализм как "канун социалистической революции"⁶⁵. Идея "кануна" включает наряду с утверждением об обострении экономических, социально-классовых, межнациональных антагонизмов также констатацию, что созрели уже в это время материально-производственные предпосылки социализма. Впрочем, исторической точности ради следует отметить, что Маркс считал вполне созревшими материальные предпосылки социализма, например, в Англии середины XIX в. В 1850 году он высказал уверенность в скором наступлении новой революционной волны в Европе и в том, что в ходе нее буржуазно-демократическая революция может перерасти в мировую пролетарскую революцию, если в движение вступит Англия. В конце XIX - начале XX вв. капиталистические страны пережили бурный расцвет промышленности. Капиталистические отношения собственности смогли выдержать этот производственный бум, ибо сами изменились и взамен индивидуальных капиталов распространился обобществленный в определенных пределах капитал (акционерный капитал). Убежденный в том, что и в этой форме частнособственнические отношения противостоят развитию приобретающего все более общественный характер производства, Ленин отстаивал идею о зрелости материально-производственных предпосылок социализма в ведущих капиталистических странах начала века.

Нужно учесть, что классики марксизма не считали зрелость материальных предпосылок в определенном регионе необходимым условием начала в нем социалистической революции, хотя для ее развития и упрочения она, с их точки зрения, необходима. Маркс, например, предполагал, что революция могла начаться на периферии капиталистического мира, где материально-производственная база ниже, чем в его центре, и лишь в ходе

⁶⁵ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.301.

последующего развития перекинуться в центр. Вплоть до "Апрельских тезисов" Ленин развивал такой же подход.

Уверенность в готовности материальных предпосылок социализма в развитых западных странах основывалась у Ленина, как и у классиков марксизма, прежде всего на наблюдении происходивших на их глазах процессов концентрации производства и собственности. В предыдущем параграфе уже говорилось, что социалисты абсолютизировали эти процессы, они думали, что такие процессы подготавливают почву для уничтожения капиталистических производственных отношений, замены их иными, основанными на общественной собственности на орудия и средства производства. Поэтому, имея в виду европейский капитализм начала века, Ленин писал, что это "высшая" и "последняя" стадия капитализма, "переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу"⁶⁶.

С тех пор капитализм пережил не одну модификацию, капиталистические производственные отношения обнаружили способность адаптироваться к развитию производства. Но в начале века такая перспектива отнюдь не была очевидной, многим тогда казалось, что капитализм доживает последние дни, что неотвратимо наступление нового хозяйственного уклада, идентифицируемого с социализмом даже многими буржуазными профессорами.

Чрезвычайно важное значение в деле создания материальных предпосылок социализма В.И. Ленин приписывал развитию государственно-монополистического капитализма, ускоренно происходившему в годы первой мировой войны во многих странах. На Апрельской (1917г.) конференции РСДРП(б) Ленин говорил: "...война ускорила развитие капитализма, и оно шло вперед от капитализма к империализму, от монополии к

⁶⁶ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.420-421.

огосударствлению. Это все придвинуло социалистическую революцию и создало объективные условия для нее⁶⁷. Широко известны также слова Ленина из статьи "Грозящая катастрофа и как с ней бороться": "Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет"⁶⁸. В этом случае, как вообще очень часто, Ленин видит в истории однозначность, какой на деле не существовало. Он как бы не допускает дальнейшей возможности освоения буржуазными обществами принципов государственного регулирования, идентифицируя последние с социализмом. На деле существовавшие в XX веке социалистические общества только подхватили эту общую для мировой экономики тенденцию, абсолютизировали ее и, может быть, этим повлияли на дальнейшие судьбы государственного регулирования в мире, стимулируя его масштабы, но и предостерегая об опасностях такого абсолютизма.

Тезис о зрелости к концу XIX - началу XX вв. материально-производственных предпосылок социализма в развитых капиталистических странах составляет логически и исторически (имеется в виду эволюция взглядов Ленина) исходный пункт в ленинском осмыслении разбираемой проблемы. Однако вторая русская революция подтолкнула Ленина к новому решению, которое оказалось, по сути, разрывом с классическим марксистским подходом к проблеме предпосылок. На первом плане для него теперь вопрос о возможности социалистической революции в России.

В работах военного времени В.И. Ленин не раз характеризовал Россию как страну капиталистического

67 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.355.

68 Там же. Т.34. С.193.

империализма, хотя и подчеркивал одновременно ее социально-экономическую и политическую отсталость сравнительно с другими капиталистическими державами. Он писал, что Россия представляет собой "страну наиболее отставшую в экономическом отношении, ...в которой новейше-капиталистический империализм оплетён, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических"⁶⁹. Он выделял такие особенности российского капитализма: 1) развитие его вплоть до стадии монополистического капитализма в условиях сохранения значительных пережитков феодализма, в обстановке экономической и политической зависимости буржуазии от царского правительства; 2) сравнительная экономическая отсталость, проявляющаяся и в более низком, чем в передовых странах, материально-техническом уровне производства, и в меньшей степени охвата промышленности новыми организационными формами (монополиями); 3) зависимость от иностранного капитала (рост вложений иностранного капитала в российскую промышленность и банки⁷⁰, постоянное увеличение государственного долга России иностранным кредиторам, чрезвычайное усиление этой зависимости в годы войны, особенно в период Временного правительства⁷¹).

⁶⁹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.378.

⁷⁰ Комментируя в "Империализме, как высшей стадии капитализма" книгу Е.Агада об участии иностранных капиталов в российских банках, В.И.Ленин отмечал, что это не столько "участие", сколько "господство", подчеркивал, что три четверти банковых капиталов России "приходится на долю банков, которые представляют из себя, в сущности, "общества-дочери" заграничных банков..."(Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.349).

⁷¹ О Временном правительстве Ленин писал, что оно - "приказчик финансовой фирмы "Англия и Франция", подчинено "интересам русского капитала и его могучего покровителя и хозяина, богатейшего во всем мире англо-французского империалистического капитала"(Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.31. С.19,153).

На основании статистических данных А.Супана и О.Гюбнера В.И. Ленин в работе по империализму называет шесть великих капиталистических колониальных держав: Англию, Францию, Германию, Соединенные Штаты, Японию, Россию. Что касается России, то это не было со стороны Ленина окончательным решением вопроса о ее роли в мировой системе. Ленин возвращался к нему, в частности, делая выписки из "Географически-статистических таблиц" О.Гюбнера изд. 1916 г.⁷², в ходе работы над статьей "Статистика и социология"⁷³. Здесь он рассматривает Россию как одно из восточноевропейских государств полуфеодалного типа с национально-неоднородным составом населения, наряду с Австро-Венгрией и Турцией. При этом он либо вовсе исключает Россию из числа колониальных держав, либо относит ее к колониальным странам не первого порядка, в отличие от таких богатейших стран, как Англия, Франция, Германия, США⁷⁴.

Итак, В.И. Ленин хорошо понимал, что развитие капитализма в России, а соответственно и материальных предпосылок для социализма, находится на более низком уровне, чем в капиталистических странах Запада. И тем не менее в апреле 1917 г. руководимая Лениным РСДРП(б) взяла курс на осуществление социалистической революции именно в России. В этой связи Г.В. Плеханов, меньшевики, многие западные социалисты объявили об отходе Ленина от принципов исторического материализма, о переходе его на позиции волюнтаризма, бланкизма и т.п. Правда, элементов бланкизма, т.е., по определению Бернштейна, преувеличенной веры в могущество политических преобразований в

72 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.28. С.689-700.

73 См.: Ленинский сборник. Т.XXX. С.302-308.

74 См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.28. С.699. На эту тему см.: Бовыкин В.И. О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России // Об особенностях империализма в России. М., 1963.

истории, много и у классиков марксизма. Но по сравнению с ними Ленин гораздо более волюнтаристичен, он, главное, сделал шаг к тому, чтобы мыслить и практиковать социалистическую революцию в отрыве от той исторической среды, которую Маркс и Энгельс считали необходимой для ее созревания, т.е. от развитого капитализма.

Ленин воспользовался тем, что классические марксистские критерии зрелости материальных предпосылок социализма достаточно неопределенны. Ни указание на кризис капитализма, ни отсылка к готовности производства к широкому обобществлению не давали возможности конкретно определить, какой именно производственный уровень нужен как исходный пункт движения к социализму. Поэтому Ленин смог, оставаясь по видимости на почве марксизма, подчинить вопрос о зрелости материальных предпосылок социализма вопросу о зрелости социалистической революции в той или иной стране, который, по его представлениям, должен был решаться в зависимости от исторической ситуации. К тому же Ленин, вероятно, думал отчасти обойти трудности, которые в России существовали для реализации марксистской программы, с помощью указаний на формирование мировой системы империализма, в силу этого каждая страна оказывалась сопричастна в той или иной форме экономическим и прочим процессам в империалистических центрах. Россию и ее материально-производственные условия надлежало с этой точки зрения рассматривать не изолировано, а как часть насыщенной экономическими, социально-политическими, национальными антагонизмами мировой системы империализма, задачи же пролетарского движения в России определять под углом зрения перспектив "всемирного революционного пролетарского движения"⁷⁵. С позиций классического марксизма такой под-

⁷⁵ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.31. С.341.

ход был бы правомерен при соблюдении определенных условий: во-первых, нужно было последовательно держаться за идею мировой революции, главные события которой должны были разворачиваться в капиталистических центрах, а не в России; во-вторых, надо было четко признать, что внешнеполитические и внешнеэкономические условия революции не снимают необходимости иметь и внутренние для нее предпосылки в стране, относительно которой идет речь. Лениным эти условия соблюдены не были.

Лишь поначалу в годы войны рассуждения Ленина о перспективах русской революции не выходили за рамки идей классиков марксизма насчет возможности начала революции на периферии и перерастании ее в социалистическую по мере передвижения в центр капитализма. С 1915 года Ленин, по аналогии с прогнозами классиков (см., например, Ф.Энгельс. Послесловие 1894 г. к статье "О социальном вопросе в России"), утверждал, что России предстоит буржуазно-демократическая революция, которая лишь в случае начала революции на Западе сможет перерасти в социалистическую. Но уже тогда было ясно, что в предстоящей русской революции Ленин намерен максимально усилить пролетарскую линию, чтобы стимулировать западные революции и вступить в союз с ними в общем движении к социализму⁷⁶. Сразу же после февраля 1917 г. Ленин рекомендовал РСДРП именно такую стратегию и незаметно уже в "Письмах из далека" у него появляется идея возможности для России самой перейти к социалистической революции, начать ее, с тем чтобы завершить вместе с революционными движениями на Западе. Но даже и в этом случае Ленин пока не выходил за пределы идей классиков.

Анализируя тогда причины, содействовавшие ускорению революционных процессов в России по сравне-

⁷⁶ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.27,29,50-51.

нию с другими странами, В.И. Ленин подчеркивал взаимосвязь, взаимообусловленность между положением ее в империалистическом мире, ее социально-экономической отсталостью и остротой социально-классовых антагонизмов в ней. В таком смысле Ленин объяснил в статье "Грозящая катастрофа и как с ней бороться" факт опережения Россией других стран на революционном пути: "В силу исторических причин - большей отсталости России, особых трудностей войны для нее, наибольшей гнилости царизма, чрезвычайной живости традиций 1905 года - в России раньше других стран вспыхнула революция"⁷⁷. Итак, согласно Ленину, сопричастность России экономическим, социально-политическим процессам мировой экономической системы обернулась для нее особо негативными последствиями ("особые трудности войны для нее"), а это ускорило наступление в ней революции. Материально-производственный фактор стимулировал, таким образом, революцию не столько высоким уровнем концентрации и централизации производства, сколько своей сравнительной отсталостью, но гораздо большее влияние на развязывание революционного процесса оказали социально-классовые, политические антагонизмы. Именно так рассуждал и Маркс, когда в период теоретического осмысления опыта революции 1848 г. отмечал, что наибольшей остроты социальные противоречия в эпоху капитализма достигают не в развитых, а в социально и экономически отсталых регионах, в которых, соответственно, раньше возникают и революционные "потрясения"⁷⁸.

Некоторые интерпретаторы ленинизма на Западе доказывают, что Ленин никогда не выходил из указанного круга идей классиков, что его "Апрельские тезисы" не означали курса на социалистическую революцию, что Ленин, "будучи последовательным марксистом, продол-

⁷⁷ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.34. С.198.

⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.7. С.467.

жал до конца рассчитывать на мировую социалистическую революцию, основанную на технологии передового капитализма..."⁷⁹.

Ленин, конечно, очень ждал революции на Западе в связи с войной 1914 г. Но когда произошла революция в России, переросшая затем в социалистическую, и по мере того как становилось известно о поражениях немецкой, венгерской революций, у Ленина крепла решимость развивать и упрочивать социалистическую революцию в одной стране - России. В 1918 г. в работе "Пролетарская революция и ренегат Каутский" Ленин отверг утверждения Каутского и др., будто российская революция строилась лишь в расчете на мировую. Он писал, что тактика большевиков в Октябрьской революции 1917 г. была верной, ибо она основывалась на "учете европейской революционной ситуации. Эта тактика была единственно интернационалистской, ибо проводила максимум осуществимого в одной стране для развития и поддержки, пробуждения революции во всех странах"⁸⁰. Ответ Ленина уклончивый, он не хочет явно порвать с классическим марксизмом и потому вводит малоубедительное различие "революции" и "революционной ситуации". Ясно, однако, что он готов отстаивать законность российской революции даже вопреки марксистским догмам. Мысль о возможности начать и развивать в течение достаточно длительного периода социалистическую революцию в России в отсутствие мировой вела Ленина к выходу за пределы идей Маркса и Энгельса и их ортодоксальных последователей конца XIX - начала XX веков.

Соответственно претерпевает существенные изменения решение вопроса о материальных предпосылках социализма, точнее, он оказывается подчиненным вопросу об исходном экономическом базисе социалисти-

⁷⁹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.37. С.304.

⁸⁰ Histoire du marxisme contemporain. Vol.4. P.133.

ческой революции. Последний решается предельно просто: в каждой стране исходный базис может быть различным, именно таким, каким его застала социалистическая революция, в свою очередь обусловленная совокупностью самых разных, не только экономических, но и социально-классовых, политических факторов, в каждой стране своих.

Осознавая, что экономический базис России не дотягивает до уровня, необходимого для обобществления производства (а это, как говорилось выше, единственный позитивный критерий в ортодоксальном марксизме зрелости материальных предпосылок социализма), Ленин вводит понятие "переходных мер", реализация которых и должна была привести к нужному для социализма уровню производства. В "Письмах из далека" он писал, что Россия не может осуществить социализм "непосредственно", "немедленно", "тотчас же", что она может лишь начать социалистическую революцию, тогда как для построения социализма нужны "переходные меры"⁸¹. На Апрельской (1917 г.) конференции РСДРП Рыков полемизировал с Лениным, говоря, что "социализм должен прийти из других стран, с более развитой промышленностью" и что "переходного периода между капитализмом и социализмом нет"⁸². Рыков выразил традиционное марксистское понимание вопроса, оттенив тем самым специфику ленинского решения: идти к социализму от недостаточно развитого по классическим марксистским критериям экономического базиса через осуществление "переходных мер", в числе которых Ленин называл обычно национализацию земли, национализацию банков или объединение их и государственный контроль над ними, национализацию крупных синдикатов, контроль над всеми синдикатами, принудительное синдицирование промышленности и

81 См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.31. С.56.

82 Там же. С.363.

торговли, прогрессивные налоги, переход к всеобщей трудовой повинности. В основном это меры государственного капитализма с той разницей, что политическая власть предполагалась у рабочих.

О ленинском понимании "переходных мер" свидетельствует и его план борьбы с разрухой военного времени, которую Ленин выдвигал как первейшую задачу социалистической революции в России. В речи в защиту резолюции о текущем моменте на Апрельской конференции Ленин говорил: "...социализм ставится нами не как прыжок, а как практический выход из создавшейся разрухи"⁸³. Ту же мысль Ленин позже высказал в статье "Из дневника публициста". Критикуя тезис меньшевиков насчет незрелости России для социалистических преобразований, он писал, что они подменяют "абстрактным вопросом о "социализме" вообще конкретный вопрос, можно ли лечить раны, нанесенные войной, без решительных шагов к социализму"⁸⁴. Ленин хотел максимально заземлить социализм, превратить его из "журавля в небе" в конкретное практическое дело. Но предлагаемые им меры очень походили на те, которые применяли во время войны многие буржуазные правительства: государственный контроль, государственное экономическое регулирование. Он утверждал, что борьбу с разрухой пролетарская революция должна взять на себя, т.к. буржуазное Временное правительство оказалось слабым и к этому неспособным. Ленин следующим образом возражал тем, кто хотел во что бы то ни стало удержать русскую революцию в рамках буржуазных преобразований: «Революция - буржуазная, а потому и не надо говорить о социализме», - говорят противники. А мы скажем, наоборот: "так как буржуазия не может выйти из создавшегося положения, то революция и идет дальше"⁸⁵. Все такие рассуждения содержали изрядную

83 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.31. С.446.

84 Там же. Т.34. С.112.

85 Там же. Т.31. С.446.

дозу демагогии. Каков, действительно, смысл слов о том, что "буржуазия не может выйти из создавшегося положения"?

Российской буржуазии вообще очень не повезло в советской историографии. В сталинском "Кратком курсе "Истории ВКП(б)" российская буржуазия вообще не принималась в расчет как самостоятельная историческая сила, при описании революции главными действующими лицами выступали, с одной стороны, рабочие и трудящиеся вообще, с другой - царизм в союзе с мировым империализмом. Утверждалось, что Россия была "полуколонией"⁸⁶ капиталистических держав, вопрос об исследовании российского капитализма, по существу, не стоял. После XX съезда КПСС советские историки активно восстанавливали ленинскую интерпретацию российской революции⁸⁷. Был отброшен тезис о "полуколониальном" положении России, начались исследования российского империализма, поставлен вопрос о материальных предпосылках социализма в России. Однако в трактовке этих вопросов существовала тенденциозность, она сказывалась, например, в преувеличенных суждениях о кризисе российского капитализма во время войны. Очевидно, что экономика России переживала в период войны кризис. Но насколько его можно считать кризисом капитализма, если помнить, что экономика России была многоукладной?

Чаще всего в литературе на эту тему указывали, вслед за Лениным, на неспособность Временного правительства справиться с разрухой. Однако ведь это свидетельствует скорее о политическом кризисе буржуазных (но не только, т.к. во Временное правительство входили и социалисты) партий, что же касается экономического кризиса капитализма в классическом марксистском по-

86 История ВКП(б). М., 1946. С.156.

87 См., например: Об особенностях империализма в России. М., 1963; Сидоров А.Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970.

нимании (производительные силы переросли рамки частнособственнических отношений), то его в России не было.

Иногда возражают, что его и не могло быть, т.к. Россия - страна "второго эшелона" капитализма, его развитию ставил предел могущественный иностранный капитал, поэтому российский капитализм, не успев расцвести, осужден был на усиленное "загнивание", "паразитизм" и т.п. Действительно, существуют серьезные трудности в деле продвижения к цивилизации стран, вступающих на этот путь в условиях соперничества с могущественными капиталистическими державами. И между тем другого пути, кроме использования ими экономического потенциала капитализма, как будто пока нет. Ведь и ленинская программа первоочередных экономических мер социалистической революции, изложенная, например, в "Апрельских тезисах" или в статье "Грозящая катастрофа и как с ней бороться?", включала, как уже отмечалось, использование пролетарской властью достижений государственного капитализма и для преодоления разрухи, и для последующего создания экономического базиса социализма. В предоктябрьский период Ленин наиболее полно выразил эту задачу в статье "Грозящая катастрофа и как с ней бороться": "Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны. Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически. Это возможно, ибо перед нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты их техники и культуры"⁸⁸. Впрочем, идея использовать пролетарской революцией опыт госкапитализма была проблематичной, неясность существовала в том, что

⁸⁸ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.34. С.198.

именно надо заимствовать. У Ленина в предреволюционный период просматриваются два варианта решения этого вопроса. Один из них - упоминавшаяся программа контроля, которая хотя и предполагала национализацию крупнейших предприятий, но допускала как будто и сохранение значительного количества капиталистических предприятий и рыночных отношений при усилении регулирующей роли пролетарского государства. Контроль, предлагавшийся Лениным в "Апрельских тезисах", "Грозящей катастрофе...", по сути, копировал тогдашнюю экономическую политику буржуазных государств, его отличие было в требовании изменения классового содержания контроля: в противовес "реакционно-бюрократическому" контролю, практиковавшемуся буржуазными правительствами, в том числе Временным правительством в России, Ленин выдвигал задачу организации "революционно-демократического" контроля, это означало бы, с его точки зрения, движение революции вперед к социализму. Последний представлял в этом контексте не столько экономическим, сколько политическим переворотом. По определению Ленина, "...социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией"⁸⁹.

Итак, соответственно программе контроля новая пролетарская власть должна была существовать в условиях экономики, остававшейся в каких-то пределах капиталистической. Теоретически такое общество можно себе представить, и не только теоретически, на короткое время в период нэпа прогнозирувавшаяся Лениным в программе контроля модель общества была реализована. Однако такое общество не могло быть стабильным, дело

⁸⁹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.34. С.192.

должно было кончиться либо отходом от диктатуры пролетариата, заменой ее обычным буржуазным государством, либо уничтожением капиталистического анклава экономики (что и случилось). Трудно отделаться от сомнений в серьезности ленинской программы контроля, слишком внезапно она появилась в апреле 1917 г. и выражена была Лениным в крайне общей и неопределенной форме. Поэтому Плеханов в своем отзыве на "Апрельские тезисы" Ленина оценил ее как простую отговорку, с помощью которой Ленин-де хотел успокоить свою "марксистскую совесть" и тех марксистов, которые хорошо понимали, что в России не могла идти речь о непосредственном "введении социализма", что Россия нуждалась, напротив, в длительном периоде капиталистического развития. Плеханов подметил и противоречие между восьмым тезисом Ленина, в котором, собственно, и сформулировано требование контроля, и первым тезисом, в котором содержалось прямое требование к диктатуре пролетариата - "полного разрыва на деле со всеми интересами капитала"⁹⁰.

По-видимому, не случайно программа контроля не получила достойного и прочного места в практике советского государства. Вся логика Октября была иной, действительный план Ленина состоял в том, чтобы осуществить в России простое отрицание капитализма с помощью имеющихся в этой стране сил и средств, даже если они имели докапиталистическую природу. Диалектика самоотрицания капитализма, предполагавшаяся классическим марксизмом, была им отброшена. И неудивительно, что результатом Октября стало никак не посткапиталистическое общество, а общество определенно внекапиталистическое, с полным огосударствлением экономики и уничтожением рыночных отношений. В нем если и учитывались достижения капитализма, то лишь в форме технических новшеств, т.е. мер-

⁹⁰ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.31. С.114.

твых результатов живой развивающейся капиталистической экономики. Желая открыть двери будущего, Октябрь оказался средством консервации отсталости. Это закономерный результат того чисто словесного признания демократических задач России, которое было у Ленина, когда он, например, объявлял законченным буржуазно-демократическое развитие страны на основании того, что несколько месяцев просуществовало в ней буржуазное Временное правительство, или предлагал наверстать отставание России от капиталистических стран в области экономики и культуры штурмом, осуществляемым диктатурой пролетариата.

Глава 2. Социал-демократия и проблемы государства

1. К.Каутский - демократ в социализме

В предыдущей главе говорилось о том, что новейшие экономические тенденции капитализма конца XIX - начала XX вв. привели к отходу от ортодоксии социалистов-марксистов, последние выработывали новые экономические программы то ли с позиций реформизма (западная социал-демократия), то ли с позиций ленинизма. Те же процессы отхода от марксистской ортодоксии и с той же поляризацией социалистических течений наблюдаем в начале века в отношении политических институтов демократии. Бернштейн, Жорес, Мильеран и другие реформисты имели прочную ориентацию на демократию, тогда как революционные социалисты марксистского направления чаще всего относились к ней, во многом вслед за Марксом, чисто прагматически. Любопытный вариант демократизма на всех этапах своей политической эволюции демонстрировал К.Каутский.

В 90-ые гг., когда Бернштейн выступил со своей знаменитой ревизией марксизма, Каутский был еще жестким ортодоксом. Для Каутского тех лет характерна чрезвычайная тенденциозность в подходе ко всем сторонам социальной жизни, это то наследство, которое досталось ему от диалектического социализма Маркса и Энгельса. Обычно интерпретаторы работ Каутского отрицают какую-либо причастность его к диалектическому мировоззрению, характеризуют его

как объективиста, фаталиста, механициста и т.п. Однако чем как не диалектической тенденциозностью объясняются, например, каутскианские оценки исторической роли разных классов, его понимание того, как должна к ним относиться социал-демократия? Точкой отсчета в подобных случаях выступает взятая в ортодоксальном марксистском плане социалистическая перспектива. В итоге на уровне классового анализа у Каутского тех лет вряд ли можно обнаружить демократизм. Для примера стоит взять его отношение к крестьянству. По этому вопросу в германской социал-демократии в 90-ые годы существовали разногласия, высказывались, например, мнения, что нужно так же защищать интересы крестьянства, как и интересы пролетариата. Возражая против этой точки зрения, Каутский доказывал, что крестьяне и пролетарии - это разные классы, преобладающим отношением между ними является антагонизм, как в том случае, если крестьянин зажиточный и применяет в своем хозяйстве наемный труд, так и в том, если он наемного труда не использует и вышеуказанный антагонизм выливается в противоположность между "продавцом" жизненных средств (крестьянином) и их покупателем (рабочим). Поэтому Каутский протестовал против государственных мер протекционистского характера в отношении крестьянских хозяйств (вроде введения хлебных пошлин, погашения государством крестьянских долго-вых процентов и т.п.). Эти меры, по его мнению, сеют "иллюзии относительно будущности мелкокрестьянского производства"¹, они задерживают капиталистический прогресс в сельском хозяйстве, а кроме того, улучшают положение крестьян за счет пролетариата (хлебные пошлины и др.).

Сам Каутский, разрабатывая социал-демократическую аграрную программу, исходил из необходимости

¹ Каутский К. Аграрный вопрос (Аграрная программа). С.5.

гибели мелкокрестьянского производства под напором капиталистического прогресса. Оценивая свою программу в целом, он отмечал, что с ее помощью социал-демократия вряд ли закрепит за собой крестьянина, самое лучшее, если она сделает его "нейтральным" в отношении себя. Кстати сказать, жесткий прогрессизм и продиктованная им позиция "нейтрализации" крестьянства не были общей чертой социал-демократических аграрных программ того времени (ср. взгляды Фольмара, Давида, да и программа Французской рабочей партии 1892 г. отличалась от каутскианской). Но установки Каутского были типичны. Справедливости ради следует оговорить, что Каутский решительно возражал против насильственной экспроприации крестьянской собственности, настаивая на сохранении крестьянских хозяйств, пока они экономичны и выгодны.

Те же шоры социалистической тенденциозности затрудняли Каутскому понимание реального пролетариата. Ортодоксы 90-ых гг. восприняли у классиков марксизма и твердо придерживались убеждения, что существует неразрывное единство между классовыми интересами пролетариата и задачей построения социализма. Многие из них (Бebelь, Каутский, Лафарг) занимались историей рабочего движения и хорошо знали, что социализм как теория нового общественного устройства первоначально возник и развился в стороне от рабочего движения и даже в оппозиции к нему, а само оно ориентировалось поначалу преимущественно на улучшение материального положения рабочих. До марксизма были попытки соединить социализм с рабочим движением (Вейтлинг и др.), но устойчивый синтез их создали Маркс и Энгельс, выдвинув в качестве задачи рабочего движения завоевание политической власти и преобразование всей общественной структуры на социалистических началах. Тем не менее марксисты 90-х гг. усвоили убеждение, что само экономическое развитие с "естественной необходимостью" подводит пролетариат к

восприятию социалистических идей², что пролетариат по своему предназначению есть социалистический класс.

Между тем уже в те годы проявились тенденции, свидетельствующие о возможности расхождений между ближайшими интересами пролетариата, пролетарским движением и социализмом как его предполагавшейся конечной целью. Это видел и Каутский, когда он писал: "Цель и движение соединены в социал-демократии и не отделимы друг от друга. Если когда-либо цели и движение вступают в конфликт между собой, то должно уступить последнее. Другими словами: интересы социального развития стоят выше интересов пролетариата, и социал-демократия не может защищать интересы пролетариата, препятствующие социальному развитию"³. Таким образом, по этой логике, если интересы пролетариата расходятся с целями марксистского социализма, тем хуже для этих интересов.

Но, как правило, ортодоксы имели иллюзорную веру в то, что рабочий класс является стихийно социалистическим и революционным, он в их представлении почти сливался с социал-демократией. Главенствующей функцией последней оказывалось пробуждение стихийного социалистического сознания рабочих. Как писал Лафарг, "коммунистические идеи находятся в скрытом состоянии в головах наемных рабочих - пропагандисты коммунизма только пробуждают их и делают их действительными"⁴. Каутский со своей стороны заявлял, что социал-демократия "есть не что иное, как сознательная часть борющегося пролетариата, борющийся пролетариат обнаруживает тенденцию все более отождествляться с социал-демократией: в Германии и Австрии мы фактически имеем слияние их воедино"⁵.

² См.: Каутский К. Эрфуртская программа. С.212.

³ Каутский К. Аграрный вопрос (Аграрная программа). С.18.

⁴ Лафарг П. Соч. М.:Л., 1928. Т.2. С.310.

⁵ Каутский К. Эрфуртская программа. С.199.

Здесь, однако, в вопросе об отношениях между партией и пролетариатом у Каутского обнаруживается своеобразный демократизм, причудливо пробивающийся сквозь его социалистическую ортодоксальность. Вопрос этот составлял один из основных пунктов расхождения между Каутским и Лениным. Каутский обвинял Ленина в сектантстве, волюнтаризме, авангардизме; Ленин доказывал, что позиция Каутского ведет к победе стихийности в рабочем движении и отказу от революционности. И оказался прав. Конфликт между конечной целью и рабочим движением, пройдя через жизнь самого Каутского, завершился победой последнего над марксистским революционаризмом.

Но главные проявления демократизма Каутского следует искать не в области классового анализа, а в его отношении к институтам демократии. Хотя на первый взгляд Каутский 90-х годов прошлого века строго ортодоксален в социалистическом марксистском духе. Он придерживался тогда классовой теории государства и определял существовавшее в тот период в европейских странах государство как капиталистическое, как буржуазную демократию. В "Комментариях" к Эрфуртской программе СДПГ он писал: "Современное государство выросло вместе с классом капиталистов и при его помощи; с другой стороны, оно оказалось самым могущественным средством поднять этот класс на высоту. Оба помогали друг другу. Класс капиталистов не может обойтись без государства. Он нуждается в его защите, как внутренней, так и внешней"⁶. Каутский оспорил тезис Бернштейна о том, что демократия есть надклассовое образование, что она "в принципе предполагает упразднение господства классов, если только не самих классов"⁷. Бернштейн аргументировал тем, что в современных демократиях большое влияние уделяется охране

⁶ Каутский К. Эрфуртская программа. С.73.

⁷ Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901. С.246-247.

прав меньшинств, что поэтому демократия обеспечивает равноправие всем классам и группам населения, и не может считаться классовым государством. Каутский в противовес этому определял демократию как "господство большинства" и на этом основании он довольно резонно относил тогдашнюю форму демократии к буржуазной. Тезис Бернштейна ориентирован скорее на потенциальные возможности демократии, тогда как Каутский исходил из существующего положения дел.

Но и Каутский делал прогнозы. Он был уверен, что буржуазная демократия очень скоро может превратиться в пролетарскую. Во многих текстах Каутского тех лет встречаются замечания о том, что в Германии пролетариат численно, организационно, политически превращается в самый сильный класс, что многие слои малоимущего крестьянства, мелкой буржуазии самими обстоятельствами подталкиваются к союзу с пролетариатом, что та ничтожная собственность, которой эти слои располагают, является только "завесой", которая скрывает от них самих близость их положения к ситуации пролетариата. Например, в "Аграрном вопросе" Каутский писал: "Пролетариат давно уже самый сильный класс в Германии"⁸, "Если только социал-демократия завербует в свои ряды всю массу пролетариата и всех тех сельских хозяев и промышленников, самостоятельность которых только кажущаяся и которые фактически являются наемными рабочими капитала, то не найдется такой силы, которая была бы в состоянии оказать ей сопротивление"⁹. Такие соображения питали уверенность Каутского в очевидной возможности завоевания пролетариатом политического господства. Размышления Каутского на этот счет традиционны для марксиста, однако нельзя не отметить одного обстоятельства, которое уже тогда отличало Каутского: завоевание пролетариатом

⁸ Каутский К. Аграрный вопрос (Аграрная программа). С.13.

⁹ Там же.

политической власти он мыслил исключительно в рамках демократии. Даже признание им в споре с Бернштейном возможности установления в случае чрезвычайных обстоятельств диктатуры пролетариата не меняет общего демократического пафоса его текстов.

Конечно, при этом Каутский оставался революционером и социалистом-марксистом, революция составляла исток и предел всех его рассуждений о государстве. В отличие от Бернштейна, который был убежден, что реформистская деятельность в условиях демократии может привести к социализму, Каутский строго различал революцию (конечную цель) и реформы. Последние не могут привести к социализму, ибо социализм - это принципиальный разрыв с существующим обществом. Не улучшение материального положения трудящихся является целью социализма, а уничтожение частной собственности и товарного производства, основание общества без рыночных отношений, ориентированного на непосредственное удовлетворение потребностей людей.

Теперь, когда отмечена ортодоксальность Каутского 90-х гг., стоит обратить внимание на явно неортодоксальную сторону его политических взглядов, а именно на его интерес к управленческим структурам и функциям буржуазного государства, на его уверенность в их важности и необходимости сохранения после пролетарской революции. Каутский прошел мимо выводов Маркса о необходимости слома буржуазной государственной машины в ходе всякой подлинно народной революции, которые Маркс и Энгельс сделали на основе революционных событий 1848-1849 и 1871 годов. Ленин в "Государстве и революции" излил свое раздражение по поводу этой страшной непонятливости Каутского. Каутский считал, что критика парламентаризма свойственна только мелкобуржуазным революционерам, которые выдвигают, например, требование замены парламента "прямым народным законодательством" или вообще отказываются от политической деятельности. В

"Комментариях" к Эрфуртской программе Каутский в этой связи не ограничивается замечаниями, что пролетариату нечего бояться парламентской борьбы, что у него есть все шансы в ней успешно участвовать и т.п., а говорит о необходимости сохранения парламента как государственного института. Он пишет в связи с прямым народным законодательством: "Оно не может сделать излишним парламент, по крайней мере в современном крупном государстве, оно может только в отдельных случаях явиться наряду с парламентом не более как коррективом к последнему. Возлагать на народное законодательство всю совокупность государственного законодательства абсолютно невозможно, как невозможно посредством его следить за управлением государством и в случае необходимости давать ему то или иное направление. Пока существуют современные крупные государства, центр тяжести политической деятельности будет находиться в их парламентах"¹⁰. Создается, действительно, впечатление, что Каутский не знал (или не хотел знать) о критике парламентаризма со стороны Маркса, о той перспективе уничтожения парламента в результате пролетарской революции, которую нарисовал Маркс в "Гражданской войне во Франции".

Каутский, таким образом, сказал нет разрушению парламентаризма, выйдя за рамки привычной марксистской картины перспектив государственности. Хотя, конечно, он сохранял в этом отношении и традиционные марксистские заходы, что относится, например, к его идее отсечь в перспективе угнетательские функции у государства и сохранить культурно-управленческие. Эта идея происходит по прямой линии от классового подхода к государству, она выражена Каутским в довольно смутном различении между государством как "институтом господства"¹¹ (эту сторону государственной

¹⁰ Каутский К. Эрфуртская программа. С.203.

¹¹ Там же. С.107.

деятельности воплощают, с его точки зрения, полиция, армия, юстиция) и как органом управления, "культурным" государством. Соответственно, он писал, что пролетарская революция стремится "превратить полицейское и военное государство в культурное"¹². Неверно думать, что Каутский относил реализацию "культурного" государства единственно к постреволюционному периоду, он считал это непосредственной задачей социал-демократии. Целая программа политических и экономических мер, входивших в арсенал требований социал-демократических партий того времени, должна была способствовать указанному преобразованию.

Важное место в этой программе занимало требование введения самого полного самоуправления в общине, округе, провинции. По замыслу Каутского, это было направлено на то, чтобы расширить культурные функции государства и одновременно вырвать управление на местах из-под контроля центрального бюрократического аппарата, передав в ведение органов самоуправления школы, больницы, дело призрения бедных и пр. Предполагалось, что средства на такого рода сферы обслуживания должна предоставлять центральная власть, тогда как распоряжаться этими средствами, практически организовывать школьные, больничные дела и т.п. должны органы самоуправления. Требование самоуправления в изложенной форме включало мысль о возможности изолировать в известной степени друг от друга управленческие и угнетательские функции государства, предоставив местным органам исключительно функции управления и оставив за центральной властью до поры до времени угнетательские функции. Каутский писал в этом смысле о соотношении городской общины и центральной власти: "...община прежде всего не институт классового господства, но институт управления, по

¹² Каутский К. Эрфуртская программа. С.109.

крайней мере там, где она не совпадает с государством, что является правилом при современном строе государства"¹³. Борьба за развитие местного самоуправления давала социал-демократии дополнительную сферу пропагандистской и политической деятельности, открывая перед ней возможность добиться значительного влияния на местах, даже если в центральных органах власти она такого влияния не имела. Каутский прогнозировал даже возможность возникновения в городах своего рода "муниципального социализма", в случае если в органах городской общины пролетариат одержит победу. Такие мысли были у Каутского первыми симптомами его позднейшего пересмотра революционной доктрины марксизма.

Преобразование в "культурном" духе должно было осуществляться и в отношении центральной власти. Тут дело сводилось, например, к постепенному завоеванию пролетариатом большинства в парламенте, к замене постоянного войска "народной милицией", к изменению налоговой политики. В последнем случае ставилась задача проведения пролетарской налоговой политики, принцип которой - прогрессивный налог на доходы, имущества и наследства. Ее целью было бы обеспечить финансовые средства на расширение культурных мер государства за счет прибылей крупных собственников. Другим каналом финансового обеспечения "культурного" государства должны были стать государственные и муниципальные предприятия, образующиеся на базе национализации и муниципализации ряда частных предприятий. Эти финансово-экономические меры предусматривались, как поясняет Каутский, в "Комментариях" к Эрфуртской программе, на период, когда пролетариат имеет уже значительное политическое влияние в государстве, но существует еще в целом капиталистическая экономика. При этом

¹³ Каутский К. Аграрный вопрос (Аграрная программа). С.37.

предполагалось, что переход всей политической власти в руки пролетариата положит начало новым экономическим и политическим процессам.

Указанную программу политических преобразований в центре и на местах Каутский называл программой "самоуправления народа". Но эта программа, как видим, не имеет ничего общего с тем "самоуправлением производителей", идею которого выдвинул Маркс в "Гражданской войне во Франции", или с рассуждениями Ленина в "Государстве и революции". У Каутского нет требований уничтожения парламента, разделения властей, разрушения существующей бюрократической машины, он также не требует поголовного избрания всех должностных лиц (Маркс), или выполнения управленческих функций людьми из народа "по очереди" (Ленин). Напротив, Каутский хорошо понимал, что функции управления сложны и разнообразны, почему с ними не может справиться "на досуге" работник-дилетант. Он считал, что чиновники должны быть хорошо обученными специалистами, получающими за свою работу соответствующее вознаграждение. Мысль об управлении самим народом в "свободные часы" Каутский считал "утопией и реакционной утопией"¹⁴.

Мысль классиков об отмирании государства также не пользовалась любовью Каутского. Вообще социал-демократы 90-х годов из опасения впасть в грех утопизма нечасто обращались к вопросу об экономических и политических преобразованиях, которые последуют за социалистической революцией. На этот счет они высказывали лишь самые общие соображения - об экспроприации и национализации крупной собственности, о функциях хозяйственного управления применительно к государству, об отмирании государства, начало которого связывалось с ликвидацией частной собственности. Бебель писал на этот счет: "С того времени, как исчезают

¹⁴ Каутский К. Аграрный вопрос (Аграрная программа). С.122.

классовые противоречия в силу отмены частной собственности, государство теряет не только право на существование, но и самую возможность существовать"¹⁵. Каутский в своих "Комментариях" к Эрфуртской программе обходит молчанием вопрос об отмирании государства.

Первая мировая война с ее взрывом шовинизма и военной агрессии в гигантских масштабах была воспринята Каутским, как и многими социал-демократами, с точки зрения колоссального кризиса демократии. Поэтому война стимулировала демократические элементы его мировоззрения, главной задачей социал-демократии в период войны Каутский считал борьбу за ее прекращение и установление демократических норм в международных отношениях. Идея Каутского состояла в том, что надо защищать демократию, восстанавливать ее там, где она была нарушена, и развивать ее. Это в высшей степени было отлично от реакции Ленина на войну, который на основании кризиса демократии делал вывод о необходимости ускоренной подготовки к социалистической революции. Период войны оказался решающим для международной социал-демократии, именно тогда она раскололась на враждующие между собой течения по вопросу о приоритете демократических или социалистических задач в империалистической войне. Ленин и большая часть российских социалистов, также как группы КЛибкнехта и РЛюксембург в Германии и некоторые другие группировки европейских социалистов, настаивали на приоритете социалистических целей, большинство же в европейской социал-демократии, и среди них Каутский, отказывались видеть в войне подходящий момент для социалистической революции. Каутский, будучи верен старой марксистской идее, что

¹⁵ *Бebelь А.* Государство будущего. Социалистическое общество. Ростов н/Д., б.г. С.6.

путь к социализму лежит через демократию, был во время войны демократом.

Главным демократическим лозунгом, который Каутский защищал в тот период, был право наций на самоопределение, перенятый социалистами у буржуазных революций XIX века. В 1915 году он писал, что буржуазия в настоящее время отрелась от этого лозунга в пользу милитаристско-экспансионистских интересов, она стала стремиться не к национальным государствам, а к "государствам национальностей", к присоединению к своим странам инациональных регионов. Он отмечал, что и некоторые теоретики социализма (можно вспомнить в этой связи австромарксистов или Бухарина и группу "империалистических экономистов", как их называл Ленин) тоже рекомендовали пролетариату отказаться от старомодного принципа национального государства и стремиться к созданию крупных многонациональных сообществ, т.к. это-де соответствует тенденциям времени, экономическим процессам интеграции. Каутский был решительным противником экспансионистской политики, кем бы она не выдвигалась (империалистами или пролетарскими интернационалистами) и в какой бы идеологической оболочке не выступала. Он был сторонником национального самоопределения в эпоху, когда, действительно, были сильны интеграционные, культурные и экономические процессы и многим социалистам казалось, что уже готовы сбыться предсказания Маркса о слиянии всех наций.

Демократические устремления Каутского в войну стали более последовательными, чем до нее. В 90-е годы Каутский считал неизбежной колониальную политику капиталистических держав и советовал социалистам не противодействовать ей, хотя и не поддерживать ее активно. Г-о время войны Каутский не только утверждает, что поддержка колониальной политики противоречит демократическому чувству пролетариата и его интерна-

циональной солидарности, но и призывает пролетариат бороться против колониальной экспансии.

Каутский отказывался от всяких упований на социальный переворот в связи с поражением своей страны в войне, т.к. это противоречило патриотическим настроениям защиты отечества. У него встречаются, например, такие рассуждения, что если для милитаристских кругов воюющих стран война имеет империалистический характер, то народы этих стран ведут справедливую оборонительную борьбу. Это, конечно, шаткие рассуждения, неизвестно, что патриотичнее - поддерживать ли агрессивное правительство в затеянной им войне или свергнуть его, чтобы выйти из войны. Может быть, тут сыграло роль то, что Каутский только после Ноябрьской революции, когда он получил доступ к секретным документам германского министерства иностранных дел, воочию убедился в агрессивности политики кайзера Вильгельма. Но Каутский далеко не шовинист, вопреки тому, что доказывал в эти годы Ленин. Его позиция по вопросам войны и мира была демократической. О мире он писал: "...мирная программа интернационального социализма, выраженная наиболее резко английской независимой партией, сосредоточивается на двух пунктах: никаких аннексий, то есть никаких территориальных изменений без согласия заинтересованного населения, и разоружение"¹⁶. И после войны, считал Каутский, каким бы миром она не кончилась, демократическим или империалистическим, социалисты должны будут бороться за демократию, ибо только она создает условия, необходимые пролетариату для осуществления его конечной цели.

Когда война уже закончилась поражением Германии и свершилась Ноябрьская революция, Каутский написал по бывшим секретным ранее архивам работу "Как

¹⁶ Каутский К. Национальное государство, империалистическое государство, союз государств. С.78.

возникла мировая война". Он признал в известной степени неверной стратегию оборончества в войне со стороны социал-демократии, объясняя ее в основном тем, что социал-демократия, как и немецкий народ в целом, были обмануты официальной пропагандой, возлагавшей ответственность за начало войны на Россию. Объяснение кажется наивным, но XX век продемонстрировал, как глубоко и надолго можно усыпить народы лживой пропагандой. Если бы, считает Каутский, в Германии были известны агрессивные шаги германского и австрийского правительств, направленные к развязыванию войны, то социал-демократы Германии и немецкий пролетариат восстали бы против своего правительства.

Интересно, что признав, таким образом, политическую вину социал-демократии за недостаточно решительные действия против войны, Каутский не хочет возлагать ответственность за войну в духе Ленина на капитализм в целом. Этим очень возмущался М.Покровский в предисловии к русскому изданию 1924 года книжки Каутского. Он упрекал Каутского в постановке "праздного" вопроса о конкретном виновнике войны, война, с его точки зрения, была неизбежным следствием объективных экономических и политических тенденций новейшего капитализма. Каутский на это отвечал, что "капитализм" - это теоретическая абстракция, полезная в определенных делах, но она не избавляет от необходимости конкретного анализа обстоятельств войны, от определения степени виновности за ее начало тех или иных социально-политических групп. Как видим, и в условиях совершившейся германской революции у Каутского нет разрушительного антикапиталистического пафоса большевистского типа, он выступает против кайзера, милитаристских кругов Германии, а не против "абстракции" капитализма.

Ноябрьская революция 1918 г. в Германии показала приверженность немецких социал-демократов (и соци-

алистов так называемого "большинства", и "Независимых", в число которых входил Каутский) к демократическим ценностям. Они действовали в революции в соответствии со словами Ф. Лассалья, обращенными к рабочим: "Всеобщее и прямое избирательное право - это не только ваш политический, но и ваш основной социальный принцип, основное условие всякого социального улучшения", эти слова Бернштейн поставил эпиграфом к своему жизнеописанию Лассалья¹⁷. Исключение из этой демократической ориентации социалистов составили во время революции спартакисты, которые стремились тогда проводить политическую линию русского большевизма.

Социал-демократы были главной силой немецкой революции, они добились отречения от престола кайзера Вильгельма, осуществив тем самым требование стран-победительниц в первой мировой войне, они же после отставки кабинета министров, последовавшей вслед за отречением Вильгельма, образовали однородное социалистическое правительство, в которое на паритетных началах вошли представители социалистов "большинства" и "Независимых". Это правительство ввело в Германии свободу союзов и собраний, отменило цензуру, гарантировало свободу мнений, отправления религиозных культов и т.п. Было объявлено, что политическая система в Германии должна основываться на всеобщем, равном, тайном, прямом избирательном праве с пропорциональной системой выборов.

По всей Германии в это революционное время создавались на разных уровнях Советы рабочих и солдатских депутатов, и тем не менее обе правительственные социалистические партии высказались за созыв Учредительного собрания. Мнения делились лишь по вопросу о том, сохранят ли Советы свою власть на период до Уч-

¹⁷ Бернштейн Э. Фердинанд Лассаль, его жизнь и значение для рабочего класса // Лассаль Ф. Сочинения. СПб., б.г. Т.1.

редительного собрания, или они останутся и после этого как орган волеизъявления трудящихся. Но большинство сходилось на том, что Советы как представительство лишь одной части населения не могут быть органом власти всего народа, что социализм не может быть декретирован властью, сверху, что он должен явиться результатом органического развития всего общества. Против созыва Учредительного собрания и за переход всей власти к Советам выступали спартакисты. Они вели в этом духе пропаганду и даже начали готовиться к вооруженному восстанию, получая деньги на оружие от русского большевистского посольства в Берлине.

Революция не принимала никаких мер по введению социализма в экономической сфере (типа экспроприации, национализации и т.п.). Была создана комиссия по социализации во главе с Каутским. В качестве первого шага комиссия рекомендовала социализацию уже монополизированных предприятий тяжелой промышленности, относительно остальных вопрос должен был решаться сугубо постепенно и осторожно, причем предусматривалась государственная рента для предпринимателей, собственность которых подлежала социализации. В целом же, учитывая особенно необходимость восстановления разрушенного войной хозяйства, предполагалось сохранить прежнюю систему хозяйствования. При этом социалисты исходили из убеждения, что в развитых промышленных странах простая демократизация политических структур создает условия, нужные для продвижения к социализму, что "демократизация несет с собой зародыш социализма"¹⁸.

Драматические коллизии германской революции (подавление спартаковского восстания в январе 1919 года, разрыв "Независимых" с "большинством", выход их из правительства) привели к тому, что социалисты не получили большинства на выборах в Учредительное со-

¹⁸ *Бернштейн Э.* Германская революция. С. 281.

брание и не смогли сформировать своего правительства. Бернштейн в этой связи писал, что как ни печально это обстоятельство, но экономическая, социально-политическая ситуация в Германии такова, что все равно были невозможны однородное социалистическое правительство и форсирование социалистических преобразований. Это совсем иная точка зрения, чем у Ленина, который накануне Октябрьской революции не раз говорил о том, что-де Россия страна отсталая, а вот в Германии созданы уже все материальные предпосылки социализма. Бернштейн же пишет, что восстановление в Германии разрушенного хозяйства делало для социалистов необходимым сотрудничество с буржуазными партиями, что значительной силой в Германии были крестьяне, ремесленники, и с ними тоже надо было считаться. Резюмирует он так: "Даже если бы социал-демократы на выборах в Учредительное собрание получили численное большинство, то все же привлечение буржуазно-республиканских партий к участию в правительстве было бы необходимо в интересах самосохранения республики, не говоря уже о том, что это являлось жизненной необходимостью для Германии как нации"¹⁹.

Октябрьская революция была историческим событием, которое комментировала вся социалистическая и несоциалистическая пресса. К.Каутский откликнулся на нее серией работ, посвященных критике большевистского режима и защите демократии. Уже в 1918 г. он издал "Диктатуру пролетариата", а затем на протяжении примерно десяти лет увидели свет "Терроризм и коммунизм", "От демократии к государственному рабству. Ответ Троцкому", "Социалистический Интернационал и Советская Россия", "Большевизм в тупике" и др. Каутский глубоко проник в суть большевизма как политического феномена, его оценки большевизма поражают точностью и даже проницательностью, что не всегда

¹⁹ Бернштейн Э. Германская революция. С.330.

было присуще Каутскому. У нас за последние годы стали привычными некоторые определения большевизма, которые Каутский сформулировал уже в первые месяцы существования Советской власти; он писал, например, что большевистский режим - это социализм "казармы", что это "татарский социализм" (сейчас говорят об "азиатском"), что он создал "милитаристско-бюрократическое" государство и др. Он говорил, что большевики пришли к власти случайно, в силу стечения обстоятельств, что Россия не имела никаких - ни экономических, ни политических, ни моральных условий для существования социализма. Некоторые на Западе вдохновлялись тем, что большевики дольше, чем ожидалось, удерживались у власти (никто тогда не думал, что они удержатся на многие десятки лет). Каутский видел в этом обстоятельстве одно - большевики отстояли себя "персонально", но ценой отказа от демократических и социалистических убеждений. "Чтобы прийти к власти, - пишет он о большевиках, - они выкинули за борт свои демократические принципы. И чтобы удержать за собой власть, они свои социалистические принципы отправили вслед демократическим. Они отстояли себя персонально, но принесли в жертву свои принципы и этим проявили себя в качестве истинных оппортунистов. Большевизм победил в России, но социализм потерпел там поражение"²⁰.

Можно спорить с Каутским на тему о том, а были ли у большевиков "демократические принципы", более того - были ли они у классиков марксизма, ибо марксизм изначально отличался негативизмом в отношении демократии, но нельзя не отметить исторической прозорливости Каутского, когда он, основываясь на опыте всего нескольких месяцев существования большевистского режима, уже отмечал его экономические (милитаризация экономики, убыточность национализи-

²⁰ Каутский К. Терроризм и коммунизм. Берлин, 1919. С.196.

рованных предприятий), политические (антидемократизм), моральные (антигуманизм, разжигание классовой "свирепости") пороки, предугадывал разгул насилия, обращенного не только против "буржуев", но и пролетариев, обвинял большевиков в развращении общества и предсказывал крах их режиму. Можно сказать, что своим резким неприятием большевизма Каутский спас в те годы честь социализма и продемонстрировал моральный, теоретический, социально-практический потенциал демократического социализма. Он считал задачей социалистов Запада разъяснить разницу между большевизмом и социализмом, не допустить распространение мнения об их тождестве.

В своей критике политической системы большевизма, исходные принципы которой были сформулированы Лениным, Каутский не раз обращался к работам классиков марксизма, причем стремился доказать, что Ленин, большевики извратили марксизм, что созданные ими политические структуры не соответствуют принципам Маркса и Энгельса. Он часто высказывался против идеи Ленина о диктатуре пролетариата как особом типе государства, по его мнению, Маркс и Энгельс под диктатурой пролетариата имели в виду не какое-то специфическое государство, а "состояние" классового господства пролетариата в рамках демократии. При этом он ссылался на Парижскую Коммуну, этот прообраз диктатуры пролетариата по мнению классиков марксизма, на действовавшее в ней всеобщее избирательное право и на этом основании делал вывод, что классики рассматривали диктатуру пролетариата как высшую ступень развития современной демократии.

Такой вывод не может вполне удовлетворить историка. Каутский слегка лукавит, подтягивает взгляды классиков к своей точке зрения. Он обходит совершенно вопрос о двусмысленности отношения Маркса к демократии, о его идее отмирания государства, в том числе и демократии, о том, что в "Гражданской войне во Фран-

ции" Маркс высказался против парламентаризма, демократического принципа разделения властей и т.п. Вопреки уверениям Каутского, ленинская идея о диктатуре пролетариата как особой демократии, которая отличается от существующей не только своей классовой сущностью, но и структурой, механизмом функционирования государственных институтов, имеет корни в классическом наследии. Конечно, Ленин далеко не аутентичен в трактовке марксизма, он исказил философско-политический проект Маркса, изложенный в "Гражданской войне во Франции", введя в него в качестве центрального звена единую и единственную партию. Тем самым он сделал существенный шаг в превращении замышлявшегося Марксом "самоуправления производителей" в идеологизированного государственного монстра, реализовавшегося в советской истории. Тем не менее правильно будет, по-видимому, сказать, что политические идеи Ленина имели отправным пунктом положения классиков марксизма. Каутский тоже от них отталкивался, но он и Ленин взяли за исходное у классиков разное: Каутский - осуществленный им синтез демократии и социализма, Ленин - критику существующей демократии, претензии на создание принципиально нового типа демократии. Дальнейшая их эволюция также шла в разных направлениях, Каутский вместе с Бернштейном и другими реформистами начала века закладывал основы демократического социализма, Ленин шел к социализму диктаторского типа.

Любопытно вникнуть в то, какие особенности философско-исторического мышления Каутского привели его к резкому отрицанию большевизма. Прежде всего, это его приверженность к идее Маркса об экономической необходимости в истории, о соответствии изменений в экономике, социальной сфере, политике, идеологии. Каутский делал упор на необходимости соразмерять политические цели с уровнем экономического развития, эту соразмерность он считал гарантией полити-

ческого реализма. Нередко эта особенность каутскианского мышления обозначается как "экономический детерминизм" и трактуется презрительно как признак недиалектического плоского "метафизического" ума. То же относится к Плеханову. Однако именно эти "метафизические" умы сразу почувствовали опасности большевизма, авантюренность его политики особенно применительно к России. Проявленный ими исторический здравый смысл заставляет с большим уважением и вниманием отнестись к методологии их мышления. Неверно сводить ее к "экономическому детерминизму" (который, впрочем, в отношении обществ, достигших уровня фабричного производства, представляется вполне уместным), точнее, речь идет о позиции исторического органицизма. Она включает убеждение в том, что определенные экономические, социальные, моральные условия делают реальными определенные политические цели. Это позиция неприятия политического волюнтаризма, насилия над историей.

Каутский с одобрением писал о Плеханове и Аксельроде, которые-де усвоили правильное марксистское воззрение, что Россия находится перед буржуазно-демократической революцией. Большевики же в 1917 г. отбросили демократические цели и поставили перед русской революцией социалистические задачи. Тем самым они обрекли себя и эту революцию на насилие в отношении русской истории, что неизбежно обернулось насилием над людьми. Каутский много раз отмечал, что социалистические преобразования, затеянные большевиками, не имели в России никаких предпосылок: большевики экспроприировали предприятия, а потом начали думать, как организовать на них производство, тогда как, по мнению Каутского, экспроприация может происходить лишь в той мере, в какой имеются новые организационные формы производства; большевики затеяли наладить общественное хозяйство, не справившись о том, существуют ли новые, по сравнению с ка-

питалистическими, стимулы к труду; они поздно спохватились, что для социалистического производства нужны сознательность, дисциплина, новая мораль производителей, но-де ни сознательности, ни новой морали не создашь наспех, тем более в отсутствие демократии, и т.д.

Возможно, найдутся и сейчас политики и философы, которые, ссылаясь на специфику России, начнут доказывать неорганичность для нее и буржуазно-демократических целей. Это, однако, свидетельствует лишь о том, что и позиция исторической органики включает необходимость исторического выбора, не избавляет от политической борьбы. Но она исключает возможность пути, сопряженного с тотальным насилием над историей.

Упреки Ленину в стремлении насилловать историю делались и до Каутского, в частности меньшевиками в период революции 1905 г. Тогда Мартынов в работе "Две диктатуры" противопоставлял революционному нетерпению ленинцев позицию меньшевиков, писал от лица последних, что они считают себя "сознательными орудиями бессознательного процесса", потому что наша революционность выражается не в революционном насилии над историей, а, напротив, в целесообразной помощи той революции, которую делает сама история"²¹. Предостерегая Ленина от политического авантюризма, Мартынов напомнил ему слова Энгельса о гибельном положении того лидера, который приходит к власти, когда не созрели еще объективные условия для осуществления целей стоящих за ним социальных сил. Ленина это сильно задело, и он не раз нападал на Мартынова, обвиняя его, что он не понял смысла слов Энгельса, неверно их адресовал Ленину и т.п. Во всей этой полемике Ленина с Мартыновым интересно то, как Ленин отвечает по существу на сделанный ему упрек. Сначала он

²¹ *Мартынов А.С. Две диктатуры. Женева, 1905. С.52.*

уверяет, что слова Энгельса, если их применить к ситуации в России, являются предостережением против диктатуры пролетариата, которая в самом деле преждевременна, но я-де сейчас говорю не о ней, а о диктатуре пролетариата и крестьянства. Такой ответ демагогичен, ибо, как показали события в 1917 г., сам Ленин не придавал серьезного значения разнице между диктатурой пролетариата и диктатурой пролетариата и крестьянства, последняя была лишь фиговым листком, которым он прикрывал сокровенную цель - диктатуру пролетариата.

Но у Ленина готов и другой ответ, который любопытен тем, что указывает на особенности его философско-исторического мышления. Он пишет, что Энгельс предупреждал об опасности преждевременного взятия власти для лидера, который не понимает смысла происходящих событий, не понимает этой преждевременности. Выходит, все дело просто в понимании, можно брать власть и преждевременно, главное, это осознавать и тогда всегда можно словчить, выкрутиться из неблагоприятных обстоятельств посредством изворотливости ума. Ленин - самоуверенный рационалист, неумопостигаемого слоя истории и бытия для него просто не существует, история для него - послушный объект политических манипуляций. Сам по себе такой безбрежный рационализм отдает мистикой, тем более, когда он ориентирован на достижение внерациональных целей, каковы, в сущности, цели марксистского социализма.

Насилие над историей неизбежно оборачивается насилием над людьми, в экстремальных ситуациях - террором. Терроризм большевиков Каутский сопоставлял с террором времен Великой французской революции, доказывая, что источник террора в том и другом случаях одинаков: это стремление навязать обществу чуждые ему цели, для реализации которых еще нет условий. В этой связи Каутский затрагивает вопрос об ответственности партий, социальных групп, классов за проводимую ими политику, о характере их виновности. Он

склоняется к тому, что в таких случаях речь не может идти о виновности в моральном плане, моральные суждения он считает аутентичными на уровне индивидуальных поступков. Действия же социальных групп Каутский предпочитает оценивать с точки зрения целесообразности. Таким образом, относительно деяний большевиков вопрос должен стоять о том, целесообразны ли они с точки зрения социалистической цели? Каутский отвечает на это отрицательно, он против тезиса, согласно которому цель оправдывает средства, недостойные этой цели средства она не может оправдать. Таким образом, осуждение большевизма Каутским имеет, скорее, политический, а не моральный характер.

Тут Каутский оказывается еще слишком марксистом, преисполненным идеей насчет классовой относительности морали, надындивидуалистического характера общественного прогресса и т.п.²². Такой духовный настрой сохраняется и в настоящее время, он обнаруживается в утверждениях, что история выше морали, прогресс внеморален и т.д. Между тем трагедии советской истории достаточно высветили то обстоятельство, что не существует пропасти между индивидуальной жизнью и социальной, социальные деяния всегда превращаются в индивидуальные поступки, и если в последних массово преобладает аморализм, корень этого надо искать в первых. История философии знает великих моралистов: Руссо с моральных позиций обвинял социальный прогресс, у Прудона преобладало моральное осуждение капитализма, да и сам марксизм, в конце концов, вырос из морального осуждения товарных отношений. Таким образом, связь между индивидуальными поступками и действиями социальных групп, между моральностью и

²² См. по этому вопросу: *Каутский К.* Наука, этика, жизнь. М.; Пг., 1918; *Каутский К.* Этика и материалистическое понимание истории. Пг., 1918.

целесообразностью в истории на самом деле гораздо более тесная, чем это следует из марксистских схем.

Итак, позиция исторической органики в вышеописанном понимании прежде всего обусловила неприятие Каутским большевизма. Остановимся кратко еще на двух особенностях его мировоззрения, влиявших в том же направлении. Это, конечно, его демократизм и также гуманизм, гуманистическая сущность каутскианского восприятия социализма.

Каутский резко нападал на те ограничения в избирательных правах, которые были введены Советской властью, даже временные ограничения демократии, по его мнению, недопустимы со стороны социалистической партии. Недопустимо противиться свободе выборов, не соглашаться с их результатами, с волеизъявлением масс, будь эти массы даже невежественны и реакционны. Ибо нет иного пути их политического воспитания, как через посредство демократии. Для самого Каутского социализм и демократия неразрывно связаны. В работе "Терроризм и коммунизм" он пишет: "Демократия есть единственный метод, при помощи которого могут быть выработаны высшие формы жизни, для культурного человека воплощаемые социализмом. Диктатура ведет лишь к такого рода социализму, который называют азиатским. Совершенно несправедливо, ибо Азия дала человечеству Конфуция и Будду. Скорее его следовало бы называть татарским социализмом"²³.

Уже говорилось, что Каутский был противником ленинской идеи о принципиально новом характере пролетарской демократии. Постольку он не принял Советов в качестве государственного института, они для него были просто классовой организацией пролетариата, распространившейся в России в силу недостаточного развития в ней традиционных пролетарских организаций -

²³ Каутский К. Терроризм и коммунизм. С.225-226.

политической партии, профсоюзов. Аналогом Советов в революции 1871 г. он считал не Коммуну, а национальную гвардию, т.е. классовую партию парижского пролетариата. Что касается самой Коммуны, вернее, тех ее особенностей, которые подвигли Ленина, вслед за Марксом, говорить о ней как новом типе государства (самоуправление производителей, разрушение парламента и разделения властей, ограничение власти бюрократии), то Каутский, который, как уже отмечалось, часто обходил эти вопросы молчанием, предпринял, например, в "Терроризме и коммунизме" попытку их истолкования. Это, с его точки зрения, особенности местной власти, находившейся тогда в процессе становления. Каутский отмечал, что прудонисты, которые были сильной партией в Парижской Коммуне, думали посредством коммун уничтожить государство. Но-де реальное развитие выработало из них полезный институт, вполне приемлемый и нужный для демократического государства - местную власть на основе самоуправления народа, действующую в границах, установленных демократической центральной властью. Такой взгляд на особенности Парижской Коммуны представляется вполне здравым, но это собственный взгляд Каутского. Вопрос о том, как понимал дело сам Маркс, остается открытым, сохраняется и большая вероятность того, что ленинская трактовка Коммуны как нового типа государства укоренена в марксистской традиции.

Гуманистический характер каутскианского толкования социализма отчетливо сказался, пожалуй, лишь в период его борьбы с большевизмом. Это интересный поворот мысли Каутского, который был адептом строго классового взгляда в социализме, представлял собой тип социалиста-увриериста. У него была марксистская вера в социалистическую миссию пролетариата, нередко высказывания в марксистско-прогрессистском духе об исторической обреченности капитализма, вообще частно-собственнического производства, включая

крестьянское хозяйство, о "реакционности" крестьянства, не говоря уже о прочих слоях, связанных с частной собственностью. И все же преследования "буржуев" в результате Октябрьской революции вызвали его негодование, он возмущался тем, что их лишали избирательных прав, давали меньшие по сравнению с рабочими пайки, когда они выполняли "трудовую повинность", ущемляли по всем линиям. Он обвинял большевиков в развращении пролетариата, разжигании в нем чувства классовой "свирепости", с другой стороны, в насаждении разгильдяйства, социального транжирства и т.п. Тут, видимо, сказалось убеждение, существовавшее и у классиков марксизма, что социализм должен явиться наследником общечеловеческой культуры, обществом, которое принесет счастье всем людям, а не отдельным их социальным категориям.

Поэтому в одной из своих последних крупных работ "Материалистическое понимание истории" Каутский не раз возвращается к мысли о том, что задача социализма состоит не просто в создании более эффективной, чем капиталистическая, экономики (хотя, как показало наше время, и эта задача оказалась социализму не по силам), а в создании высших по сравнению с существующими форм жизни. Задача социализма, утверждал он в конце 20-х гг., состоит не в том, чтобы захватить власть, а чтобы "создать такие формы жизни, которые превосходили бы существующие формы как с точки зрения трудящихся масс, так и с точки зрения длительного благосостояния всего общества и были бы поэтому благожелательно приняты этими массами и удержаны"²⁴.

В заключение несколько слов о месте Каутского в истории марксизма. Как ученик и последователь Маркса и Энгельса Каутский изначально делал акцент на демок-

²⁴ Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т.2. С.523.

ратических компонентах их учения. Позже, примерно к началу войны 1914 г., он стал открыто выражать сомнение в некоторых существенных тезисах ортодоксального марксизма, прежде всего в тезисе о неизбежности экономического краха капитализма. Он констатировал приспособляемость капитализма к новым экономическим условиям, что еще более усиливало демократическую ориентацию его социализма. Социалистические формы экономики и общественной жизни вообще должны, с этой точки зрения, сложиться и вызреть в рамках демократического строя, прежде чем пролетарская революция осуществится и окажет им прямую государственную поддержку. Каутский оспаривал и другие тезисы марксизма - о социальной революции как всеобщей закономерности исторического процесса, о социализме как скачке из царства необходимости в царство свободы. Каутский отбросил марксистское представление об антитетичности социализма и предшествующей истории в отношении свободы, он настаивал на совместности свободы с политическими нормами и считал возможным говорить, начиная с эпохи промышленного капитализма, о прогрессе свободы в истории.

В марксологической литературе нередки мнения, что Каутский был философом объективистского толка, абсолютизовавшим историческую необходимость и чуждым идеям исторического активизма. Такие оценки в недавнее время возникали, в частности, в результате апологетики ленинизма с его культом революционной воли, побеждающей несмотря на обстоятельства и вопреки им. Если же подойти к каутскианству непредвзято, то можно заметить, что Каутский вовсе не отрицал деятельного начала в истории, он просто выступал за активность масс в рамках демократических институтов, тогда как Ленин был активистом авторитарного, диктаторского даже типа, его идеал не столько самостоятельность масс, сколько их послушание воле политического лидера. Что же касается объективизма, поклоне-

ния перед исторической объективностью, то его достаточно и у Маркса с Энгельсом, и у Ленина, так что вряд ли можно в объективизме видеть особенность каутскианства.

Иногда Каутский, например, в "Материалистическом понимании истории" поднимался до осознания того, что идеи марксизма были своеобразным выражением эпохи промышленного капитализма. Но и мировоззрение самого Каутского тесно связано с этой эпохой. Печатью времени отмечено его убеждение, что рабочий класс есть устойчивая, хотя и изменчивая реалья исторической жизни в период от начала капитализма и вплоть до социализма, что он включает в себя массу людей, живущих в одинаковых условиях, занимающих одинаковое положение в обществе и имеющих, во всяком случае потенциально, одинаковое стремление к социализму. Одной из постоянных забот Каутского-социалиста было сплочение рабочего класса, превращение его из класса-в-себе в класс-для-себя, т.е. в класс, сознающий свое положение и исторические задачи. Он писал: "Такое единодушие вполне достижимо. Стоит лишь вспомнить, что для всех членов одного и того же класса в общем и целом существует одинаковая окружающая обстановка с одинаковыми задачами и одинаковыми возможностями. Внутри же самого класса и интересы, и жизненные условия, и средства познания являются в общем одними и теми же"²⁵. Исчезание традиционного рабочего класса, связанного с крупной промышленностью, в постиндустриальную эпоху означает, таким образом, и исчезновение эпохи, породившей каутскианство.

Не менее четко историческую ориентацию Каутского обнаруживает и его понимание демократии. Он представлял ее очень просто, наподобие механизма с

²⁵ Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т.2. С.728.

арифметическими правилами, демократия для него - власть большинства. Его уверенность в победе социализма покоилась на убеждении, что промышленный пролетариат непременно станет большинством населения в капиталистических странах и что поэтому он может победить и господствовать в условиях демократии. Такое представление имеет мало сходства с современными представлениями о демократии, с практикой современных демократических институтов, с заботами демократов о правовых гарантиях индивидуальной свободы, деятельности разного рода групп гражданского общества и т.п. В своей теории Каутский отразил черты демократии на первых этапах ее становления в условиях промышленного капитализма, когда еще демократия подчас понималась как антитеза либерализму. В итоге можно определить каутскианство как идеологию демократического социализма эпохи промышленного капитализма.

2. Критический комментарий к работе Ленина "Государство и революция"

Ленин был теоретиком, которому если и случалось защищать демократические принципы, то только из прагматических и демагогических соображений. В конечном счете он всегда вел дело к удушению демократии. Такова его позиция и в "Государстве и революции", работе, написанной в августе-сентябре 1917 г. и послужившей теоретическим обоснованием практических преобразований, проводившихся в дальнейшем большевиками в государственном устройстве России. Ленин свел воедино многие положения классиков марксизма о государстве, но одновременно он кое-где иначе расставил акценты, внес дополнения, изменившие первоначальный проект порой до неузнаваемости.

Мысли Ленина, также как и классиков марксизма, о государстве не будут понятны, если их брать отдельно от марксистского философского проекта будущего общества, который, как известно, предполагал ликвидацию всех форм социального отчуждения (экономического, политического, духовного) и рисовал общество будущего, коммунизм, как решение "загадки истории", как разрешение противоречий между человеком и природой, человеком и человеком, человеком и родом и т.д.²⁶ И хотя подобное состояние общества кажется немыслимой утопией, эта утопия имеет, тем не менее, в философии, в различных формах религии давние традиции. Философский идеал гармонического бытия сохраняется и в современном западном социализме.

В марксизме достижение гармонического общества будущего мыслилось через уничтожение экономического разума, также как и политико-правового разума вместе с их институциональными проявлениями. Экономическая и политическая рациональность должны были быть уничтожены ради воплощения единства разума и чувства, разума и бытия, взятого как в онтологическом, так и в антропологическом планах, ради гармонии и полноты человеческого бытия. Перспектива уничтожения политического измерения социального бытия, составляет, так сказать, исток и предел марксистских размышлений о государстве и политике, она питала и конкретные представления марксистов о сущности государства и его эволюции.

Суть своего подхода к государству Ленин четко формулирует уже в начале первой главы своей работы: "Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены. И

²⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С.588.

наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы"²⁷. Этот классовый подход Ленин строго выдерживает во всей книге, когда высказывает суждение по истории государства, относительно буржуазной демократии или диктатуры пролетариата.

Толкование генезиса государства Ленин дает, отпавляясь от книги Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства" и перенимая в целом аутентично, иногда, может быть, еще заостряя их в классовом духе, теоретические выводы Энгельса. Однако, если сопоставить эти выводы хотя бы с тем историческим материалом, который приводит Энгельс, обнаруживается, что они неадекватно, односторонне выражают смысл происходивших в древнем мире процессов. Энгельс, а вслед за ним и Ленин, придерживаются мнения, что государства, возникавшие на развалинах родового строя в средиземноморском регионе Европы, были вызваны к жизни острыми классовыми антагонизмами, в первую очередь между "рабами" и "рабовладельцами", и что задача урегулирования этих антагонизмов была первой в их деятельности. На деле приводимый Энгельсом исторический материал свидетельствует о многообразии факторов, влиявших на возникновение первых государств.

Первая группа факторов экономического, социокультурного порядка; они связаны с растущим разделением труда, развитием товарно-денежного обращения, продиктованной нуждами рынка мобильностью населения, а следственно, усиленным крушением родоплеменных связей, перемешиванием на одной территории выходцев из разных племен и народов. Это вызывало необходимость правового регулирования экономических, имущественных отношений, организации властных структур в рамках территориальных сообществ, что и

²⁷ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.33. С.7.

взяло на себя государство, заменившее своими законами, силой принуждения прежние правовые и авторитарные механизмы родовых сообществ. Приходится, следовательно, констатировать, что задача впервые возникающих государств далеко не сводилась к классовому угнетению, она была неизмеримо шире, состояла в правовой, законодательной регуляции, подкрепляемых вооруженной силой, взаимоотношений людей, принадлежавших к самым разным слоям населения (к крестьянам, ремесленникам, купцам, люмпенам, рабам и рабовладельцам) в территориальных сообществах. Кстати, что касается институтов по охране рабства, т.е. первостепенной по марксистской схеме функции древнего государства, то сам Энгельс уделяет этому в своей книге очень мало внимания. И, напротив, много пишет о том, что главная политическая борьба, которая заполняла эпохи генезиса государства в Древних Афинах, в Риме, была борьбой между родо-племенной знатью и купцами, промышленниками, не принадлежавшими к местным родам, переселенцами, "чужаками", которые в большом количестве прибывали в места расселения афинских или римских племен, селились там, олицетворяя своим присутствием начало эпохи новых экономических отношений. Эти конфликты не могут быть охарактеризованы, если следовать марксистской терминологии, как классово-экономические, они имели этнически-правовой характер.

Вторая группа факторов, обусловивших формирование древних государств и наложивших отпечаток на их строение и деятельность, это завоевательные войны, захлестнувшие древний мир на заре государственности, служившие источниками рабов, золота и других богатств, земельных владений. Энгельс вполне понимал значимость таких факторов становления государственности. Он, например, связывал возникновение государственности у германских племен с фактом завоевания ими Римской империи.

И все же когда он подводит итог своему анализу генезиса государства в древнем мире, то делает упор исключительно на социально-экономические противоречия и классовые антагонизмы, пишет о государстве как силе, предназначенной держать в границах "порядка" готовые "пожрать" друг друга классы. В окончательных теоретических определениях сути древнеевропейских государств Энгельс значительно упрощает вопрос по сравнению со своим же собственным анализом фактического материала по древней истории. Это гипертрофия классового подхода, перенесенная марксистом Энгельсом на древний мир из европейской истории второй половины XIX в., где она, впрочем, также не была уместна.

Можно упомянуть в этой связи об одном парадоксе, которым отмечена история марксистской мысли. А именно, признавая, коль скоро заходила речь о генезисе буржуазного государства, его национальную природу, марксисты тем не менее во всех остальных случаях представляли его как государство исключительно классовое. Т.е. общенациональная сторона в структуре, деятельности, задачах такого государства не принималась ими всерьез, не исследовалась позитивно его роль в организации общенациональной жизни, в управлении национальной экономикой, межклассовыми отношениями, культурными процессами и т.д. Подобно тому как Маркс давал лишь критику политической экономии капитализма, а не ее позитивную теорию, он и другие марксисты (за крайне редкими исключениями вроде Каутского) не занимались позитивно теорией буржуазного государства, а лишь его критикой с социалистической точки зрения. Поэтому они всегда торопились с выводами о крахе буржуазной демократии: Маркс уже в 1852 году рассуждал о крахе парламентаризма во Франции; Лс ин в 1914 г. объявил, что буржуазное наци-

ональное государство, или "отечество", в Англии, Франции, Германии уже "спело свою песню"²⁸.

Понятия, мыслительные схемы, с помощью которых классики марксизма пытались осмыслить факт определенной автономии государственных структур в отношении классовых противоречий, не давали возможности выразить адекватно указанное явление. Ранний Маркс говорил применительно к государству об "иллюзорном всеобщем интересе", Энгельс в "Происхождении семьи, частной собственности и государства" писал о последнем как силе, хотя и вышедшей из общества, но стоящей над ним и все более "отчуждающей" себя от него. У Ленина нет и такого признания самостоятельности государства (посредством характеристики его как сферы "иллюзорного всеобщего интереса" или "отчуждения"), он осуществляет, как правило, прямолинейную редукцию государства к органам классового насилия. Правда, в "Государстве и революции" он упоминает, вслед за Энгельсом, о состояниях "равновесия" классовых сил в обществе и приурочивает к ним особые ситуации, когда государство оказывается как бы надклассовым, стоящим над борющимися группировками. Т.е. автономия государства - это явление, выпадающее на долю той или иной власти лишь при определенном стечении обстоятельств. Это, конечно, узкое понимание вопроса. Приведенный Лениным пример с правительством Керенского кажется неудачным. Хотя в России в эпоху двоевластия и существовало какое-то равновесие борющихся сил, но из этого вытекало лишь то, что слабое правительство Керенского было вынуждено постоянно лавировать между борющимися группировками, и ни с какой стороны оно не выглядело автономной, стоящей над обществом властью.

Редукция государственных функций к насилию искажает видение проблем соотношения свободы и госу-

²⁸ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.30. С.89.

дарства. С марксистской точки зрения речь может идти лишь о том, что то или иное государство дает свободу таким-то классам и угнетает другие, никогда марксисты не рассматривали государство в качестве гаранта прав и свобод всех граждан, независимо от того, равны ли эти права или не равны для разных слоев общества. В "Государстве и революции" Ленин писал о буржуазной демократии: "Свобода капиталистического общества всегда остается приблизительно такой же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев"²⁹. Все несправедливо в этом высказывании: и оценки древнегреческих республик и буржуазных государств, и отрицание прогресса в формах политической свободы. Увлечшись изображением государства как органа классового насилия, Ленин в некоторых суждениях вообще отмечает всякую совместимость государства и свободы: "Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства"³⁰. Ленин выступает против употребления "демократии" и "свободы" как тождественных понятий: "На деле демократия исключает свободу. Диалектика (ход) развития такова: от абсолютизма к демократии буржуазной; от буржуазной демократии к пролетарской; от пролетарской к никакой"³¹. Тем же духом пронизана критика, которой Энгельс подверг употребленное в проекте Готской программы понятие "свободного народного государства" (письмо Энгельса Бебелю от 18-20 марта 1875 г.).

Марксистский подход к свободе вообще, и политической свободе в частности скрывает резкий дуализм. Свобода интерпретируется, с одной стороны, в чисто объективистском духе как "познанная необходимость". В этом случае получается следующее политическое решение вопроса: свободен тот класс, который выражает объективно веление времени и который смог закрепить

²⁹ Ленин В.И. Полн.соч. р.соч. Т.33. С.87.

³⁰ Там же. С.95.

³¹ Там же. С.171.

свою волю в определенной государственной системе. Свобода оказывается исторически переходящей, она передается от класса к классу, от одного классового государства к другому. Это марксистское переложение мысли Гегеля о свободе как деятельности духа, объективирующейся в форме природной и исторической необходимости. С другой стороны, марксизм скрывает и абсолютно субъективистское понимание свободы как самовыражения человека, при этом предполагается выход человека за пределы необходимости (природной, исторической). Это состояние свободы проецируется на коммунистическое общество, переход к которому описывается как "скачок" из царства необходимости в царство свободы. Политического эквивалента такой свободе нет, предполагается отмирание государства. Такое понимание свободы и коммунизма скорее развивал Маркс, чем Энгельс, тогда как последнему принадлежит объективистское определение свободы как "познанной необходимости".

В рассуждениях Маркса о свободе есть некий мистический оттенок, он склонен интерпретировать ее исключительно как самовыражение, самоосуществление субъекта, вплоть до того, что это самоосуществление становится высшей целью человека и истории. Человек теряет тем самым конкретно-исторические характеристики и уподобляется Богу, который в саморазвертывании своей сущности раскрывает свою свободу. Имея в виду ситуацию индивида в проектируемом обществе будущего, Маркс писал, что там "внешние цели теряют видимость всего лишь внешней, природной необходимости и становятся целями, которые ставит перед собой сам индивид, следовательно, полагаются как самоосуществление, предметное воплощение субъекта, стало быть, действительная свобода, деятельным проявлением которой как раз и является труд"³². Это стремление обя-

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46,ч.2. С.10.

зательно освободить человека от власти "внешних целей" составляет утопический, мистифицирующий элемент марксистского философского проекта, им объясняется, что марксизм проецирует действительную свободу на общество будущего, общество, по представлениям марксистов, без экономической, политической, правовой, а может быть, и моральной регламентации (о возможности последней марксизм умалчивает). Другая сторона этого, как уже говорилось, отрицание свободы в обществах, в которых сохраняются товарные отношения, право и государство, в лучшем случае понимание ее как привилегии для господствующих классов.

Вернемся, однако, к Ленину. В центре его внимания в "Государстве и революции" была критика буржуазной демократии, марксистская теория классового государства ориентирована прежде всего против нее. Сложность ситуации заключалась, как мы теперь видим, в том, что буржуазная демократия имела во времена Ленина большие потенциальные возможности превращения в "социальное" государство, способное заботиться не только об интересах капитала, о которых говорила классовая теория, но и об интересах трудящихся. Однако эти возможности проявлялись тогда еще очень слабо, западные государства, например, только брали на себя некоторые функции социального обеспечения. И потому классовая теория не встречала серьезных практических возражений и была за некоторыми исключениями широко распространена в социал-демократии.

Ленин довел классовую трактовку буржуазного государства до полной однозначности, по своей определенности его оценки роли и перспектив буржуазной демократии отличаются от более сложного в некоторых случаях видения проблемы Марксом или Энгельсом. У Маркса подобная неоднозначность, впрочем, редкая, определялась, может быть, тем, что он в начале своей идейной эволюции, в 1843-1844 гг., определял буржуазное государство как сферу "всеобщих интересов" в обще-

стве и в этом отношении отличал его от монархическо-сословного государства, которое еще было непосредственно слито с частно-сословными интересами. Правда, уже тогда Маркс подчеркивал, что "всеобщность" буржуазной государственной формы иллюзорна, что политическое равенство граждан в буржуазной республике чисто формально и т.д. И тем не менее мысль об отражении в буржуазном государстве всеобщих интересов была важна, она могла влиять на некоторые конкретные оценки Марксом того или иного эпизода политической жизни позже, когда Маркс начал более определенно подчеркивать классовую природу буржуазной демократии (это случилось в канун революции 1848 г. и во время нее). Маркс, например, имея в виду введение в ходе революции во Франции всеобщего избирательного права, мог сказать, что французская конституция "дает политическую власть тем самым классам, социальное рабство которых она должна увековечить, пролетариату, крестьянству и мелкой буржуазии. А тот класс, чью старую социальную власть она санкционирует, - буржуазию - она лишает политических гарантий этой власти. Политическое господство буржуазии втиснуто ею в демократические рамки, которые на каждом шагу содействуют победе противников буржуазии и ставят на карту самые основы буржуазного общества"³³.

Для Ленина такие формулировки немислимы. Он в "Государстве и революции" держится слов Энгельса о том, что всеобщее избирательное право, это достижение буржуазной демократии, есть лишь "показатель зрелости рабочего класса. Дать больше оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве"³⁴. Ленин спорит с эсерами и меньшевиками, с западными социалистами, обвиняя их в том, что они ждут "большего" от буржуазной демократии, думают, что всеобщее избирательное право

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.7. С.41.

³⁴ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.33. С.14.

в "теперешнем государстве" способно действительно выявить волю большинства трудящихся и закрепить проведение ее в жизнь"³⁵. Его позиция четкая и однозначная: буржуазная демократия - форма классового господства капиталистов, в ней правит "богатство" и т.д.

К традиционным марксистским идеям о классовости буржуазной демократии Ленин в годы первой мировой войны добавил вывод о ее кризисе, даже крахе. Суть последнего он видел в том, что буржуазные государства открыто пошли на союз со своим национальным монополистическим капиталом, подчас даже слились с ним в государственно-монополистический капитализм. Ленин много писал об этом в войну, в "Предисловии" к первому изданию "Государства и революции" читаем: "Империалистическая война чрезвычайно ускорила и обострила процесс превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Чудовищное угнетение трудящихся масс государством, которое теснее и теснее сливается с всемогущими союзами капиталистов, становится все чудовищнее. Передовые страны превращаются - мы говорим о "тыле" их - в военно-каторжные тюрьмы для рабочих"³⁶. Такая позиция Ленина широко известна, но не все знают, что идеи о загнивании буржуазной демократии развивали тогда многие социалисты. Например, Р.Гильфердинг или Н.И.Бухарин. Последний в работе "Мировое хозяйство и империализм" (1915 г.) объяснял кризис буржуазной демократии, парламентаризма в начале века тем, что если раньше парламент служил ареной борьбы разных фракций господствующих классов, то теперь они все сплочены финансовым капиталом в "сплошную реакционную массу", а государство стало непосредственно "исполнительным комитетом господствующих классов".

³⁵ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.33. С.14.

³⁶ Там же. С.3.

Однако общая картина не была столь одноцветной, политические процессы того времени в западных странах имели некоторые черты, которые не вписывались в схему "загнивания" буржуазной демократии. Известно, что многие социалисты в воевавших странах поддерживали правительственную политику. Ленин однозначно интерпретировал этот факт как "измену" социалистов делу рабочего класса, видел в нем результат "подкупа" социалистических "вождей" и части рабочих ("рабочая аристократия") буржуазией за счет ее доходов от эксплуатации колоний. Впрочем, сам механизм и статистику "подкупа" Ленин и согласные с ним левые не исследовали. Один из западных историков марксизма В.Г.Кирнан отмечал в 1974 г., что "подкуп" (говоря языком Ленина) имел место, но он был гораздо более массового характера, чем думали Ленин или Бухарин, что прибылями от заграничных операций капитала, например, в Англии, пользовались рабочие целых отраслей производства, таких как вооружение, металлургия, ткачество.

Ленина в его оценках сбивала с толку старая марксистская догма о непримиримой противоположности интересов пролетариата и буржуазии. Между тем они не всегда противоположны, об этом много писал во время войны в газете "Единство" Г.В.Плеханов. Он писал, что рабочие не могут пренебрегать интересами отечества, иначе Интернационал должен был бы называться Анти-националом, что определенная близость интересов рабочих и капиталистов (тем и другим выгодно продать товар дороже) делает подчас рабочих соучастниками эксплуатации других стран со стороны их отечества. Так, по Плеханову, проимпериалистические позиции немецких рабочих объяснялись их надеждами улучшить свое положение за счет эксплуатации других народов. Развитие Германии, писал Плеханов, шло таким образом, что у немецких рабочих "могла явиться склонность к эксплуатации других народов. И она действительно яви-

лась у них. В этом вся тайна германской социал-демократической политики 4 августа 1914 г.³⁷.

Таким образом, ленинское объяснение ситуации в категориях "измены" и т.п. крайне упрощенное, если не вообще ложное. Дело касалось не поведения отдельных "вождей", а рабочих масс, которые втягивались в русло общенациональной политики. Свидетельством этого была не только война, но и другие факты вроде вхождения Мильерана в министерство Вальдека-Руссо, вообще позитивного участия социалистов развитых стран в работе центральных и местных органов буржуазной демократии. Бернштейн в "Предпосылках социализма" теоретизировал эту ситуацию, он полемизировал с известным тезисом "Коммунистического манифеста" ("рабочие не имеют отечества") и доказывал, что в капиталистических странах со второй половины XIX столетия пролетариат обрел отечество в результате проведения ряда социальных реформ в его интересах.

Сказанное выше говорит об односторонности вывода Ленина насчет "загнивания" буржуазной демократии в начале века, превращения ее в открыто классовое государство, защищающее интересы финансового капитала. Отмеченные им тенденции действительно существовали. Но одновременно социальная база буржуазной демократии расширялась хотя бы за счет привлечения электората социалистических партий к поддержке правительственной политики. Буржуазное государство делало шаги к превращению в государство "всеобщих интересов", какое мы сейчас наблюдаем в развитых странах Запада. Хотя, конечно, под влиянием империализма (капиталистического экспансионизма, милитаризма) демократия подверглась на рубеже веков и серьезным деформациям, в этом ее марксистские критики были правы. Но она не погибла.

37 Плеханов Г.В. Год на Родине. Т.2. С.15.

Наряду с упомянутым расширением социальной базы буржуазного государства с последним происходили на рубеже веков и другие перемены, свидетельствовавшие тоже не столько о его "загнивании", сколько об упрочении и развитии. Имеется в виду значительное усиление функций государственного регулирования экономики. Ленин объединял явления подобного рода с помощью понятия "государственно-монополистического капитализма". Но любопытно, что о таких явлениях Ленин писал во многих статьях военного времени (в работе "Империализм, как высшая стадия капитализма"), но о них почти ничего нет в "Государстве и революции". Может быть, потому, что это могло нарушить стройность развиваемой Лениным классовой теории государства. Впрочем, ленинская трактовка "государственно-монополистического капитализма" не выходила за рамки этой теории: государство по-прежнему трактуется как надстройка над экономическим базисом, не предусматривается возможность расхождений между интересами государства и капиталистов, т.е. определенной автономии государства. А Лефевр выдвинул в конце 70-х гг. (см. его работу "О государстве") интересную мысль, что классовая теория государства, в том числе ленинская идея "государственно-монополистического капитализма", помешали марксистам увидеть, что с помощью государства капитализм может выходить из кризисов, в частности из кризиса начала века, что роль государства в обществе гораздо шире, чем роль надстроечного образования над капиталистическим базисом, что государство является своего рода "стратегическим уровнем руководства экономикой", что оно даже способно возглавить движение общества за пределы классического капитализма к "государственному способу производства" (выражение Лефевра), который хотя и включает в себя островки традиционного капитализма, но в целом являет собой уже другое общество (этот процесс Лефевр относит ко второй половине XX века).

Еще один аргумент против ленинского тезиса о "загнивании" буржуазной демократии даст, как ни странно, первая мировая война. В результате войны расширилась география буржуазной демократии, возникли новые демократические государства - в Германии, Польше, Чехословакии, Венгрии, на короткий период между февралем и октябрём 1917 г. - в России, в прибалтийских странах, в Финляндии. Ленин, как известно, считал войну целиком империалистической и реакционной, с ее началом он связывал наступление эпохи буржуазной "реакции по всей линии"³⁸, всестороннего кризиса буржуазной политики, которая пришла-де в противоречие с интересами прогресса, создала угрозу мировой цивилизации. Так думал не один Ленин; Люксембург, например, писала, что война поставила человечество перед выбором: "или триумф империализма и гибель старой культуры, как в старом Риме - вымирание, опустошение, дегенерация, большое кладбище; или же победа социализма, т.е. сознательная борьба международного пролетариата против империализма и его метода - войны"³⁹.

Однако такое отношение к войне не было общим для социалистов той эпохи, многочисленны были среди них те, кто видел и ее демократическое содержание. Взять хотя бы Плеханова. Он возмущался большевистскими оценками войны, критиковал "циммервальд-кинтальский" взгляд на войну (независимо от ее исхода, она выгодна империалистам всех стран и невыгодна рабочим всех стран). Позиция Плеханова в вопросе о войне была позицией демократа, для него было важно, что войну начали Австро-Венгрия и Германия, что, таким образом, с их стороны война имела агрессивный, захватнический характер, что против них выступил союз демократических стран (Англия, Франция, США, после

38 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.419.

39 Люксембург Р. Кризис социал-демократии. М., 1923. С.11.

февраля 1917 г. демократической стала и Россия), что эти страны воевали против агрессоров и к тому же оказывали поддержку освободительному движению народов Южной и Восточной Европы. Правда, Плеханов более в своих статьях в "Единстве" говорил о поправленном Германией праве на самоопределение самой России, чем о таком праве угнетенных, в том числе Россией, малых народов Восточной Европы. За этим исключением позиция Плеханова оставалась демократичной, он сохранял веру в демократию в годы первой мировой войны и этим он близок социалистам типа К.Каутского, О.Бауэра. Этим же он отличался от левых, которые считали, что империализму можно противопоставить только социализм (Бухарин, Люксембург), а если и признавали значение демократии как антитезы империализму, то только в контексте борьбы за социализм (Ленин).

Преувеличенный вывод о крахе буржуазной демократии в период первой мировой войны служил Ленину одним из аргументов в пользу актуальности социалистической революции, "слома" буржуазного государства и создания нового, смоделированного классиками марксизма, типа власти. Известно, что классики предусматривали возможность воплощения новой власти в двух формах - диктатуры пролетариата и диктатуры пролетариата и крестьянства. Но эта последняя, с их точки зрения, не является самостоятельной и устойчивой формой, а знаменует собой демократический пролог к социалистической революции и диктатуре пролетариата.

Мысли о возможности революционно-демократической диктатуры (пролетариата и крестьянства) овладели Марксом в период завершения революций 1848 г. В "Обращении Центрального Комитета к Союзу коммунистов" (1850 г.) он выражал надежду, что Франция, Германия переживут вскоре новый цикл революций, в которых решающую роль будут играть широкие демократические слои. Эти-то революции пролетариат дол-

жен, по мнению Маркса, сделать непрерывными, использовать их как трамплин для перехода к социалистической революции. Но в Европе не случилось более революций, в которых демократия (крестьянство, мелкая буржуазия) действовала бы самостоятельно, независимо от крупной буржуазии, Парижская Коммуна была движением городским и в массе пролетарским, крестьянство им не было затронуто. Но марксова идея непрерывной революции реализовалась неожиданно в России 1917 г., когда Февральская революция создала, наряду с Временным правительством и революционно-демократическую власть - Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Как и советовал Маркс, Ленин после февраля 1917 года стремился максимально радикализировать все демократические требования, чтобы сделать их неприемлемыми для буржуазного Временного правительства, раскатать массовое демократическое движение, вывести его за буржуазные рамки и заставить его пойти на союз с социализмом. Примеры такой радикализации известны. Если вожди революционной демократии, эсеры и меньшевики, стояли за передачу земли крестьянам по решению Учредительного собрания, то Ленин призывал к самочинному захвату земли крестьянами. Если демократы требовали мира, то Ленин требовал мира "на основе полного освобождения колоний и всех неполноправных народов"⁴⁰ и т. д. После такой радикализации естественно, делался вывод, что эти демократические требования не могут быть осуществлены демократическим путем⁴¹, а только социалистическим "рабочим правительством" (хотя, как впоследствии оказалось, и им они не могли быть осуществлены).

Но тактика Ленина увенчалась успехом, большевикам удалось чрезвычайно усилить антибуржуазный на-

⁴⁰ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.31. С.2.

⁴¹ Плеханов в этот период писал, что "Ленин демагог до конца ногтей"(Плеханов Г.В. Год на Родине. Т.2. С.34).

строй масс, идущих за Советами. Статьи Плеханова этого периода в газете "Единство" полны горечи по поводу того, что ведущие партии Советов оказались заражены "полуленинством", испытывали недоверие к Временному правительству. Они вроде бы и отклоняли тактику Ленина ("никакой поддержки Временному правительству", диктатура пролетариата и крестьянства), но вели себя так, как будто признавали ее, они "слишком часто, - пишет Плеханов, - выражались таким образом, как будто они хотели, чтобы отныне Россия доживала капиталистический период своего развития без буржуазии. Другими словами: слушая их, можно было думать, что они хотят капитализма без капиталистов. Это вопиющая логическая несообразность..."⁴². Конечно, антибуржуазный настрой русской демократии зависел не только от агитации большевиков, он определялся и всем ходом предшествующего экономического, политического, культурного развития России. В той мере, в какой Советы отказывали в поддержке Временному правительству, они оказывались соучастниками антибуржуазной стратегии ленинцев.

Колебания революционной демократии свидетельствовали о том, что она не была самостоятельной силой, перед ней стояла дилемма - либо слиться с буржуазным движением, поддержав Временное правительство, либо стать на антибуржуазный путь и слиться с социалистическим движением. В силу различных исторических причин реализовалось последнее. Тем самым революция в России, по-видимому, подтвердила теории Маркса: "тайной" революционно-демократической власти оказалась диктатура пролетариата; революционная демократия разыграла пролог к пролетарской революции. Но на деле русская революция привела к тому, что не предполагалось никем из марксистов, - к чудовищному симбиозу пролетарских идеалов, сформировавшихся в

⁴² Плеханов Г.В. Год на Родине. Т.2 С.233.

условиях капиталистического Запада, с реалиями еще докапиталистической во многом России.

Положения классиков марксизма насчет диктатуры пролетариата содержат много неясностей, пробелов, упрощений. Недавно в нашей публицистике было довольно распространено мнение, что ленинская модель диктатуры пролетариата была демократичной и только неблагоприятные исторические обстоятельства повинны в создании тоталитарного советского государства. В этой связи любопытно вникнуть в ленинскую теоретическую модель диктатуры пролетариата, которую находим, в частности, в "Государстве и революции", т.е. непосредственно накануне Октября.

Маркс, Энгельс, Ленин характеризовали диктатуру пролетариата как особое государство, "отмирающее" или "полугосударство", чрезвычайно демократическое. В основе этих характеристик лежит та же классовая теория государства, предположение о дихотомической (буржуазия-пролетариат) структуре общества, в котором пролетариат составляет большинство, представление об установлении диктатуры пролетариата путем перевертывания пирамиды классового господства буржуазии. Ленин писал об этом следующим образом: "А раз большинство народа само подавляет своих угнетателей, то "особой силы" для подавления уже не нужно! В этом смысле государство начинает отмирать"⁴³. Но марксистское предположение о дихотомической в перспективе структуре общества нигде не осуществилось, также и количественное преобладание пролетариата оказалось проблематичным даже в западных странах, не говоря уже о России. По признанию самого Ленина, сделанному в августе 1917 г., российскому пролетариату в случае взятия власти предстояло не только "подавлять" буржуазию, но и "руководить" (более мягкое выражение для того же "подавления") огромной массой крестьянства, мелкой

⁴³ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.33. С.42.

буржуазии, полупролетариев, чтобы перевести их на путь обобществленного хозяйства⁴⁴. Таким образом, вышеуказанные характеристики диктатуры пролетариата покоились на ошибочных теоретических посылках.

Следует указать на еще одну ограниченность: и Маркс, и Ленин до Октября, говоря о диктатуре пролетариата, как, впрочем, и вообще о государстве, мыслят преимущественно в категориях классового насилия и очень мало замечают другие возможные направления его деятельности, вроде правового регулирования всей общественной жизни (они сводили его единственно к охране прав трюда), организации национального единства и т.д. Однажды, рассуждая в полемике с Бухариным об отмирании государства, Ленин коснулся вопроса о необходимости длительного сохранения армии в пролетарском государстве. Его решение поразительно, он считал возможным отмирание государственных функций внутри страны при сохранении армии для внешних целей, он как будто не догадывался о том, что хотя бы одно только поддержание военного бюджета на нужном уровне требует государственного принуждения и внутри страны. Поневоле можно согласиться с А.Лефевром, когда он пишет (см. его работу "О государстве"), что марксизм совершенно не понял репрессивных функций государства, того, в каких масштабах и формах они осуществляются.

Диктатуру пролетариата Ленин вслед за Марксом характеризовал как власть представительную, основанную на выборности всех ее органов, но с сильными элементами непосредственной демократии масс. Однако механизм представительства был изменен сравнительно с буржуазной демократией, а институты непосредственной демократии оказались в последующей истории Советов неработоспособными, так что предложенный классиками марксизма синтез представитель-

⁴⁴ См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.33. С.26.

ства и непосредственной демократии завершился тоталитарным государством. Этому, конечно, содействовали также и другие исторические обстоятельства, но порок был заложен уже в самой теоретической модели.

Одно из предполагавшихся структурных новшеств пролетарской власти - уничтожение разделения властей, причем, имелось в виду прежде всего разделение законодательной и исполнительной властей. Ленин в "Государстве и революции" пишет о новой власти: "Представительные учреждения остаются, но парламентаризма как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь нет"⁴⁵. О судебной власти у Ленина в "Государстве и революции" речь вообще не шла, а Маркс в "Гражданской войне во Франции" пишет только, что "судейские чины" в Парижской Коммуне потеряли свою "кажущуюся независимость", стали органом Коммуны, и должны были, как и прочие должностные лица, "впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми"⁴⁶.

Острые такой меры как уничтожение разделения властей направлено классиками марксизма против парламентаризма, парламент с его борьбой политических партий характеризовался ими как "говорильня": «В парламенте только болтают со специальной целью надувать "простонародье»⁴⁷. В этом негативизме уже заложено неявно отрицательное отношение к многопартийности,

45 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.33. С.48.

46 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.17. С.343.

47 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.33. С.46. Кстати сказать, ни Маркс, ни Ленин не знали развитых форм парламентарной демократии. О Парижской Коммуне Маркс писал, что она была "прямой проти оположностью империи", ей не пришлось "разрушать" органы буржуазной демократии, она сформировалась в обстановке развала императорского режима во Франции. То же можно сказать о Советах, их формирование произошло на время развала аппарата царской власти, когда буржуазная демократия в России находилась в зачаточном состоянии.

идеал слияния законодательной и исполнительной властей наводит на мысль, что законодательная структура должна стать такой же простой и однозначной, как исполнительная. Впрочем, в "Государстве и революции" многопартийность осуждается не только неявно, в ней достаточно отчетливо формулируется идея об авангардной партии и ее особой роли в новом государстве: "Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства всей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии"⁴⁸. В целом отказ от разделения властей должен был вести на практике к усилению исполнительной власти, к тоталитаризму.

Но марксисты считали, что у них есть против этого сильное противоядие в виде прямого контроля народа, его прямой власти. Она должна была выражаться в вооружении народа, который становился, таким образом, исполнителем армейских и полицейских функций, в выборности всех должностных лиц снизу доверху, их ответственности перед народом, сменяемости в любое время. Однако мы видим, что эти меры не сработали (и не могли сработать) в постреволюционном Советском государстве.

Простой перечень новшеств пролетарской власти заставляет усомниться, что с их помощью можно создать крупное стабильное государство. Вооружение народа, исполнение им непосредственно милицейских и армейских функций, да и слияние властей кажутся скорее особенностями власти, возникшей в чрезвычайных обстоятельствах и рассчитанной именно на данный чрезвычайный период. Именно такой властью была Парижская Коммуна, с которой Маркс, а вслед за ним и

48 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.33. С.26.

Ленин, списали свою модель диктатуры пролетариата. Ведь Парижская Коммуна просуществовала всего около двух месяцев, она организовалась в городе, осажденном неприятелем, брошенном властями, в таких условиях естественными были и вооружение народа, и сильная концентрация власти в руках одного органа - Коммуны, а местный характер этой власти облегчал и прямой контроль народа в отношении ее органов и должностных лиц.

При чтении "Государства и революции" тоже возникает впечатление, что и Ленин, рисуя модель диктатуры пролетариата, имел в виду чаще всего именно революционную ситуацию. Об этом свидетельствуют хотя бы его частые апелляции к "вооруженным рабочим" как последней инстанции для решения сложных вопросов государственного управления. Он, например, так пишет о ближайших задачах пролетарской революции: "Все народное хозяйство, организованное как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, получали жалованье не выше "заработной платы рабочего", под контролем и руководством вооруженного пролетариата - вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе, нам необходимо. Вот что дает уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений, вот что избавит трудящиеся классы от проституирования этих учреждений буржуазией"⁴⁹. Итак, государственный идеал Ленина - почта, т.е. государственно-монополистическое предприятие, бюрократическое, с чисто исполнительскими функциями. Демократический элемент представляет "вооруженный пролетариат", однако способы его влияния на ход дел, даже просто контроля совершенно неясны. Да ведь "вооруженный пролетариат" - реальность революционных лет, в стабильном обществе пролетариат просто трудится, если же и тогда будет сохранять воору-

⁴⁹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.33. С.50.

женный статус, то он перестанет быть пролетариатом, превратится в милицию, армию. Кстати, в реальной практике Советов после Октября "вооруженный пролетариат" постепенно уступил место милиции и армии.

Все слабости марксистской теории новой демократии концентрируются в вопросах об организации центральной власти, соотношении центральной и местной властей. Тогда обнаруживается, что ни Маркс, ни тем более Ленин не смогли последовательно держаться принципов непосредственной демократии, той политической системы, которую Маркс называл "самоуправлением производителей"⁵⁰. Когда Маркс пытается представить Коммуну как повсеместную организацию в масштабах нации, появляются сложности, из которых он выходит ценой нарушения исходного принципа. Одной из первых трудностей на этом пути оказывается разнородный в социальном плане состав населения.

В Париже 1871 г. оставались лишь рабочие да мелкие ремесленники, представители имущих классов бежали из него. Парижская Коммуна образовалась из выбранных всеобщим голосованием по округам "городских гласных", "большинство их состояло, само собой разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса"⁵¹. Парижская Коммуна была, пишет Маркс, "правительством рабочего класса"⁵². Распространение Коммуны в сельские округа ставило вопрос о взаимоотношениях представительства от крестьян и от рабочих. В парламентах такие вопросы решаются диалогом между партиями, представляющими разные слои населения. Решение Маркса предусматривало приоритет точки зрения рабочих. "В действительности, - пишет Маркс, - коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.17. С.343.

⁵¹ Там же. С.342.

⁵² Там же. С.346.

каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов"⁵³. Он считал, что в перспективе социальная разнообразность исчезнет: "С освобождением труда все станут рабочими, и производительный труд перестанет быть принадлежностью известного класса"⁵⁴.

Ленин идет дальше Маркса, он не ограничивается тем, что возлагает на диктатуру пролетариата задачу "руководить" крестьянством. Он формулирует, как уже отмечено выше, идею авангардной партии, которой и вручает функции руководства и крестьянством, и самим пролетариатом. "Самоуправление производителей" оказывается, таким образом, невыполненной заявкой, оно подменяется властью лиц, претендующих на выражение "истинных" интересов народа, выступающих тем самым носителями Абсолютного Знания.

С большими сложностями сталкивались попытки соблюсти принципы непосредственной демократии в устройстве центральной власти. По Марксу, центральная власть должна была формироваться, если судить по "Гражданской войне во Франции", посредством ступенчатых выборов, непосредственное влияние масс обеспечивалось бы ступенчатостью выборов, "императивными мандатами" и сменяемостью депутатов в любое время по требованию избирателей. Маркс так пишет об этом: "Собрание делегатов, заседающих в главном городе округа, должно было заведовать общими делами всех сельских коммун каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь должны были посылать депутатов в национальную делегацию, заседающую в Париже; делегаты должны были строго придерживаться *mandat impératif* (точной инструкции) своих избирателей и могли быть сменены во всякое время"⁵⁵.

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.17. С.346.

⁵⁴ Там же. С.234-235.

⁵⁵ Там же. С.343.

Однако возникает вопрос: достаточны ли вышеобозначенные меры, чтобы провести "самоуправление" вплоть до центра? Ступенчатость выборов в "национальную делегацию" - очень слабая гарантия сохранения воли масс; "императивные мандаты" должны были бы сковывать инициативу депутатов в поиске компромиссных решений, что крайне важно при разнонаправленных интересах избирателей; контроль избирателей за деятельностью депутатов центральных органов трудно осуществим, если избиратели живут, например, на окраине. Вообще, вопрос о центральной власти является роковым для всех теоретиков самоуправления. А.И.Солженицын в статье "Как нам обустроить Россию" определенно высказывается за местное самоуправление в виде земств, но затрудняется с решением вопросов центральной власти. Вернее всего принципы самоуправления в центре не могут работать. Недаром практичный Ленин, развивая теорию постреволюционной власти в России, отошел от марксовой модели самоуправления, введя партию в систему Советов.

В целом его модель диктатуры пролетариата представляет некий гибрид непосредственной демократии и представительства, гибрид, имеющий внутри сильный заряд тоталитаризма. Впрочем, тот же, хотя не так ярко выраженный, характер отличает и марксову модель пролетарского государства, т.е. и Маркс хочет невозможного - самоуправления в центре, отбрасывая хорошо отработанную в системе представительной демократии структуру центральной власти. Положение усугубляется еще тем, что марксизм вводит в политическую систему соответственно своей философии истории некий абсолютный субъект будущего, рабочий класс. Все остальные слои населения оказываются тем самым низведены к статусу переходящих, в перспективе все должны быть сведены к положению рабочего. Феномен абсолютного субъекта разрушает совершенно принципы непосредственной демократии. Марксистская философия исто-

рии порождает, таким образом, и питает политико-идеологический тоталитаризм, который является сутью марксистских политических моделей для постреволюционного общества, вопреки многочисленным заявлениям классиков марксизма в духе прямой демократии.

Долгое время марксистская критика буржуазной демократии не обходилась без разоблачений ее "формального" характера. Любопытно сопоставить в плане формализма буржуазную демократию и теоретическую модель пролетарского государства, выработанную классиками марксизма, в результате можно увидеть, что ликвидация буржуазно-демократического формализма должна была обернуться, с одной стороны, еще большим формализмом, с другой - произволом государства в отношении граждан.

Убеждение в формальном характере буржуазной демократии овладело Марксом уже в самом начале его творческого пути - в 40-х годах прошлого века, когда буржуазное государство находилось в стадии становления. Англия, Североамериканские Штаты, французские революции давали тогда его первые образцы. Всеми силами желая для монархической Германии демократического устройства, Маркс в то же время глубоко ощущал его несовершенство. В самых своих ранних работах он развивал идеи о противоположности политического строя буржуазной демократии и сферы частной жизни, частных интересов людей, т.е. "гражданского общества". Для первого были характерны преобладание всеобщих интересов нации и равенство граждан, для второго - частнособственнический эгоизм, вопиющее неравенство собственников и лишенных собственности. Маркс делал вывод о том, что надо вернуть "политическое государство" в "гражданское общество" с тем, чтобы последнее преобразовать в духе всеобщего, теперь уже фактического, а не формального лишь политического равенства и утвердить непосредственное единство всеобщих и частных интересов во всех сферах общественной жизни.

Этот идеал постбуржуазного общества сохранился у Маркса и в зрелые годы, хотя аргументация Маркса изменилась, изменились и акценты в характеристике постбуржуазного общества. Если раньше оно рисовалось как всестороннее присвоение человеком своей родовой сущности, то теперь речь шла преимущественно об экспроприации крупной собственности и замене ее общественной. А идеал возвращения "политического государства" в гражданский мир трансформировался со временем в модель пролетарского государства, которое трактовалось как "огмирающее", как "полугосударство", о чем было сказано выше.

Что касается отношения этого государства к собственности, то Ленин, например, накануне Октября вполне определенно высказывался за государственную собственность в крупной промышленности. В этот период он считал государственно-монополистический капитализм образцом организации производства и для социализма, отличие последнего он видел в иной классовой сущности государственной власти. Идеал молодого Маркса о возвращении "политического государства" в "гражданское общество" имеет кое-что общее с идеей государственного социализма. А именно государство, эта сфера всеобщности, распространяет свое непосредственное влияние на мир частных до того экономических отношений. Если следовать философской традиции, которая приравнивает всеобщее к форме, то можно охарактеризовать государственный социализм как общество всеобъемлющей формализации, государственной регламентации.

Ленину это общество представлялось торжеством антиформализма, утверждением фактического равенства людей вследствие ликвидации частной собственности. Однако уже его теоретическая модель диктатуры пролетариата убеждает, что последняя скрывала в себе возможности глубокого неравенства. Выше говорилось о том, что и Маркс, и Ленин различали действительный

исторический субъект (у Маркса это пролетариат, у Ленина - пролетариат и партия) и массы, предназначение которых они видели в том, чтобы следовать за первым. Эта философская посылка обернулась в теории диктатуры пролетариата фактическим правом на государственную власть одних и чисто формальным правом других. Практика Советского государства очень хорошо продемонстрировала это расхождение формального и фактического политического субъекта в структуре диктатуры пролетариата. Далее. Огосударствление крупной собственности, которое Ленин определенно мыслил как первый акт пролетарского государства, выдвигало наряду с партией еще одного фактического субъекта власти - государственный аппарат.

И Маркс, и Ленин вслед за ним соглашались, что власть пролетариата и обобществление собственности еще не дадут полного равенства людей, т.к. сохранится неравенство способностей, труда, а в связи с этим и имущественное неравенство граждан. Ленин писал в "Государстве и революции" о праве равной оплаты за равный труд следующее: «Равное право» - говорит Маркс - мы здесь действительно имеем, но это еще "буржуазное право", которое, как и всякое право, предполагает неравенство. Всякое право есть приращение одинакового масштаба к различным людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу, и потому "равное право" есть нарушение равенства и несправедливость»⁵⁶. Но это допускавшееся классиками марксизма в постбуржуазном обществе неравенство оставляло в стороне гораздо более глубокие формы неравенства (действительная власть, распоряжение собственностью - у партийного и государственного аппаратов), которые в зародыше содержались уже в теоретической модели пролетарского государства и так драматично раскрылись в практике Советского государства.

⁵⁶ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.33. С.93.

Эти не увиденные классиками марксизма формы неравенства фальсифицировали на практике и права труда. Ликвидация частной собственности, рынка вела к исчезновению объективных критериев цены труда, соответственно распределение материальных благ должно было определяться не столько качеством труда, сколько мнением о его ценности фактических распорядителей общественной собственностью и производством, местом человека в чиновничьей иерархии, регламентирующей всю общественную структуру. Права труда оказались заменены произволом властей, уничтожение частной собственности сопровождалось на деле уничтожением права, что подводит к вопросу о том, возможно ли существование прав труда без права собственности. Ликвидация формальных прав труда - таков печальный практический результат теоретических замыслов марксистов насчет установления фактического равенства людей в постбуржуазном обществе.

Как уже говорилось, "тайной" марксистской теории государства является идея о его "отмирании". Ленин внес в нее кое-что от себя: он обосновывал отмирание созданием "привычки" к соблюдению социальных норм, которая-де неизбежно выработается в постбуржуазном обществе в результате того, что в нем все будут управлять "по очереди". Эту химеру в духе прямой демократии Ленин добавил к пророчествам Маркса, у которого отмирание предполагает в качестве условий создание общества гармоничных, всесторонне развитых людей, труда, ставшего наслаждением, изобилия материальных благ. Но как бы то ни было, Ленин, как и Маркс, в конечном счете под коммунизмом имел в виду общество без всяких социальных норм, прав, гарантий, это должно было быть общество полного бесправия, равенства личностей в их неравенстве. Глубинный марксистский идеал отношений людей в обществе, их свободы имеет, таким образом, внеполитический характер, марксисты хотят свободы без государственной регламента-

ции, вне каких-либо государственных норм. Этот идеал, может быть, и объясняет варварские небрежности марксистов в определении структуры и функций постреволюционного государства, их презрение к праву, к узаконенным нормам общественной жизни. И, может быть, тоталитаризм, содержащийся уже в их теоретических проектах постреволюционного государства, тоже находится в связи с внеполитическим идеалом свободы. Марксистские теории государства заключают в себе странный парадокс, в силу которого наиболее высокий, какой только можно вообразить, философский идеал свободы, протест против формализма демократического равенства оборачивается обоснованием политического тоталитаризма, произвола государства в отношении его граждан.

Резюмируя все сказанное, можно отметить, что Ленин подхватил и усилил весьма уязвимые теоретически и практически тезисы марксизма насчет классовой сущности государства, формализма буржуазной демократии, необходимости ее разрушения, об антитезе ей в форме пролетарского государства, о его отмирании. Ленин особенно радикализировал марксистский негативизм в отношении буржуазной демократии и на этом пути он разошелся с такими марксистами, как Каутский, Плеханов, которые считали нужным для социализма усвоить достижения буржуазной демократии. Ленин не принимал подобной установки, для него естественным был вывод, что Россия за несколько месяцев между февралем и октябрём 1917 г. уже получила достаточный опыт буржуазной демократии, что ее надо скорее разрушить и перейти прямо к диктатуре пролетариата. В трактовке последней Ленин перенял все неоследовательности Маркса и усугубил и без того сильный заряд идеологического и политического тоталитаризма, который имела у него теория пролетарского государства, за счет введения в систему диктатуры пролетариата авангардной партии.

Однако несмотря на серьезные теоретические (тенденциозность, непродуманность, утопизм) и практические (угроза тоталитаризма) недостатки ленинская политическая теория и ленинизм вообще были восприняты с религиозной верой большевиками, получили и широкий отклик у революционных масс в России 1917 года. Можно выделить несколько причин этого. Во-первых, тут сказались антибуржуазный настрой русского общества, русской культуры, русского социализма и отсутствие в России традиций буржуазной демократии. Во-вторых, хотя признание ценности государственных структур является одним из устоев русской жизни, для русского общества накануне 1917 г. было характерно неприятие существующей власти. Ленинизм глубоко соответствовал этому бунтарскому настрою общества, обещающая между тем сохранение на другой идеологической, политической, экономической основе сильной государственности в России. В-третьих, ленинизм соответствовал и развитой в России классовой ненависти к имущим. Предложенное им решение социального вопроса (достижение социальной справедливости и равенства через уничтожение частной собственности, обобществление производства и введение распределения по труду) казалось в начале века верным не одним марксистам (см. статью П.Сорокина "Проблема социального равенства и социализм"). Тогда эти вопросы рассматривались отнюдь не с точки зрения теоретической обоснованности предлагаемых решений, ленинские решения удовлетворяли страстям своего времени, господствующим настроениям масс (классовой ненависти, стремлениям к социальному уравниванию), и поэтому они были приняты в обществе. В ленинизм верили, потому что хотели верить.

3. Ж.Сорель: анархо-синдикалистский вариант отрицания демократии

Если ленинизм считать одним вариантом социалистического негативизма в отношении демократии периода конца XIX - начала XX вв., то другой его вариант содержится в анархо-синдикализме, одним из теоретиков которого был Ж.Сорель. Ленин противопоставлял буржуазной демократии пролетарскую, считая последнюю шагом на пути к отмиранию государства. Сорель в традициях анархизма, и главным образом Прудона, не допускал возможности существования особой формы пролетарского государства. Задачу пролетарской революции он видел в замене демократии развитой системой публичных властей путем ограничения властных функций демократии, преобразования ее структур и механизмов, чтобы из системы представительства отдельных граждан она превратилась в представительство групп, корпораций, территорий. Сам Сорель никогда не останавливался на различиях своего и ленинского подходов к государству, хотя они просматриваются легко и касаются вопросов первостепенной важности, например, перспектив "государственного социализма". Но Сорель проходил мимо "государственных" тенденций ленинизма, вероятно, из практических соображений, т.к. высоко ценил революционность большевиков, ее возбуждающее влияние на пролетарское движение. К тому же он был уверен, что их деятельность - только яркий эпизод пролетарской борьбы, что она будет задавлена совместными усилиями стран Антанты.

Существование у Сореля определенной политико-правовой программы позволяет говорить о том, что его социализм имел не только "моральный"⁵⁷ или

⁵⁷ *Gorlity G. Le pluralisme dramatique de Georges Sorel. P., 1962.*

"мифологический"⁵⁸ характер, он может быть обозначен еще, например, как "правовой" социализм, если учесть то значение, которое Сорель придавал праву в пролетарском движении. Идеи Сореля насчет перспектив государства и права имеют нередко смутный и противоречивый характер, тем не менее некоторые из них сохраняются в общественном сознании, можно наблюдать сейчас сходство между ними и идеями современного самоуправленческого социализма.

Сорель не прошел мимо тех крупных изменений в экономике и политике капиталистических держав конца XIX - начала XX вв., которые обсуждали тогда все теоретики-социалисты (распространение монополий, формирование финансового капитала, сращивание его с государством, милитаризм, колониализм). Но трактовал Сорель эти изменения совершенно иначе, чем Ленин, с одной стороны, и социал-демократы Каутский, Гильфердинг - с другой. Последние оценивали их как наступление новой, более высокой ступени капиталистического развития. Ленин настаивал на том, что происходит крах капитализма, что его новая ступень является одновременно и последней. Сорель оценивал перемены как возрождение старых форм капитализма, когда ростовщический и торговый капиталы господствовали над индустриальным, когда государство до наступления эпохи экономического либерализма осуществляло протекционизм в отношении экономики. Соответственно своему взгляду на историю как царство случайностей, Сорель допускал и возможность нового возврата эпохи индустриального капитализма и свободной конкуренции, более того, свой долг социалиста он видел в том, чтобы содействовать такому возврату.

Это объяснялось его убеждением в том, что индустриальный капитализм и свободная конкуренция обес-

⁵⁸ *Kolakowski L. Main Currents of Marxism. Its Rise, Growth and Dissolution. Oxford, 1978. Vol.2.*

печивают экономическое процветание, тогда как господство финансового капитала и государственное регулирование экономикой ведут к застою производства. Удивительно, насколько надо было закрывать глаза на факты, чтобы не видеть, что распространение монополистических форм хозяйства, акционерного капитала были важными составными частями проходившей тогда промышленной революции. В этом отношении Сорель шел гораздо дальше Ленина, который все же признавал, хотя и с существенными оговорками насчет паразитизма финансового капитала, застойных тенденций капиталистического монополизма и проч., что новая стадия капитализма означает экономический, промышленный, технический прогресс. Сорель же ведет речь лишь об отрицательных сторонах экономических и политических новшеств. Его аргументация своеобразна с философской точки зрения и потому заслуживает анализа, несмотря на кажущуюся ее ретроградную направленность. Кажущуюся, ибо некоторые идеи Сореля и сейчас не утратили актуальности.

Главное, против чего воюет Сорель, это усиление рационалистических тенденций в капиталистической экономике, что он справедливо связывал с усилением экономической роли государства и распространением картелей. Сорель считал, что это приносит лишь вред экономике, идеальные условия для последней дает, по его мнению, лишь свободная игра экономических сил, которая в целом не имеет отпечатка какой-либо разумной воли и потому является вполне объективной и безличностной⁵⁹. Государственный протекционизм и картелирование вредны, ибо ограничивают конкуренцию, придают экономике направленность, выбранную логическим путем, и исключают противоположные попытки. Сорель пишет в этой связи о "логическом умопомеша-

⁵⁹ Это не следует понимать так, что, по Сорелю, рынок иррационален, он подчеркивает лишь его объективный характер.

тельстве⁶⁰ картелей, которое, по его словам, внушает тем большие опасения, "чем более они объединены и чем сильнее импульс, который они получают от людей яркой индивидуальности и широких знаний"⁶¹.

Есть у Сореля и другая линия доказательств вреда государственного вмешательства в экономику. Она связана с социальным вопросом, со взаимоотношениями хозяев и рабочих в условиях демократии. Последняя стремится регулировать указанные отношения таким образом, чтобы удовлетворить по возможности требования рабочих, добиться соглашений между ними и хозяевами. Поэтому она, по мнению Сореля, ставит "умеренные рамки прогрессу капитализма"⁶². Сорель формулирует "демократический постулат": "закон должен вносить поправку в интересах бедных"⁶³. Облагая хозяев своеобразным налогом в пользу бедных, демократия, по Сорелю, создает препятствия для развития капитализма, ограничивает дух предпринимательства. Она к тому же поощряет леность, развивает в народе дурные страсти (зависть, ненависть, презрение), толкает мир на путь морального вырождения и борьбы за материальные интересы. Сорель соглашается с тем определением демократии, которое Прудон дал в работе "Решение социального вопроса", что демократия - это "управление обществом, лежащее в руках огромного большинства граждан, обладающих малыми способностями и лишенными богатства"⁶⁴. Сорель не то чтобы был против социальных реформ, направленных на улучшение благосостояния низших классов, он против того, чтобы подобные

60 Сорель Ж. Социальные очерки современной экономики. Дегенерация капитализма и дегенерация социализма. М., 1908. С.290.

61 Там же.

62 Там же. С.309.

63 Там же. С.313.

64 Там же. С.311.

реформы заслоняли необходимость развивать классовую борьбу, в основе которой должны лежать не материальные, а моральные интересы. Только такая классовая борьба имеет социалистический характер, которая ориентируется на завоевание свободы для творческого труда производителей.

В целом философский смысл той критики капиталистических государств конца XIX - начала XX вв., которую осуществлял Сорель, состоял в протесте против усилившейся рационализации общественной жизни, ведущей человечество, по его мнению, на путь утопий, морального вырождения, экономического застоя, и в поиске возможностей противостоять этой рационализации, вернуть общество к жизни внерациональной, находящейся во власти глубинных психологических импульсов. Как уже отмечалось, конкретно в экономическом плане Сорель ставил цель возврата к стихии свободного предпринимательства и рыночных отношений. Путь к этому он намечал также внерациональный, а именно развитие классовой борьбы, ведомой моральными идеалами свободы производителей и стимулируемой революционными "мифами" (вроде мифа о грядущей экономической катастрофе капитализма, которую Маркс сформулировал в "Капитале").

Сорель остался чужд тому широко распространенному в общественной мысли Запада в начале века течению, представители которого сближали новый государственный протекционизм с социализмом. Сорель был твердо убежден, что социализм может быть наследником только индустриального капитализма в силу того, что последний создает необходимую для социализма организацию труда на фабрике, формирует сознательного производителя - творца, эту центральную фигуру социализма, по Сорелю, создает вообще ту ситуацию экономического подъема, без которой Сорель не мыслит социализма (ср.: обратное у Ленина, сформулировавшего идею социалистической революции в эконо-

мически отсталой России). Для Сореля эпоха господства финансового капитала крайне неблагоприятна для социализма производителей, она, конечно, может вызвать социалистов на захват власти, но установленный таким путем социализм будет не социализмом производителей, а социализмом "политиков", людей, стоящих вне производства и озабоченных внепроизводственными целями. "Государственный социализм" Сорель определял как "лжесоциализм". Он испытывал ужас от того, что новые явления в капиталистических странах (картели, государственный капитализм) воспринимались многими как шаги к социализму и именно к "государственному социализму". Последний он считал главной опасностью для социализма, гораздо большей, чем капитализм. В "Добавлении" 1920 г. к "Иллюзиям прогресса" он писал: "В ходе последней войны буржуазные правительства позволили себе создать вслепую определенное количество институтов, которые приучили население к идее государственного социализма; именно скорее против государственного социализма, чем против капитализма, должны вести борьбу настоящие марксисты, эта борьба тем более необходима, что не видно, как можно перейти от государственного социализма к социализму пролетарскому"⁶⁵.

Вся эта критика процессов, сопровождавших усиление роли государства в капиталистических обществах конца XIX - начала XX вв., выростала у Сореля из его давней традиции критики демократии, которой он посвятил многие страницы во всех своих крупных работах. Пожалуй, можно сказать, что это одна из главных тем Сореля как теоретика синдикалистского социализма и что она оставалась такой для него всегда, хотя, например, в эпоху дела Дрейфуса его оппозиция демократии была не столь тотальной и резкой, как позже.

⁶⁵ *Sorel G. Les illusions du progrès. P., 1921. P.372.*

Сорелевская критика демократии имеет иные акценты, чем у Маркса и Ленина, она несет в себе иное понимание демократии. Сорелю абсолютно чужда идея классово-природы демократии, противопоставление буржуазной и пролетарской демократии. Для него она не делится на пролетарскую, буржуазную или какую-либо еще, для него она всегда - власть массы. Другое дело, что массу он представлял как бедноту, как потребителей, а не производителей. Но он отвергал демократию именно как власть массы, одушевленной идеалами равенства, отвергал во имя идеала не-равенства, качественной уникальности и свободы производителей, возрождения вообще качественных форм общественной жизни. Это позиция аристократизма производителей, людей труда, нежелающих подчиняться общему шаблону, закону и воле массы потребителей. Идеал не-равенства и качественной жизни был и у Маркса, и у Ленина, но у них он был заглушен гораздо более мощной идеологической волной, рожденной требованиями захвата пролетариатом государственной власти, установления равенства еще более полного, чем то, которое обеспечивала существующая демократия, объявленная ими буржуазной. Сорель всю эту идеологию отметал с порога, его критика адресована не буржуазной демократии, а демократии как таковой. Он присоединялся к словам Кроче, который постулировал "отказ от равенства, каковое есть арифметическое и геометрическое понятие, ради биологического понятия, ради жизни, каковая есть неравенство и асимметрия"⁶⁶.

История демократии в капиталистических обществах - любимый предмет размышлений Сореля, в них он не раз обращался к вопросу о социологической базе демократии. Для него это прежде всего буржуазные интеллектуалы, философы, юристы, адвокаты, разного рода "гуманисты", как любил выражаться Сорель, причисляя к последним наряду с названными еще шутов,

⁶⁶ *Sorel G. Matériaux d'une théorie du prolétariat. P., 1921. P.19.*

придворных, фаворитов, всех, кто в дореволюционной Франции крутился возле короля и королевской знати. Буржуазные интеллектуалы породили демократию, она же стала для них формой существования, создала спрос на политиков, юристов, способствовала успеху гуманитарного образования, т.к. ей нужны, с одной стороны, образованные избиратели, умеющие разбираться в борьбе политических партий, с другой - разного рода кандидаты на выборные должности.

Во "Введении" к "Социальным очеркам современной экономики" Сорель определяет шире социологическую базу демократии. Таковой предстает город как центр торговли, администрации, образования, религиозной жизни, как центр развлечений и особой городской индустрии, работающей на развлечение, роскошь, проституцию. Город, таким образом, это место потребления, а не производства, он противостоит очагам производства - деревням, рабочим поселкам. Сорелю казалось, и это было естественно для того времени, что серьезная индустрия в перспективе совсем отделится от города, что на это ее толкает потребность быть ближе к источникам сырья, к районам дешевой рабочей силы. Как пишет Сорель, "... город противостоит остальной части страны как место потребления и развлечения, противостоит строго дисциплинированным и организованным институтам производства; он все еще является скоплением людей "таланта", живущих за счет массы производителей, которые плодами своих трудов содержат общество"⁶⁷.

Сорель признает, что город выполняет и полезные функции (управления, торговли, судопроизводства). Но одновременно он рождает паразитирующие слои, живет за счет деревни, производителей, подобно тому, как древняя демократия жила "на счет общества". Появление города было одним из самых крупных разделений труда в обществе, которое обернулось эксплуатацией деревни

⁶⁷ Сорель Ж. Социальные очерки современной экономики. С.76.

городом. Демократию Сорель здесь определяет как идеологию и политический идеал городских низов, он пишет: "...демократия есть комплекс чаяний городских народных масс, желающих участвовать в выгодах, являющихся привилегией богатого и властного меньшинства"⁶⁸.

Обрисованные взгляды Сореля не удовлетворяют своей узостью, они очень уязвимы для критики. Почему, действительно, он связывает демократию только с городскими низами, разве крестьянство не имеет в ней представителя своих интересов? Причем и как потребитель, и как производитель? То же можно спросить и в отношении капиталистов. Далее, история не подтверждает необходимой связи между "чаяниями" городских низов и демократией, городские низы легко подстраиваются, например, к тоталитарной власти.

Впрочем, в работах Сореля в целом присутствует и более широкий подход к демократии. Речь об уже упоминавшемся его понимании демократии как власти потребителей, служащей целям распределения имеющегося в обществе богатства. Фактически при таком подходе социологическая база демократии оказывается очень широкой, она стремится охватить все общество, поскольку все выступают с определенной стороны как потребители. Как показывает та критика, которую Сорель адресовал социал-демократии своего времени, рабочий класс в очень сильной мере был охвачен распределительными интересами, что, собственно, и объясняло популярность социал-демократической политики реформ. Протест против всевластия потребителей и распределителей - главный мотив сорелевской критики демократии. Идеал свободы производителей, заявивший о себе в эпоху экономического либерализма, так и остался для Сореля высшей, непревзойденной ценностью.

⁶⁸ Сорель Ж. Социальные очерки современной экономики. С.65.

Если поставить вопрос о сути демократии как политического института и демократической идеологии, то Сорель видел ее в рационализме. Эта общая характеристика включает ряд моментов. Прежде всего это политический идеализм, абсолютизация роли политической воли и политических институтов в истории. Сорель писал о Великой французской революции, что она "самым бесстыдным образом щеголяла суеверным культом государства"⁶⁹. Он смеялся над теми объяснениями экономической истории Франции, в которой, например, расцвет земледелия после революции напрямую связывался с новым законодательством, обеспечившим-де заинтересованность крестьянина в результатах труда, в которых, таким образом, "современную экономию представляли прямым продуктом политических переворотов"⁷⁰. Сорель настаивал на том, что указанный прогресс земледелия был связан и с другими обстоятельствами (с грабежом Европы французскими армиями, с развитием сельскохозяйственной технологии и др.).

Можно заметить, что политический идеализм - явление в истории нередкое, и он не обязательно связан с демократией. Россия на протяжении XX в. второй раз переживает волну политического идеализма, первый раз это было связано с установлением диктатуры пролетариата в октябре 1917 г., теперь с демократическими преобразованиями политической системы. Конечно, политические факторы многое определяют в жизни обществ, но нужно отдавать отчет в границах их благотворного (или пагубного) влияния.

Идеализм французской демократической идеологии XVIII в. Сорель видел и в обращении ее к идеям римского права, к образам Римской республики и римского гражданина. Известно, что Маркс комментировал этот факт, объясняя обращение идеологов французской рево-

⁶⁹ Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 1907. С.43.

⁷⁰ Сорель Ж. Социальные очерки современной экономики. С.88.

люции к римской истории тем, что они пытались скрыть от самих себя мелочный характер их борьбы. Сорель считает такую оценку недостаточной, его мысль глубже и вернее, французские идеологи обращались к римской истории, ибо они недостаточно знали свое время и рассуждали, отправляясь не столько от действительности, с осознанием которой человек всегда запаздывает, сколько под влиянием идеологической традиции, созвучной их настроениям и социальным устремлениям. Поэтому "воспоминания о римской республике неустанно господствовали над их идеями о государстве и праве"⁷¹. И только тогда, когда действительность властно заявила о себе, исчезли и те идеологические ассоциации, которыми питалась французская демократическая идеология, и сама эта идеология оказалась лишеной почвы и авторитета. Эту перемену Сорель приурочивал к середине XIX в., когда происходила промышленная революция во Франции. До 1848 г., писал он, продолжался XVIII век, "люди продолжают еще верить в доброту человека, строят утопии, стремясь сделать человечество счастливым; они одновременно рационалисты и сентименталисты... После 1848 г. начинается век железных людей, эра людей, осмеивающих филантропию и хвастающих своей силой. Царство Руссо, начавшееся около 1762 г. (если считать со дня издания "Эмиля"), продолжалось почти целое столетие"⁷². На смену демократической идеологии, считает Сорель, тогда пришла идеология экономического либерализма, в которой-де нет места политическому идеализму. Противопоставление либерализма и демократии - одна из центральных идей Сореля.

Сорель - враг парламента и именно потому, что этот институт претендует на выражение общей воли народа, воли, рационально вычисленной по формально-

⁷¹ Сорель Ж. Социальные очерки современной экономики. С.97.

⁷² Там же. С.127.

логическому принципу (голосованием по большинству). В этой ориентировке на абстракции парламент в представлении Сореля сродни рынку. Подобно тому как в последнем неповторимое своеобразие товара получает отвлеченную форму денег, так в парламенте воля конкретных индивидов превращается в бесцветные истины. Демократия с этой точки зрения - это царство банальности, посредственности, она не может быть принципом обновления мира. "Серое царство демократии"⁷³ - так писал о ней Л.Козловский, комментатор работ Сореля начала века. Идеи Сореля сродни романтической критике демократии у раннего Маркса, но эта близость касается лишь исходных установок, конкретное их развитие, выводы у Сореля иные, чем у Маркса.

Сорель был убежден в авторитаризме демократии, ее деспотизме в отношении отдельной личности, ее прав и свобод. Он обвинял Руссо в провозглашении диктата "всеобщей воли, которая всегда права"⁷⁴, концепцию Руссо Сорель считал "демократическим преобразованием абсолютизма"⁷⁵. Именно в этом духе ее адаптировали якобинцы, осуществляя в революции "демократический деспотизм". Вся эта критика представляется аутентичной в отношении периода революционного террора, но дальнейшее развитие демократии в XIX и XX вв. шло в направлении выработки механизма, направленного на защиту интересов и прав меньшинств и личностей. Сорель не допускал возможности такой трансформации демократии, она всегда была для него синонимом деспотизма общей воли в отношении личности.

Демократическое сознание Сорель считал утопичным. И это было естественно для него, т.к. он абсолютно отрицал интеллигентность истории, верил, что она

73 Козловский Л. Вступительная статья// Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства. М., 1908. С.XXIX.

74 Sorel G. Les illusions du progrès. P.103.

75 Ibid.

подчиняется внерациональным импульсам, что ее движение - тайна, которой нельзя предвидеть и т.п. Поэтому он был убежден, что рационалистический стиль мышления неизбежно продуцирует утопии. Утопизм, как его понимает Сорель, живет интеллектуалистскими предрассудками, для утопистов "чистая логика... имеет значение общественной науки"⁷⁶, они-де берут за исходное отвлеченные чувства определенной эпохи и строят на этой основе с помощью логики системы, которые должны принести счастье человечеству.

Определяя демократическое мышление как утопическое, Сорель снова атакует ненавистные ему особенности этого мышления - его абстрактность, "унитаризм" и тяготение к насилию. Он пишет, что трактат Руссо "Об общественный договор" "кажется, и создан с целью оправдать упразднение воли отдельного лица под скипетром гражданской общины"⁷⁷. Чуть ниже Сорель добавляет: "Если демократия не всегда и не всюду проявляла деспотизм, это говорит об одном: ей никогда не удавалось упразднить учреждения, которые по своему существу смягчают власть"⁷⁸.

Интересно и поучительно вникнуть в то, каковы корреляты демократии у Сореля, т.е. какие еще формы объективированного разума он выделяет в социальном бытии. Сорель находится в оппозиции ко всем таким формам, если он и допускает их позитивное значение, то ставит ему очень четкие границы. Это в точности соответствует его пониманию значения разума в общественной жизни. Исходя из принципа неинтеллигибельности истории, Сорель отводит разуму подсобную роль в историческом действии, приоритет в котором он отдает мифам, символам и субъективным желаниям, целям людей. Разуму он приписывает в духе прагматизма У.Джеймса роль поставщика

⁷⁶ Сорель Ж. Социальные очерки современной экономики. С.174.

⁷⁷ Там же. С.177.

⁷⁸ Там же. С.180.

мыслительных схем для целенаправленной деятельности людей. По этим причинам Сорель признает безусловную важность гипотетического экспериментально-технического знания и резко враждебен дедуктивному знанию гуманитарного плана и его носителям-политикам, социологам, абстрактным экономистам, вообще "интеллектуалам". Когда он в 1920 году узнал, что Ленин дорого платит буржуазным специалистам, он выразил полное понимание этого и одновременно съязвил, что вряд ли Ленину понадобятся зато когда-либо "депутаты Думы" или "финансисты". При этом он повторил свою мысль из "Социалистического будущего синдикатов" (работы 1898 г.), что "социализм будет катастрофой для Интеллектуалов"⁷⁹. И оказался в этом зловеще прав, если вспомнить судьбу дореволюционной интеллигенции в советской России.

Если демократию считать первой формой объективированного разума в истории, выделяемой Сорелем, то второй по праву является рынок, отношения обмена или, если брать шире, "среда" (торговля, финансы, транспорт и т.п.) как антитеза производству. Выше говорилось, что Сорель понимал рынок как стихию. Однако важно не ошибиться в значении такого понимания: рынок стихией у Сореля не в смысле его внерациональности, а потому, что в нем происходит бзаимонейтрализация разнонаправленных экономических волей, так что общий результат оказывается как бы объективным, независящим от какой-либо субъективной воли. В силу объективности "среда", рынок, по Сорелю, поддаются социализации, т.е. контролю коллективной воли и разума, тогда как производство, эта, по Сорелю, сфера интимного и таинственного субъективного творчества, не допускает социализации.

⁷⁹ *Sorel G. Les illusions du progrès. P.359.*

Сорелевское неприятие рынка включает традиционные для романтической критики капитализма мотивы. Главное место в нем принадлежит идее, что на рынке господствуют количественные критерии ценности, что труд и товар от прикосновения к рынку утрачивают свой качественный характер: "... все растворяется от прикосновения к рынку, всеобщность меновых сделок заставляет в конце концов видеть лишь атомы производства и обмена"⁸⁰. В этом рынок подобен парламенту: как в последнем конкретные мнения исчезают в безличной "общей воле", так различные товары идентифицируются соответственно абстрактной меновой стоимости.

Самый сильный протест у Сореля вызывают моральные принципы, на которых строится единообразный мир демократии и рынка. "Демократия, основанная на выборном начале, - пишет он, - имеет очень большое сходство с биржевыми кругами..."⁸¹, и тут, и там преобладают соображения выгоды, в ходу компромиссы и политические хитрости, из этой-де морали исчезло возвышенное, оно не руководит более поступками людей. Отношение к хитрости, мошенничеству в демократии очень снисходительное: "Опыт показывает, что во всех странах, где демократия свободно может развиваться сообразно своей природе, господствует подлуп в самом бессовестном виде, причем, никто не считает нужным скрывать своих мошеннических проделок..."⁸². Самым возвышенным в эту эпоху считается моральный тезис Канта, который требует относиться к человеку всегда как к цели, а не средству. Этот тезис, как и моральные принципы христианства, кажутся Сорелю абстрактными и банальными, они отвлекаются от экономических отношений в обществе, от необходимости и высокого смысла классовой борьбы, взывают к социальному

80 Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства. М., 1908. С.18.

81 Сорель Ж. Размышления о насилии. С.137.

82 Там же. С.136.

миру. На деле самая высокая моральная цель современности заключается не в этих призывах, а в том, чтобы посредством революции производителей утвердить приоритет качественных ценностей в мире (качественного труда, семейных ценностей и т.п.), которые не должны ни на что размениваться на рыночный манер.

На это можно заметить, что все зависит от точки зрения, моральные упреки Сореля демократии и рынку продиктованы его приверженностью к патриархальным локальным ценностям, которым угрожает демократия и рынок. Поэтому ему готовность к компромиссам кажется мошенничеством и низостью, необходимость соответствовать критериям рынка равносильна утрате своеобразия и т.п. Подобное моральное высокомерие со стороны социализма в конце XX века уже вряд ли может кого-либо соблазнить.

Наряду с рынком разрушителем качественных ценностей и формой объективированного разума у Сореля выступает фабрика. Сорель пишет, что фабрика деспециализирует труд, что она как бы стирает качественные особенности видов труда и превращает людей в "атомы среднего качества"⁸³, которые различаются между собой лишь количественно. Фабрике он противопоставляет, например, сельское хозяйство как область качественного труда, "биологического производства", "которое представляет крайнее разнообразие и не поддается никакому общему закону"⁸⁴.

"Уравнение труда", которое осуществляет фабрика, способствовало, по мнению Сореля (и в этом с ним, видимо, можно согласиться), созданию теории трудовой стоимости Рикардо, перенятой и Марксом. Сорель считает эту теорию абстрактной и ошибочной, она-де привела Маркса (и Прудона) к ошибочному выводу, что квалифицированный труд может быть сведен к неква-

83 Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства. С.22.

84 Там же. С.25.

лифицированному. Сорель резко возражает против этого. "Очевидно, что квалифицированный рабочий со всех точек зрения, которые экономист должен принять во внимание, не есть простое кратное число того же неквалифицированного рабочего. Маркс в этом вовсе не разбирался..."⁸⁵.

Сорель нападает на тех социалистов (включая Прудона и Маркса), которые принцип такого усредненного абстрактного труда хотели положить в основание социалистического общества (равенство труда). Прудон-де ползгал, что при социализме вознаграждение за труд будет определяться его продолжительностью; Маркс высмеял Прудона, говоря, что тот в качестве принципа будущего социалистического общества берет формулу капитализма, установленную Рикардо. Сам же Маркс в "Критике Готской программы" (можно добавить, что и Ленин в "Государстве и революции") тоже дал формулу социализма, совпадающую с принципом товарного обмена. Маркс, по словам Сореля, хочет урегулировать социализм "по образцу капиталистического производства. Рикардо, таким образом, открыл сущность обмена, а социализму ничего другого не остается делать, как заниматься законодательством согласно капиталистическим принципам, открытым Рикардо"⁸⁶. По мнению Сореля, переносить на социализм принципы товарного производства, в частности трудовую теорию стоимости, неуместно, капитализм уже осуществил в отношении труда эгалитарный принцип (равенство в оплате разных видов труда), назначение же социализма - в отказе от товарного эгалитаризма, в утверждении несводимости качественно разных форм труда.

Рассуждения Сореля о соотношении рыночных принципов и социализма нуждаются в существенной поправке: он говорит о трудовой теории стоимости как

⁸⁵ Сорель Ж. Социальные очерки современной экономики. С.139.

⁸⁶ Там же. С.143-144.

аутентичном выражении сути товарного производства и рынка и возражает только против ее применения к социализму. Но вопрос заключается в том, аутентична ли трудовая теория стоимости товарным отношениям. В трудовой теории стоимости, вообще в количественных теориях рынка (рикардианского типа) слишком сильна социалистическая тенденция. Если же, например, учесть, что рынок есть динамика спроса и предложения, то обнаружится тесная связь количественных сторон рынка (меновая стоимость) с качественной (потребительная ценность). Такой подход снимает определения рынка как сферы унификации и чисто количественных отношений. Но тогда рушится и видение социализма как качественной ему антитезы. К тому же социализм, например, советской модели на деле обернулся тотальной унификацией жизни общества, только унификация эта осуществлялась не в объективно сложившихся формах социального разума, не в таких эгалитарных институтах, каковы рынок и демократия, а в произвольно сконструированных экономико-политических системах, созданных фантазией социалистов (вроде равенства труда, но без рынка). Исключением в этом плане являются социал-демократы, поскольку они качественные ценности стремятся согласовать с институтами рынка и демократии. А марксизм, на иной лад анархо-синдикализм, думали найти качественные ценности за пределами рынка. И ошиблись.

Теперь, когда уяснены те социальные институты (демократия, рынок, фабрика), которые, по Сорелю, представляют объективные формы разума, любопытно взглянуть на предлагаемые им антитезы. Это, так сказать, качественные формы общественного бытия: качественный (а не деспециализированный) труд, производство (в противовес рынку) и власть, максимально приближающаяся к системе общественного самоуправления. Вариант последнего, который предлагал Сорель, имел очень своеобразный характер и представлял своего

рода синтез социализма и консервативного либерализма. Подобно либералам, Сорель требовал невмешательства власти в экономику, её децентрализации, строгого соблюдения разделения властей, глубокого уважения к праву. Но в отличие от либералов он настаивал на уничтожении политического характера власти и существующей системы демократии.

Основой общественного самоуправления, предполагавшейся Сорелем, должна была стать развитая система права. Сорель был таким же фанатиком права, как и врагом демократии. Он признавал, что право тоже рационально, но в его представлении это как бы другой тип рациональности, менее самостоятельный, более близкий к глубинным, психологическим факторам истории, чем рациональность парламента, выборной системы и проч. Право в его понимании скорее ближе к традиции, хотя традиционалистом в собственном смысле он не был, вернее, он хотел сочетать в своих работах традиционализм и революционность.

Сорель нередко писал о конфликтных отношениях между демократией и правом. В "Социальных очерках современной экономики", работе 1903 года, он выражал мнение о происшедшем упадке права и в качестве основной причины этого указывал на парламентаризм, на "законодательную деятельность парламентов, считающих себя призванными производить постоянно реформы; когда все зависит от волевых актов, наука о праве, конечно, должна прекратить свое существование"⁸⁷.

Современного человека противопоставление демократии и права удивляет, в нашем представлении они слиты. Однако Сорель был в этом продолжателем традиции консервативного либерализма, восходящей к Токвилю, Тэну, Ренану и питавшейся теми отношениями, которые складывались между либерализмом и де-

⁸⁷ Сорель Ж. Социальные очерки современной экономики. С.61.

мократией на первых порах ее существования. Горили так пишет об этом: "Тогда не казалось, что свобода должна находить свою гарантию во всемогуществе народной воли, способной на всякие бессвязности, страстные заблуждения и всегда расположенной признать харизматическую диктатуру, но в сложной и испытанной системе равновесия властей, промежуточных учреждений, региональных институтов и особенно в существовании общественных авторитетов, обязанных своим престижем знанию и силе моральных принципов"⁸⁸. Слово "демократ" вызывало у Сореля ассоциации не с уважением к фундаментальным демократическим свободам, а с эмоциональным вмешательством толпы, направляемой политическими группировками или харизматическим вождем. Близкие к этому толкования вопроса дает и Л.Колаковский.

В области права у Сореля были и свои предпочтения, и объекты критики. Так, знаменитая французская "Декларация прав человека" была мишенью его постоянных насмешек. Он критиковал абстрактные правовые формулировки, попытки обосновать права ссылками на "естественную" природу человека. Например, он выступал против трудовой теории собственности, поскольку ее сторонники выводили права собственности из абстракции "Я" и труда как проявления этого "Я". Важно учесть, что Сорель не был противником частной собственности, он высоко ценил ее позитивную роль в истории, хотя в целом его отношение к ней сложное и запутанное. Он протестовал именно против абстрактно-рационалистических обоснований прав собственности, не учитывавших конкретные исторические процессы, что Сорель, как хороший ученик Маркса, считал недопустимым.

Сорель отвергал не только абстракции буржуазного права и буржуазных теорий права. Он также отвергал и попытки социалистов обосновать "права труда", отпра-

⁸⁸ *Goriely G. Le pluralisme dramatique de Georges Sorel. P.16.*

ляясь от равенства как политического принципа буржуазной демократии. В этом плане Сорель чаще всего нападал на Жореса, обвиняя его в том, что он слил социализм с демократией, представил его как преемника Великой французской революции, как ее развитие. Он-де, исходит из того, писал Сорель о Жоресе, что после революции в стране установились противоречия между политической системой (демократией) и экономической (капитализм), и требует привести экономику в соответствие с политикой, экспроприировав крупную собственность и поставив ее под контроль народа. Сам Сорель презирал подобные, казавшиеся ему абстрактными, призывы к "справедливости" и "равенству" в экономической сфере. Конечно, Сорель как социалист не мог избежать эгалитаризма, но он хотел вывести права труда не из политического принципа равенства, а из складывающихся традиций пролетарского права.

Естественно при таких установках, что симпатии Сореля были на стороне традиционного права, формировавшегося как бы независимо от политических влияний и абстракций рынка. Он апеллировал к своего рода реликту в области права, к "частному" или "гражданскому" праву, к тем его формам, которые отражали отношения, существовавшие в обществе до развитого товарного производства. Возникновение частного права Сорель обоснованно связывал с крахом первобытных обществ, появлением частной собственности, с условиями сельского производства патриархального типа. В "Добавлении" к "Иллюзиям прогресса" он писал: "Частное право могло появиться в первый раз бесспорным образом только в странах, где главы семей, получив от своих предков земли, улучшенные от сложения многих производительных сил, работают, чтобы оставить своим наследникам новые улучшения. Это экономическое условие, впрочем, достаточно, чтобы право приоб-

рело вполне определенную форму"⁸⁹. Когда, живя во второй половине XIX - начале XX вв., Сорель жалуется на "вырождение права", он, собственно, имеет в виду исчезновение этих патриархальных правовых отношений в результате вытеснения соответствующих им форм жизни.

Сорель называет некоторые проявления этого процесса. Это, например, крушение семьи и семейных обязательств, узаконение разводов и др. Как разрушительный для семьи фактор Сорель называет огромные государственные налоги на наследства, он расценивает это как вмешательство государства в сферу частного права. Второй круг явлений связан с распространением рыночных отношений и с изменением в этой связи субъекта права. Если прежняя система права предполагала экономически изолированного субъекта, то субъект коммерческого права всегда выступает в сообществе с другими - кредиторами, поставщиками и т.п. Само собой разумеется, что одной из главных причин "вырождения права" у Сореля предстает демократия, законодательная деятельность парламентов, вмешательство государства в экономическую сферу.

Сорель уделял много внимания тому, чтобы в современном ему обществе частное производство, эта основа частного права, сохранялось и укреплялось вопреки экспансионистским поползновениям государства и всевозможным новшествам товарного производства, в силу которых частный предприниматель оказывался вовлеченным в разного рода ассоциации, акционерные общества и т.п. В этих целях Сорель выдвигал программу социальных реформ, предусматривавших социализацию "среды" и оберегавших от этого "производство". Разделение экономической сферы на "среду" и "производство", при котором под "средой" имеются в виду торговля, финансы, транспорт и т.п., Сорель взял у Прудона. Вслед за

⁸⁹ *Sorel G. Les illusions du progrès. P.291.*

ним Сорель был убежден, что социализация среды, сохраняя свободу производителя, в то же время обеспечивает условия роста производства, ибо устраняет монополизм и спекулятивные тенденции в том, что составляет "среду" для производства.

Сельское производство, частное или кооперативное, свободное от спекулятивных тенденций рынка, от волюнтаризма со стороны торговых, финансовых, транспортных предприятий, было той экономическо-правовой сферой, к которой привязаны социальные симпатии и идеалы Сореля. На нее, хотя не единственно на нее, Сорель возлагал и свои надежды социалиста. В одном из своих эссе 1901 г., помещенном в "Материалах теории пролетариата", Сорель писал: "... мне кажется вероятным, что эволюция социализма должна испытать очень сильное влияние сельских институтов..."⁹⁰.

Но, как уже отмечалось, Сорель не был традиционалистом. В "Иллюзиях прогресса" он критиковал идею "исторической школы" Савиньи, представители которой в трактовке права центр тяжести переносили на "обычное право", рассматривали формирование и эволюцию права как спонтанный процесс развития правовых отношений и принципов, некогда сформировавшихся в народе. Спонтанеизм этой концепции права как будто близок Сорелю. Но для него важно еще обосновать возможность нового права. Мысли Савиньи были обращены в прошлое, Сорель же был убежден в необходимости того, "чтобы развивалось в народе сознание права"⁹¹. Тут эпицентр теоретических трудностей Сореля, драматизм состоял в том, что Сорель хотел соединить в понимании истории спонтанеизм и активизм, отрицая при этом активизм рационального типа и призывая на помощь мифологическое сознание.

⁹⁰ Sorel G. Les matériaux d'une théorie du prolétariat. P., 1921. P.227.

⁹¹ Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства. С.55.

Главная забота Сореля как теоретика синдикализма состояла в анализе форм современной ему пролетарской жизни, выделении в ней зародышей нового права, в поиске путей их стимулирования. Для последней задачи и служила его знаменитая теория мифа. Но нас в данном случае интересует не она, а описание особенностей пролетарского права у Сореля. Его ростки Сорель искал на биржах труда, в деятельности небольших синдикатов (крупные синдикаты были, по его мнению, рассадниками бюрократизма), на фабрике. При этом он имел в виду не ту старую фабрику, на которой труд был обезличен и деспециализирован, а новую фабрику (их образцы уже появлялись в конце XIX века), ту, где от рабочих требовалась высокая квалификация, творческая поглощенность своим делом, где их труд приближался по своим характеристикам к деятельности ученого-экспериментатора. Одновременно по уровню самоотдачи этот труд становился подобен и тому идеалу сельского производителя, который имел Сорель.

Сорелю было ясно, что новое право не должно быть правом потребителя и нести определенные распределительные принципы. Он отвергал распространенную тогда среди социалистов формулу лассальянского происхождения о праве рабочих на полный продукт своего труда. Это, по его мнению, потребительство, которое поощряется буржуазными филантропами, стремящимися оторвать рабочих от классовой борьбы. Для Сореля социализм - не вопрос выгоды, потребления, а вопрос морали, приоритета ценностей свободы и независимости производителя, его творческой самоотдачи труду.

Однако у крестьянина подобная самоотдача определялась тем, что он был собственником, относился к делу по-хозяйски. Сорель высоко ценил психологию собственника, не мыслил без нее высших форм пролетарского труда. Но его отношение к собственности на социалистической фабрике остается неясным. Например, в "Социальных очерках современной экономики" можно

найти высказывания и в пользу частной собственности на производстве и против нее. В одних случаях Сорель определенно высказывается за решение Прудона, предполагавшее социализацию среды и одновременно укрепление частной собственности в сфере производства. В другом случае он пишет так: "Немногочисленны еще те социалисты, которые ясно себе представляют, каким образом собственность в течение веков породила гражданское право, как было бы возможно понять правовой режим без частной собственности и какую роль играет на свете развитие идеи права"⁹². Ясно лишь, что он отрицал распространенные среди социалистов концепции социалистической собственности.

Прежде всего, концепцию "государственного социализма", но также идею акционерных обществ с участием рабочих, отрицательно он относился и к социалистическим перспективам кооперативов. Главное, что его не устраивало во всех названных формах, это то, что в них предполагается некая управляющая инстанция, отделенная от рабочих. Он писал: "Можно сказать, что кооперация - такая же ложь, как и демократия; она выдает себя за управление местными интересами посредством самих заинтересованных, она не осуществляет этой программы подобно тому, как демократия не может нам предъявить общей воли, согласной с разумом, по теории Руссо. Это не значит, что кооперативы не приносят пользы; демократические учреждения тоже ее приносят, несмотря на их пороки, по-видимому, неисправимые; но нужно видеть вещи такими, каковы они есть, не поддаваться обману слов и не приписывать формулам той чудесной силы, которой в них нет"⁹³.

Сорель хотел, чтобы рабочие сами непосредственно управляли производством и вообще чувствовали себя его хозяевами. Социалистическая дисциплина труда та,

⁹² Сорель Ж. Социальные очерки современной экономики. С.29.

⁹³ Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства. С.113.

при которой "воля хозяина растворится в коллективном организме рабочих"⁹⁴. Неясно, как при этом конкретно будет выглядеть организация собственности, ясно лишь, что психология рабочего должна быть близка "психологии собственника".

Над всеми изысканиями Сореля в области права доминировало стремление обеспечить свободу производителя, его независимость от политических и рыночных абстракций. Но тут неожиданно обнаруживается, что его либертаризм не исключал деспотизма. Стоит посмотреть в этом плане на его работу "Социалистическое будущее синдикатов" (1898 г.). Он пишет здесь, что труд в социалистической мастерской будет организован по типу масонского братства. Всем предлагаются одинаковые ступени восхождения в трудовой карьере: ученик, подмастерье, мастер: "Существует прогрессивное равенство в социалистической мастерской", "все призваны быть мастерами, потому что все братья"⁹⁵. При такой организации труда власть, естественно, должна принадлежать "группам ветеранов"⁹⁶. Интересно, что в той же работе он высказывается за то, чтобы в профсоюзы принимали лучших рабочих, т.к.-де социализм "стремится обеспечить управление общими интересами лучшими производителями"⁹⁷.

Это, конечно, сказано в одной из работ сравнительно ранних, но позже Сорель сказанного насчет диктата "лучших" и "ветеранов" не опровергал. Таким образом, усиленный поиск форм свободы каждого производителя, который упорно вел Сорель, привел его неожиданно к идеям, реализация которых должна была означать поглощение личности коллективом, подчинение ее интересам "солидарности" рабочих. Как и в ленинизме, отказ от деспотизма демократии обернулся у Сореля по-

94 Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства. С.138.

95 Sorel G. L'avenir socialiste des syndicats. P., 1917. P.78.

96 Ibid.

97 Ibid.

ощрением гораздо более жесткого деспотизма коллектива в отношении личности.

Та же смесь громко заявленного либертариизма и скрытого до поры деспотизма отличает представления Сореля о структурах власти. Сорель всегда осуждал культ государства, в каких бы формах (абсолютистской, демократической, социалистической) он ни проявлялся. Он был сторонником ограничения государственной власти, а в конечном счете замены ее сложной системой публичных властей.

Как говорилось выше, у Сореля был силен либеральный мотив свободы экономической жизни, понимаемой им как запрет государству вмешиваться в производство. Мысль Сореля имела как бы постоянную точку отсчета, и эта точка - эпоха расцвета конкурентного капитализма, свободы торговли, когда сильный напор рыночных отношений сметал всевозможные регламентации экономической деятельности, оставшиеся от прежних времен. Объяснялась такая направленность мысли Сореля тем, что он прочно перенял у Маркса убеждение в катастрофической перспективе капитализма, которая должна быть следствием стихийного капиталистического развития, мощного роста капиталистической индустрии. Сорель ставил перед революционным синдикализмом невыполнимую, невероятную задачу - содействовать восстановлению в Европе конца XIX - начала XX веков ситуации свободной конкуренции, беспрепятственного и стихийного развития рыночных отношений. Он хотел процветания капитализма, чтобы тем вернее наступил его крах.

Защищая независимость гражданского общества, Сорель вообще отвергал возможность какой-либо собственной цели у государства, существование государственной программы общественного устройства. "Идеалистические" аспекты должны быть изгнаны из государственной деятельности, а последняя - сосредоточиться на чисто административных функциях. Под

"административным" государством Сорель имел в виду управление в целях "нейтрализации" общественных отношений таким образом, чтобы никакие произвольные властные влияния не доминировали в той или иной социальной области. "Административное" государство действует как "арифметический механизм"⁹⁸, ничего не навязывая обществу и устраняя любые поползновения к такому навязыванию со стороны иных сил. В качестве типа "административного" государства Сорель называл "местную" власть, последняя вообще должна была, по мнению Сореля, в будущем занять высокое положение в обществе, т.к. Сорель перенял у Прудона идею децентрализации существующего государства.

Целью Сореля было поставить государство на службу обществу, а не наоборот. В этом духе он предусматривал и изменение избирательной системы, проект которой он перенял у Прудона. Смысл его был в том, чтобы покончить с существующими в демократических обществах атомизацией избирателей, с господством абстракции "общей воли", которая на деле становится добычей политических партий, наполняющих ее конкретным смыслом по своему разумению, тогда как рядовой гражданин ощущает эту "общую волю" как чуждую себе, навязанную ему сверху. Спасение от этого порядка Сорель видел в том, чтобы избиратели действовали не как безликие атомы, а как конкретные лица, обладающие таким-то состоянием, образованием, проживающие на определенной территории и т.п. С этой целью избиратели должны быть организованы по куриям "труда, таланта и капитала", по категориям, в которых бы учитывались показатели их общественного положения.

В заключение остановимся на вопросе о значимости в настоящее время мыслей Сореля о государстве. Его отправной точкой была критика демократии и рынка. В этом он близок Марксу, хотя между ними да-

⁹⁸ Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства. С.145.

леко нет идентичности ни в философской методологии, ни в конечных выводах, относящихся к перспективам и идеалам социализма. Сейчас идет поток обличений социализма как идеи и практики равенства. Действительно, протестуя против равенства рынка и демократии, марксистский социализм дал жизнь системе равенства гораздо более глубокого, равенства деспотического, осуществление которого привело к практике массовых репрессий. Сорель не был приверженцем идеи равенства, или во всяком случае его социализм имел столь же эгалитарный, сколь и либертарный характер. Но каждый раз, когда социализм отрицал рынок и демократию, он прокладывал путь насилию над личностью. Это относится и к марксизму, и к ленинизму, и к синдикализму Сореля. Сорель прославился как апологет классовой борьбы, пролетарского насилия, в котором он видел единственный путь к уничтожению класса хозяев. Но склонность к насилию прочитывается и в его эскизах социалистического устройства будущего. Так, отставив фабрику от экспансии рыночных отношений и демократии, Сорель пришел лишь к утверждению диктата коллектива над личностью. Однако сорелевский вариант социализма хранил в себе и такие политические ценности, которые были во многом усвоены демократией в процессе ее совершенствования в течение XX в. Речь идет об уважении к праву, к принципу разделения властей, о придании особой значимости местной власти. Можно поэтому сказать, что сорелевский вариант социализма не был бесполезен в качестве оппонента демократии и, может быть, и в дальнейшем сохранит это свое значение. П.Струве однажды назвал социализм Сореля "мистическим". Это так, но и мистика социализма может быть нужна обществу, хотя бы для осознания границ рационализма в общественной жизни.

Заключение. Философия и перспективы социализма

Проделанный анализ теоретической и политической борьбы в начале века, приведшей в конечном счете к формированию таких социалистических течений как ленинизм и социал-демократия, был ориентирован на то, чтобы развеять не только их различие, но и сходство. В отечественной историографии они трактовались ранее как враждебные друг другу течения. Между тем, общее, конечно, есть между ними. Ленинизм и западная социал-демократия имели в начале века общий исходный пункт - марксистскую ортодоксию конца XIX в., но далее они пошли в разных направлениях. Оба они унаследовали от Маркса протест против рационализированных институтов капитализма (рынка и демократии), стремление утвердить качественные ценности, не впадая в консерватизм. Если социал-демократы искали возможности осуществить качественный проект Маркса путем медленного реформирования капитализма при сохранении рынка и демократии, то ленинизм избрал противоположное решение - тотальный революционный переворот, прямое уничтожение рынка и "формальной" демократии. Однако Ленин уже тем изменил Марксу, что подменил его идеал "снятия" капитализма, предполагавший сохранение достижений последнего, простым его отрицанием, которое по его плану начало осуществляться в исторической среде, во многом еще чуждой капитализму.

Оба названных социалистических течения наложили сильнейший отпечаток на историю XX века. Первая и вторая мировые войны, распад колониализма, социальные преобразования в странах капитала - во всех

этих событиях большой исторической важности роль социализма (социалистической идеи, социалистических партий, претендовавших на социалистичность государств) была очень значительной. Сейчас говорят о крахе социализма. Конечно, он не смог создать обещанной новой цивилизации, но многие его идеи вошли в ткань современного мира. Если не ограничиваться российской ситуацией, где экономический, политический, духовный кризис имеет особые причины и является, может быть, не столько кризисом социализма, сколько кризисом государства, использовавшего элементы социалистической идеологии, если учесть положение в настоящее время и в Европе, то возможен и такой вывод, что дело заключается не столько в крахе именно социализма, сколько в смене эпох, каковая ставит острые вопросы не только перед социалистами. Можно бы даже сказать, что проблемы современного социализма связаны с тем, что его традиционные программы во многом реализовались, хотя и не так, как это представляли себе социалисты. В XIX в. марксистский социализм выступил под знаком решения социального вопроса, в настоящее время острота этого вопроса значительно смягчена, его теснят другие, ставшие более острыми вопросы (экологические, региональные). Социализм ставил задачу противостоять миру частной собственности и рыночных отношений, в известной мере эту интенцию осуществляет государственное регулирование экономикой. Вообще, социалистические решения, вызванные к жизни существованием мощного рабочего класса, крупной машинной индустрии, стали во многом реальностью и теперь постепенно уходят в прошлое.

Наступающая новая эпоха выдвигает новые проблемы и требует новых решений. Найдет ли социализм их самостоятельно или ему для этого понадобится слиться с другими течениями (напр., экологическими), вот существенный вопрос. Его сторонникам нужно определиться, какие из традиционных его идей взять в новое

время, а какие оставить в прошлом. Для этого требуется самый общий философский взгляд на социализм. Философия более устойчива, менее подвержена разъедающему действию времени, чем более конкретные экономико-политические проекты. Не то чтобы философская формула социализма, если ее взять, например, в марксистском выражении, совсем не менялась на протяжении ее существования или хотя бы в XX веке, она менялась. Но та общая интенция к качеству, к противостоянию рыночным и демократическим абстракциям, которая, начиная от Маркса, доминировала в марксистских философских построениях XIX-XX веков, сохраняется, нам кажется, свое значение и в настоящее время. Во второй половине XX века (50-60-ые гг.) философское ядро марксистского социализма оказалось способно генерировать мощное движение социалистического обновления, проходившее под лозунгом "социализма с человеческим лицом". Может быть, и в конце века философия сможет сыграть свою роль в ставшей необходимой глубокой трансформации социализма. Ниже будет дан небольшой эскиз изменений, происходивших в XX в. с философской формулой социализма, взятой в марксистской традиции. Может быть, эскиз будет беглым и неполным, персоналии покажутся выбранными произвольно, но главная цель автора в данном случае - высветить самую общую тенденцию эволюции взятой в самом общем виде философской формулы социализма.

Если брать авторов марксистской традиции, то в начале XX в. наиболее приблизился к пониманию упомянутой формулы Д. Лукач в его широко известной работе 1923 г. "История и классовое сознание". По сути, она представляла философскую концептуализацию революционного пролетарского действия. Работа была критически встречена коммунистической левой, на которую ориентировался и сам Лукач, в результате он отрекся от высказанных им идей. Но книгу высоко ценили и тогда, и много позже социалисты нетрадиционного

типа, пытавшиеся найти "третий путь" в деле обновления мира, путь, не тождественный тем, какой предлагали коммунисты, с одной стороны, социал-демократы - с другой. Сегодня, когда переживают кризис эти традиционные течения, именно в нетрадиционном социализме, имеющем сильную философскую интенцию, можно, нам кажется, найти еще неиспользованный теоретический потенциал.

В книге Лукача нет четких понятий, строгих обоснований, это философско-поэтический взгляд на капитализм и революционно-практическую деятельность пролетариата. Исходный образ, доминирующий над всеми его рассуждениями, - образ товара, вернее, товарного фетишизма, такого положения, когда отношения, продиктованные миром товаров, доминируют над непосредственными отношениями людей. Лукач подхватил этот образ у Маркса и превратил в главную характеристику капитализма, оставив в стороне марксовы чисто экономические обоснования противоречий капитализма и его гибели. За советский период было сделано немало попыток развернуть марксову философскую критику капитализма, в большинстве случаев дело сводилось к прослеживанию его разного рода "объективных" противоречий (например, между производительными силами и производственными отношениями и т.д.). На наш взгляд, при этом явно опускалась важная предпосылка, а именно то обстоятельство, что выделение системы социальных противоречий всегда предполагает присутствие субъекта, который своей целью организует целостность рассматриваемых явлений и тем самым обуславливает указанную систему противоречий. Лукач, выдвинув вперед у Маркса идею товарного фетишизма, ориентированную на характеристику определенного рода взаимодействия субъекта и объекта, более аутентично выразил суть его философской критики капитализма.

Подход к капитализму с позиций товарного фетишизма предполагает вездесущность товара и товарных

форм в обществе, товар опосредует все взаимоотношения людей, он также воплощает одну из форм отчуждения предметных результатов человеческой деятельности в отношении ее самой. Раньше марксистские комментаторы не преминули бы тут отметить, что Лукач на гегелевский манер отождествил отчуждение и овеществление и тем изменил марксову материализму. Такое отождествление в какой-то мере действительно есть у Лукача, и этим не ограничивается воздействие Гегеля на его мысль, что не отменяет его аутентичности в отношении Маркса. Как и у Гегеля, в центре его внимания превратности познания в мире товарных отношений, точнее, Лукач ведет речь об особенностях буржуазного мышления, буржуазной философии. Этому мышлению Лукач адресует характеристики, с помощью которых Гегель описывал рассудочную ступень познания: внешняя положенность в отношении друг друга субъекта мышления и предметного мира, субъект созерцает мир как данность, его представления о мире соответствует этим статичным данностям, они так же конечны, лишены движения, текучести, не способны к взаимопереходу, короче, чужды диалектике. Однако гегелевские наложения у Лукача не могут затемнить близости его рассуждений Марксу, включая и характеристики буржуазного мышления. Ведь именно Маркс, например, многократно повторял, что буржуазные теоретики не могут постичь исторической природы частной собственности, воспринимают ее как данность и т.п.

Лукач характеризует капитализм как мир рационализма, в нем господствуют абстракции - меновая стоимость, абстрактный труд, деньги. К ним Лукач добавляет еще нормы буржуазного государства и права. При этом он ссылается на М.Вебера, но такие характеристики вполне соответствуют и духу марксова анализа капитализма (ср. марксовы описания раздвоения труда и товара при капитализме, его критику формализма буржуазной демократии).

Лукач, с нашей точки зрения, близко подходит к основной философской мысли, питавшей марксов социалистический проект, к его антитезе абстрактных, овеществленных (предстоящих человеку в форме товара) отношений между людьми и самой непосредственной их деятельности, мира качественных ценностей. Он близок к Марксу и в таком важном пункте как придание первостепенной важности революционно-практической деятельности пролетариата. Она - то и есть та реалья, та непосредственная и опосредующая, снимающая мир предметных данностей, деятельность субъекта, которую Лукач противопоставляет капитализму как миру социальных абстракций и товарного фетишизма.

Но прежде чем проговорить явственно эту идею, Лукач выдвигает ряд соображений, назначение которых состоит в том, чтобы дать ей какое-то обоснование. Сначала он в контексте анализа буржуазного сознания утверждает, что оно якобы не в силах постичь "целого" капитализма, так как погружено в мир абстракций и потому не может охватить его в целом, увидеть его исток и предел, его конечные причины и субстанциальные корни и т.п. Например, по его уверению, буржуазные теоретики не способны понять причины экономических кризисов, так как для этого-де надо апеллировать не только к абстрактной меновой стоимости, но и к потребительной, а она для буржуазных теоретиков вроде кантовской умопостигаемой вещи-в-себе. Все такие его рассуждения крайне самонадеянны и несправедливы как в отношении буржуазных экономических теорий, так и философских, в конце концов, свое представление о "деятельной рефлексии" как решении проблемы целостности он заимствует у классиков немецкой философии (и у Маркса, конечно).

Именно из экскурса в буржуазную философию Лукач выносит ключевое для него и для революционного марксизма в целом понятие "деятельной рефлексии", деятельностного сознания, которое единственно и может

постичь целостность капиталистического мира. Тут Лукач приоткрывает весьма существенный аспект своего (и вообще революционного марксизма) понимания целостности: она напрямую связана с целью, с субъективностью, целостность капиталистического мира оказывается генерирована целью. Правда, речь у него не идет о любой цели и любой деятельности, деятельность в форме промышленности или научного эксперимента, или реформистская деятельность по преобразованию капиталистического общества не связаны, с его точки зрения, с той целостностью, о которой у него единственно идет речь, т.е. с целостностью капиталистического мира. Только одна деятельность ведет к ее обнаружению - деятельность революционного отрицания капитализма, осуществляемая пролетариатом. И, таким образом, последний выступает у него как единственный в подлинном смысле "диалектический класс" (если под диалектикой иметь в виду синтез целого и его частичных определений).

Он - тождественный субъект-объект исторического процесса развития, т.е. субъект, делающий своим предметом в теории и на практике всю конкретную историю (но, по-видимому, все же начиная с эпохи капитализма). Не отдельный индивид (он погружен в частности рационализованного мира) и не метафизический "мировой дух" Гегеля (он трансцендентен в отношении человеческой истории) является субъектом, ориентирующимся на целостность капитализма. Поскольку сам пролетариат является товаром, то его самосознание есть самосознание самого капиталистического мира, когда пролетариат достигает самосознания, то он перестает отождествлять себя с товаром и тем самым мысленно отрицает свое бытие в качестве товара. Одновременно это означает мысленное, а потом и практическое отрицание капитализма как общества товарных отношений.

По Лукачу, в процессе самосознания пролетариат приходит к той истине, что за отношениями вещей в

капиталистическом мире скрыты отношения людей. Человек, его действие постигается как первооснова истории. Конечно, Лукач отмежевывается от абстрактного человека Фейербаха, оговаривает, что пролетариат обусловлен в своей деятельности всем объективным содержанием истории, но тем не менее он в соответствии с Марксом утверждает субъективное, деятельностное начало истории. В своих заключениях о пролетариате, его конституирующей историю деятельности Лукач рассуждает вполне в духе Маркса, который писал в одиннадцатом тезисе о Фейербахе: "Точка зрения старого материализма есть "гражданское" общество; точка зрения нового материализма есть человеческое общество, или обобществившееся человечество". В духе этого взгляда на историю сквозь призму деятельности Лукач заявляет, что человек (вернее бы сказать пролетариат) есть мера всех вещей, что "тенденция" обладает более высокой действительностью, чем факт, что истина состоит не в соответствии "фактам", она должна соотноситься не с ними, а с действительностью становящейся, активным творцом которой является сам познающий и действующий субъект.

Все это знакомые мотивы: презрение к фактам, ориентация в познании на тенденции, устремленность познания и действия к целому отличали и Ленина, когда он вел свою полемику с Каутским, и Люксембург, когда она вела полемику с Бернштейном по поводу капитализма. Революционные марксисты начала века были твердо уверены, как и Лукач, что они прекрасно знают "целое" капитализма, имеют средства познать и преобразовать его. Увы, это оказалось иллюзией, сотканной из субъективных представлений и желания перевернуть капиталистический мир. Также как и их учение об исторической миссии пролетариата. Для революционного марксизма характерен философский субъективизм (не имеет значения, что субъектом в данном случае выступает класс, а не индивид), тенденция замкнуть историю

в круге определенного действия, отбросив все трансцендентное для этого акта содержание мира и истории.

Не все философы, которые обращались к проблемам практики, впадали в столь одиозный субъективизм, сопряженный с абсолютизацией содержания определенного действия. Впрочем, таковой есть уже у Гегеля. Он стремился охватить в описываемом им круге действия Абсолютного Духа всю полноту бытия и истории, но бытие вследствие этого оказалось замкнутым в границах одного теоретического и практического акта, хотя бы и совершаемого абсолютным субъектом. Маркс, несмотря на свой материализм, который как будто диктовал конкретно-исторический подход к субъекту действия, к самому действию и заключенному в нем познанию, тоже впадает в субъективизм, в абсолютизацию определенного (пролетарского) исторического действия. Особенно явственно это предстает в идее об исторической миссии пролетариата или в образе коммунизма. Свободу человека в этом будущем обществе он, как отмечалось в параграфе о "Государстве и революции", изображает как самовыражение субъекта, внешняя необходимость при этом утрачивает для человека свой принудительный характер, вся действительность сосредоточивается в круге человеческой деятельности, трагизм бытия исчезает. Лукач в разбираемой работе чрезвычайно усилил этот марксистский субъективизм. Включая в круг пролетарского действия всю полноту истории, он совершенно уничтожает возможность ее трансцендентного в отношении этого действия содержания, пролетарское действие, которое поставлено им в соотношение со всем миром, мистифицируется, оно манипулирует своим объектом (капитализмом), не встречая в нем ничего для себя неподатливо-трансцендентного.

Может показаться, что Ленин с его диалектическим и историческим материализмом преодолевает это высокомерие практики, с позиций которой все богатство действительности сводится к содержанию практических ак-

тов и преимущественно одного акта - пролетарской революции. Однако и у Ленина можно обнаружить субъективистскую линию в подходе к истории, последняя берется им в тенденции высвобождения труда от внешней необходимости, экономической и политической, какой он подчинен в классово-антагонистических обществах. Главное - уничтожить товарные отношения, уничтожить буржуазную демократию и вместо этого царства формализма построить мир непосредственных отношений между людьми, мир свободного труда. То есть последнее слово Ленина (если таковым считать рисуемый им в "Государстве и революции" образ коммунизма) оказывается наполнено тем же субъективизмом деятельности, какой наблюдаем у Лукача, подчеркнутый ленинский материализм, его поклонение объективным законам природы и истории - это внешность, скрывающая обычный марксистский революционный субъективизм. Впрочем, и материализм, и акцент на объективной необходимости выполняли в марксистско-ленинской идеологии важные функции: на них основывались доказательства научного характера марксистско-ленинских догм, и как следствие, утверждался идеологический приоритет партии, воспитывалось идеологически послушное население. Но в фундаменте марксизма-ленинизма находился субъективный принцип монопольной воли пролетариата, которая наделялась свойством преодолеть капиталистическую рациональность и привести к гармоническому обществу.

Уже отмечалось, что в середине и конце 20-х гг. книга Лукача была раскритикована теоретиками комдвижения, их критика была симптоматична, она свидетельствовала об изживании в среде марксистов-ленинцев идей и настроений революционного романтизма, о превращении марксизма в официальную идеологию, в апологетику существовавшего в СССР режима власти и обоснование руководящей роли партии и т.д. Именно это скрывалось за упреками, например, Деборина Лу-

качу в том, что последний, став на точку зрения диалектического тождества субъекта и объекта, отказался от теории отражения, от признания объективных закономерностей истории, природы и т.д. Защищая тезис об объективном характере бытия, истории, познания Деборин стремился как будто разрабатывать более здоровое, рассудительное, положительное мировоззрение, чем то, которое демонстрировал Лукач в своей книге. Однако это здравомыслие Деборина, как и других советских критиков Лукача, здравомыслие, восходящее к Ленину, к его "Материализму и эмпириокритицизму", сейчас не может не быть поставлено под сомнение.

Советские авторы всегда стремились отгородиться от одиозностей, которыми изобиловала книга Лукача, от его откровенного революционного субъективизма и почти мистического пролетарского мессианизма. Они доказывали, что Лукач, когда писал свою работу, плохо знал Ленина, а находился под влиянием Люксембург. Ленин с его материализмом, с его идеями об объективной диалектике природы и истории, с его теорией отражения, концепцией партии, представлялся им антиподом Лукача, от Ленина они вели свою философскую традицию, отличавшуюся преклонением перед объектом, претензиями на самое объективное, научное и несомненное знание и т.д. Но современный кризис социализма явственно свидетельствует, что твердокаменные истины марксизма-ленинизма были не более чем иллюзией, их сутью было не знание, а желание, стремление реализовать социалистическую идею. Т.е. они оказались столь же субъективны, как и тезисы Лукача, и верно, по видимому, будет сказать, что весь марксистско-ленинский монолит объективных истин - это только короста, которая скрывала под собой пожар революционного субъективизма, осмысленного Лукачем в идее диалектического тождества субъекта и объекта.

Книга Лукача была предана забвению марксистами-ленинцами, память о ней сохранялась лишь в уз-

ком круге западных интеллектуалов. Но к концу пятидесятых - в шестидесятые годы с силой выраженный Лукачем и похороненный по сути в официальном марксизме философский принцип деятельности обрел новую жизнь. Он оказался в центре новой, формировавшейся и за пределами коммунистического движения, и внутри него идеологии социализма "с человеческим лицом". Новая идеология была оппозицией объективистско-сциентистскому марксизму-ленинизму, в политическом плане ей соответствовала оппозиция традиционному коммунизму и странам "реального социализма", а нередко и традиционной западной социал-демократии. В целом можно сказать, что философский принцип деятельности, составлявший важный компонент марковского коммунистического проекта, оказался способен генерировать новую форму социалистической идеологии, тогда как объективистско-сциентистский марксизм терял влияние и обнаружил теоретическую и практическую несостоятельность.

Представители нового гуманизированного марксистского социализма не повторяли в точности мыслительных схем раннего Лукача (впрочем, варианты гуманизированного марксизма были чрезвычайно разнообразны). Их отношение к Лукачу можно обобщенно выразить следующим образом: как и Лукач, они вели критику капитализма как мира рыночных и демократических абстракций, видели в социализме качественную им антитезу, но в отличие от Лукача у них нет безоговорочной веры в революционность пролетариата. Представления о революционном субъекте, носителе качественных ценностей, во второй половине века меняются: надежды на желанный переворот связываются не только с пролетариатом, но и с разного рода маргинальными слоями, признается необходимость длительного и разностороннего воспитания революционного субъекта.

Можно попытаться конкретизировать высказанное мнение. В том, что касается общей критики капита-

лизма, рынка, демократии, теоретики гуманизированного марксизма очень близки к Лукачу и к тому критическому потенциалу, который заложен в марксистско-гегелевской идее отчуждения. В этом духе писали в 60-70-ые гг. итальянец Л.Колетти, немец О.Негт, француз А.Лефевр и многие другие. Совсем как Лукач, они нападали и на формализм буржуазного мышления, на экономическую и бюрократическую рациональность, более того, на формально-логическое мышление вообще, т.к. структуры последнего, по словам Негта, суть "мертвые формы, формы выражения власти и в последнее время в особенности власти мертвого труда над трудом живым"¹. С его точки зрения, формально-логические формы нельзя использовать в интересах революционного субъекта, они изначально приспособлены к структурам капитала и всегда служат для оправдания существующих отношений. В контексте таких рассуждений естественно появляется противопоставление формалистическому мышлению диалектического подхода к истории с точки зрения тотальности.

Теоретики, о которых идет речь, стремились к самому тотальному отрицанию буржуазного общества и потому соглашались считать подлинной ему антитезой только коммунизм. Любопытно их отношение к социализму, тут они оказывались даже большими радикалами, чем Маркс. Последний считал социализм первой фазой коммунистического общества, в изображении же упомянутых теоретиков он скорее ближе к буржуазному обществу, чем к коммунизму, такие суждения обосновывались указанием на сохранение при социализме "пережитков" буржуазности в виде товарных отношений и государства. Поэтому со стороны таких теоретиков нередки обвинения в буржуазности, адресуемые, например, советскому обществу. С их точки зрения, только коммунизм, который, согласно марксову проекту, свя-

¹ История марксизма. М., 1981. Т.2, вып.1. С.363.

зан с полной ликвидацией товарных отношений, государства, права, с качественными переменами в области духа (разума, эмоций) несет избавление от пороков буржуазной цивилизации. В этом выдвигении на первый план теоретизирования коммунизма, в синтезе философии и коммунистического идеала критики капитализма второй половины XX в. как бы вторили Марксу, который тоже отождествлял свою философию и коммунистический проект.

Перейдем к проблемам революционной субъективности. Теоретики гуманизированного марксизма 60-70-х гг. интерпретировали марксову критику капитализма как единство научности и критики. На первый взгляд такая позиция кажется общей у них с самыми сциентистскими представителями марксизма-ленинизма, если вспомнить стандартную формулу последнего о единстве науки и революционной практики. Но эта формула предполагала своеобразный приоритет научности перед революционной практикой, истина в таком случае как бы превалировала над целью и порождала ее. Тогда как представители анализируемых взглядов делали акцент не на истине, а на цели, на "телеологической причинности"² в структуре революционного действия. Они претендовали в этом плане на аутентичное прочтение марксизма, противопоставляя Марксу Энгельса, Плеханова, Каутского, поскольку последние подходили к истории в духе сциентизма, видели в ней преимущественно объективную необходимость, а в деятельности человека, заслуживающей внимания, - олицетворение "познанной необходимости". Марксисты-гуманисты второй половины XX в. в новую эпоху возрождали в социализме значимость революционной субъективности, как бы идя вслед за Лукачем и Марксом.

Вопрос о субъекте революционного действия решается обычно в социализме в зависимости от соответ-

² См.: *Coletti L. De Russean a Lenin. P. etc.*, 1974.

ствующего понимания соотношения истины и цели: в ленинизме, этой сциентизированной форме социализма, первая роль отдавалась субъекту, владеющему истиной, т.е. партии, теоретики гуманизированного марксизма, как и молодой Лукач, тяготели часто в той или иной форме и степени к спонтанеизму, их кредо - приоритет стихийных массовых действий в социалистическом движении. Нередко они апеллировали в этом отношении к Марксу Р.Росанда, лидер одной из групп итальянских левых, в 70-ые гг. утверждала, что у Маркса не было особой теории партии, что его философская позиция тождества бытия и мышления исключает какую-либо автономию партии, тем более ее диктат в отношениях с массами, что понятия "класс" и "партия" были у Маркса "взаимозаменяемыми"; Ленин же осуществил в этих вопросах "радикальную ревизию" взглядов Маркса.

Среди авторитетов спонтанеистов - Р.Люксембург, А.Паннекук, любимые предметы анализа - полемика Ленина и Люксембург по организационным вопросам, полемика Каутского и Люксембург, Паннекука по поводу соотношения парламентской тактики социалистов и внепарламентских действий масс. Любопытный мотив: спонтанеисты часто сближали организационные идеи Ленина и Каутского, так же как они сближали цели и природу коммунистических и социал-демократических партий, общества "реального социализма" и капитализма. Их самое глубокое стремление заключалось в том, чтобы быть верными философии Маркса и понятию в философском духе его коммунистическому идеалу, не поддаваться на буржуазные предрассудки, которыми заражены, с их точки зрения, традиционные социалисты (социал-демократы и коммунисты).

Однако неверно думать, что решения означенных спонтанеистов в отношении революционного субъекта вполне идентичны решениям Лукача или Маркса. Время внесло свои коррективы. Если в XIX, даже в начале XX вв. можно еще было надеяться, что

пролетариат "обречен" на революционность просто в силу своего объективного положения в рамках капитализма, то вторая половина XX в. не оставила места для таких иллюзий, перед глазами наблюдателей прошли уже многие поколения пролетариев, вполне согласных с ограниченно-реформистской политикой профсоюзов и социал-демократов. Поэтому, например, О.Негт в статьях, опубликованных в "Истории марксизма" (Москва, 1981), решительно дистанцировался от Маркса и Энгельса, упрекая их обоих в объективистском подходе к пролетариату и в "идеализации" его. Они, с его точки зрения, сконструировали искусственный образ пролетариата - носителя определенной (социалистической) тенденции истории, реальный же пролетариат с особенностями его сознания, жизненных установок и целей выпал из их поля зрения. Когда классики марксизма разоблачали товарный фетишизм и идеологические мистификации буржуазного общества, то пролетариат они как бы выводили за рамки всего этого, он оказывался вне всяких "овеществлений" и мистификаций, непреклонный символ отрицания капитализма. Негт же настаивал на том, что погруженный в мир фетишистских отношений пролетариат и сам имеет фетишистское сознание, подвержен разного рода "практическим утопиям", приспособленным к оправданию его повседневного поведения. Негт критиковал и Лукача за то, что у него капитализм оказывался "монолитным блоком", который мог бы быть расколот только извне, что пролетариат наделялся фатальным свойством разрушения капитализма и представлял как "субъект равнозначный и неделимый, который вмещивается в ход истории и - хочешь не хочешь - приводит к завершению исторического поворота"³.

³ Негт О. История марксизма. М., 1981. Вып.1. С.333.

Итак, спонтанеисты пришли к убеждению, что пролетариат не имеет никакой революционной заданности, что он должен быть воспитан как революционный субъект. Воспитание понималось при этом прежде всего (в отличие от ленинской идеи о партии, воспитывающей массы) как самовоспитание, как изживание пролетариатом своих утопий и фантазий в ходе исторической самодетельности и т.п. в духе спонтанеизма Люксембург. У нее же левые такого рода очень ценили мысль о неизбежности исторического выбора пролетариата, смысл которого она выразила в альтернативе "социализм или варварство". Нет никакой предопределенности поведения пролетариата, социализм является для него просто вопросом выбора, который может состояться, а может не состояться.

Можно указать еще на другие отличия нового спонтанеизма второй половины XX века: например, иррациональный (или сверхрациональный) характер коммунистического проекта Маркса принят его представителями не просто на теоретическом уровне, он стал важным принципом их политической практики. Они отталкивались от убеждения, что недостаточно для революционного субъекта рационалистически усвоить социалистическую цель, эта цель должна быть освоена также на эмоциональном уровне. Многие европейские социалисты к этому времени осознали, что рационализация - враг спонтанного движения, она порождает и сопровождает разного рода бюрократические образования, паразитирующие на нем. В шестидесятые годы Ж.-П. Сартр с силой выразил мысль о хрупкости и неустойчивости спонтанных революционных актов, они мгновенны и неизбежно сменяются институциональными структурами, в которых царит рациональность, извращающая изначальный смысл спонтанных актов.

Один из вариантов такой рационализации - ленинская теория партии и революционного действия. Ленин пытался вогнать историческую действительность в

рамки рационализованного революционного действия, для него нет в мире ничего недоступного для гатто, история представлялась ему абсолютно эластичной перед лицом рационализованного действия. Он не подозревал в ней ничего неподатливо-трансцендентного, никакой ее самости, неподвластной политику-рационалисту, поэтому он так смело манипулировал в истории.

Теоретики-спонтанеисты второй половины века видели существование неумопостигаемого слоя истории, из этого выросло их осознание необходимости противостоять капитализму не только рационально, а более глубоко, посредством выработки чуждого буржуазности нового стиля жизни. Такую возможность, с точки зрения Негта, например, представляет ситуация "неодновременности". В целом у него это довольно сложное понятие, имеющее и традиционное марксистское содержание и кое-что новое. В частности, под "неодновременностью" он имел в виду несравномерность динамики разных сфер жизни потенциальных революционных субъектов. Одни из таких сфер прямо подчинены "логике капитала" (труд), другие удалены от нее (отдых, спорт). Неверно брать рабочего лишь в аспекте "рабочей силы", как источник стоимости, т.к. наемный труд не исчерпывает всех форм жизнедеятельности человека. "Революционный импульс" рождается постольку, поскольку пролетарии живут в разных измерениях, как зависящих от капитала, так и не зависящих от него. Воспитание революционной субъективности осуществляется, таким образом, самой жизнью, протест против буржуазности не ограничивается уровнем теории, он имеет возможность и необходимость быть прожитым рабочими (и представителями других слоев) во всей полноте их бытия.

Можно резюмировать следующим образом изменение представлений о революционном субъекте у социалистов 60-70-х годов: во-первых, отбрасывается идея о предопределенности пролетариев к социализму, послед-

ний объявляется вопросом выбора; во-вторых, внимание переносится с класса на отдельную личность, речь идет о соответствующем воспитании каждого отдельного представителя класса пролетариев и других слоев; в-третьих, учитывается многомерность человеческого бытия, не только труд, политика, но все сферы жизни должны быть вовлечены в процесс становления революционного субъекта. Все это проявления глубокого изменения во второй половине века философской формулы социализма по сравнению с формулой начала века, предложенной Лукачем.

Однако в европейском социализме конца века существуют элементы еще более радикальных, чем вышеописанные, изменений, затрагивающих эту формулу. Можно их проследить, например, в работах 70-80-х годов одного из старейших социалистических писателей Франции А.Лефевра [“О государстве” (1976-1978), “Возвращение диалектики” (1984), “Маркс...или нет?” (1986) и др.]. В сороковые годы Лефевр был сторонником марксизма-ленинизма, потом порвал с последним из-за несогласий с политикой коммунистических партий, но сохранил и интерес к социалистической идее, и способность живо отзываться на требования времени, изменять и обновлять содержание социалистического проекта. В упомянутых работах он дает, с одной стороны, традиционную философско-социалистическую критику буржуазного общества, точнее, обществ, основанных на меновых отношениях, к каковым он относит и классический капитализм, и современные западные общества, и общества советского образца. С другой стороны, он делает шаги к глубокому переосмыслению сути социалистического проекта.

У него встречаем знакомые уже обличения названных обществ, в которых речь идет о господстве в них рационализма, “абстракций” в форме меновых отношений, в форме права и закона, представительной демократии, в области философии и морали. Более того, вся цивили-

зация "абстракции", взятая в самом широком временном плане, от ее зарождения в древнем мире и до эпохи европейских буржуазных революций, далее до современных мировых процессов имеет в лице Лефевра бескомпромиссного критика. Квинтэссенцией цивилизации абстракции на современном этапе он считает даже не меновые отношения, а приоритет государства в обществе. По его мнению, во всех регионах мира распространяется в настоящее время "государственный способ производства", вытеснивший классический капитализм. Гегель в его глазах является одним из самых современных философов, поскольку он понял, что суть буржуазных революций заключается в разуме, развивающемся в сторону государства, что основную сохраняющуюся до сих пор тенденцию общественной жизни составляет "колоссальное выдвигание вперед абстрактного, а именно, собственности (частной, движимой) - Закона и Кодекса - Государства и наций и т.д."⁴. Аутентичный протест против цивилизации "абстракции" видится Лефевру именно как протест против всемогущества государства. По его словам, Маркс атаковал "экономического человека" (Avoir), Ницше - "теоретического человека" (Savoir), а вместе они вели атаку, хотя не осознавали этого до конца, на государство (Pouvoir). Последнее же конденсирует все пороки современных обществ, относительно которых можно сказать, что в них "человек болен государством".

Пока Лефевр в целом не выходит из обычного круга философской критики капитализма. Что касается его позитивной программы новой цивилизации, долженствующей сменить цивилизацию "абстракции", то она тоже близка к традиционным социалистическим идеям, идущим от Маркса, Прудона и др. Новая цивилизация мыслится как общество потребительных ценностей, что означало бы перестройку в соответствующем духе всех

⁴ *Lefebvre H. De l'État. P., 1976. Vol.2. P.97.*

сфер общественной жизни вплоть до взаимоотношений людей, вплоть до изменения статуса человека, перехода его к бытию в качестве "недочеловека" или "сверхчеловека", обладающего другим Логосом, другим восприятием мира и т.д. Её бы можно назвать цивилизацией "качества", этот термин как будто наиболее адекватно выражает то, что имеет в виду Лефевр, а именно роль природы как источника потребительных ценностей, человеческую деятельность, принявшую форму эстетического творчества, непосредственные отношения людей взамен прежних, регулировавшихся с помощью права и закона и т.д.

Новые мотивы появляются у Лефевра, когда он пишет о труде, вообще о деятельности. Та универсализация понятия деятельности, какая была у Маркса, Лукача, других философских критиков капитализма, имела основой колоссальное выдвигание значения труда, производственной деятельности, типичное для эпохи капитализма. В это время труд и его носитель - пролетариат - оказались в центре внимания социалистов. Лефевра от других социалистических писателей отличает критицизм в отношении производительного труда, что связано у него с прогнозами насчет отмирания труда в будущем обществе сплошной автоматизации, замены производительного труда "игрой", "эстетическим творчеством", перерастания меновых обществ в "игровую" цивилизацию. У Маркса он отмечает двойственность: Маркс-де начал девалоризацию труда, дав критику частичного, абстрактного труда, осознал ценность досуга, но одновременно он развивал апологию труда (в идее о самопроизводстве человека посредством труда, в обосновании исторической миссии пролетариата). В силу указанной двойственности марксова идея революции утрачивает ясность: "Революция труда или не-труда?"⁵. Лефевр представляет тип западного социалиста конца века,

⁵ *Lefebvre H. Le l'État. Vol 1. P.273.*

который считает труд одной из консервативных ценностей. По его мнению, "этика труда" оформилась в раннекапиталистических обществах и прочно утвердилась на более поздних ступенях развития капитализма. В современных же обществах господствующей тенденцией является обесценение труда и выдвигание ценности досуга.

Такое критическое отношение к труду не могло не сказаться и на переоценке философского понятия деятельности. Хотя Лефевр ценит у Маркса тезис о "самопроизводстве человека", он между тем дает такие поправки к нему, которые почти сводят его на нет. Лефевр критикует "самодостаточность" марксова тезиса, в силу чего в нем-де игнорируется роль природы и в экономическом плане, и в философском. Лефевр хочет синтезировать марксов тезис с признанием роли природы, что, по-видимому, ведет к существенному ограничению сферы "самопроизводства", к снижению роли принципа деятельности. Это значит, что философская формула социализма, выкованная Марксом, употреблявшаяся Лукачем, да и многими марксистами вплоть до недавнего времени, поколеблена в ее сердцевине, предполагавшийся ею круг отчуждения-разотчуждения утратил свою всеохватность. Обретение качества в противовес господствующим абстракциям уже не мыслится единственно как возврат к истокам труда путем снятия его отчужденных превращений, с труда, рабочего интерес смещается к миру качества, понятому в широком смысле, как "живое". Маркс поставил в центр исторической диалектики труд, Лукач в этом отношении вторил ему, у Лефевра диалектика выражает протест "живого" в его многообразных исторических формах против абстрактного, тождественного, против насильственных эквивалентов и идентификаций, против логики. Может быть, это симптом возрождения другой формулы социализма, которую развивал в начале века Ж. Сорель и в которой сильны мотивы бергсоновского интуитивизма.

"Живое", по Лefевру, - это разнообразный мир социальной периферии, слои и регионы, занимающие в общественной жизни периферийное положение в отношении центра, т.е. государства (зависимые страны, сельскохозяйственные регионы, пригороды, рабочие, женщины, молодежь и т.д.). Названные реалии составляют естественную оппозицию в отношении центра, субъектами социального переустройства оказываются, таким образом, не выделенные умственно социальные группы (классы), а конкретные группы, объединенные пространством, в котором они живут и действуют. Хотя и теперь речь идет о глобальной метаморфозе общества, но нет более единого революционного субъекта, нет более и тотальной цели общественного переустройства вроде установления общественной собственности, задача преобразования заключается в отстаивании прав "живого" перед лицом его насильственных идентификаций со стороны государства, защита "права на различие".

А.Лefевр очертил, нам кажется, один из вариантов нового типа социализма конца XX века, в его формулировании главную роль сыграла философия, традиционные философские идеи о новой цивилизации. Если продолжать двигаться в этом направлении, то следует, по видимому, опереться на уроки, которые предлагает история социализма. Можно назвать хотя бы два из них, просматривающихся и в тех исторических эпизодах, о которых шла речь в настоящей работе: 1). Памятуя историю ленинизма, следует учитывать, что провозглашенные социализмом ценности являются антитезой миру рационализированных отношений, вырабатывающейся на почве этих отношений. Иначе возникает опасность смешения социалистических ценностей с решениями в традиционалистском духе. 2). Важно избегать буквального прочтения философского идеала и непосредственного переноса его на существующие реалии. Так случилось в начале века, когда марксова идея гармонического общества была жестко увязана с такими

требованиями, как общественная собственность (безрыночное хозяйство) и диктатура пролетариата. На деле это были лишь конкретные средства, с помощью которых в тот период пытались двигаться в направлении коммунистического идеала, но эти средства стали самоцелью и в этом качестве препятствием на пути к осуществлению философской программы новой цивилизации, выдвинутой Марксом, Прудоном и др. Теперь кажется, что, например, самоуправление аутентично передает смысл философского проекта социализма. Но этот путь тоже не может быть тождественным философской цели, ибо последнюю нельзя адекватно выразить на языке конкретных реалий. Полуторавековая история социализма дает, нам кажется, бесспорный урок: надо строго различать формулируемые на философском языке социалистические цели от конкретных методов и средств, используемых для ее реализации, всегда помнить о дистанции между ними. Верно, однако, и другое, о чем уже шла речь выше, а именно: философская идея новой цивилизации, по-видимому, способна генерировать новые формы социализма.

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловие.....	3
Глава 1. Социал-демократия и проблемы экономической рациональности.....	18
1.От решительного отрицания рыночной экономики к признанию ее перспектив (Каутский, Бернштейн, Гильфердинг о капиталистическом хозяйстве).....	18
2.Ленин как ортодокс: теория империализма.....	55
3.Разрыв Ленина с марксистской ортодоксией: вопрос о материально-производственных предпосылках социализма.....	74
Глава 2. Социал-демократия и проблемы государства.....	100
1.К.Каутский - демократ в социализме.....	100
2.Критический комментарий к работе Ленина "Государство и революция".....	130
3.Ж.Сорель: анархо-синдикалистский вариант отрицания демократии.....	162
Заключение. Философия и перспективы социализма	191

Научное издание

САМАРСКАЯ Елена Александровна

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В НАЧАЛЕ ВЕКА

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Редактор *Л.Ф.Пирожкова*
Художник *В.К.Кузнецов*
Корректор *Т.М.Романова*

Лицензия ЛР №020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 14.04.94.
Формат 70x100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл.печ.л. 6,75. Уч.-издл.10,18. Тираж 500 экз. Заказ № 023.

Оригинал-макет подготовлен к печати
в Институте философии РАН
119842, Москва, Волхонка, 14.
Оператор *Т.В.Прохорова*
Программист *М.В.Лескинен*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119842, Москва, Волхонка, 14